

**Восточная Европа
в древности
и средневековье**

XXV

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

**XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто
и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева
Москва, 17–19 апреля 2013 г.**

Материалы конференции

Москва 2013

ББК 63.3

В 782

Конференция проводится в рамках работы над проектом
«Становление государственной инфраструктуры
в Античности и Средневековье (компаративное исследование)»
по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Нации и государство в мировой истории»

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е.А. Мельникова (ответственный редактор)

к.и.н. Т.М. Калинина (ответственный секретарь)

к.и.н. А.С. Щавелев (ответственный секретарь)

к.и.н. Т.В. Гимон

к.и.н. Г.В. Глазырина

д.и.н. Т.Н. Джаксон

д.и.н. И.Г. Коновалова

д.и.н. А.В. Назаренко

д.и.н. А.В. Подосинов

д.и.н. Л.В. Столярова

ISBN 978-5-94067-385-9

В 782

© Институт всеобщей истории РАН 2013 г.

© Авторы 2013 г.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА В СИСТЕМЕ ИМПЕРСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ ПО ДАННЫМ МОЛИВДОВУЛОВ ТОРГОВО-ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ ИМПЕРИИ

Анализ сфрагмистических памятников показывает, что в период раннего средневековья византийская Таврика не только не была обделена вниманием различных имперских и провинциальных ведомств, но и, очевидно, играла весьма заметную роль в международной торговле причерноморского региона.

Находки печатей таможенного управления Византии свидетельствуют о том, что государственный контроль над товарами заморских купцов осуществлялся здесь уже с VII в. и, по крайней мере, портовые центры полуострова (Херсон и Сугдея) находились в ареале особых интересов имперских секретов-инспекций, контролировавших экспорт и импорт товаров в припонтийском регионе.

Сбор налогов и пошлин в Византии осуществлялся на государственных таможах – фемных императорских коммерциях, непременным условием существования которых было прохождение через них сухопутных или же морских торговых трактов.

Ярким примером такого положения является Крым, через который еще со времен античности проходили традиционные торговые маршруты, соединявшие север и юг, а в византийский период обеспечивавшие связи Византии с Древней Русью, Западной Европой и кочевниками. Один из таких караванных путей через Херсон указывает Константин Багрянородный (Константин 1991. С. 171–177). Это, очевидно, было обусловлено и географическим положением этого центра, и, безусловно, его экономическим развитием, способным поддержать достаточный объем товарооборота с северными соседями (ср., например, роль Трапезунда на южном побережье Черного моря. – Oikonomides 2000. С. 320). В связи с этим собственных коммерциариев Херсона, видимо, следует рассматривать в первую очередь как чиновников, контролировавших транзит товаров непосредственно в херсонском порту, к

которым впоследствии перешли и функции фемных налоговых инспекторов (Алексеев 2005. С. 1592–1626).

Находки печатей коммерциариев в Крыму очерчивают вполне определенный ареал контактов местных чиновников со своими коллегами и тем самым указывают на связи Таврики с конкретными регионами империи, откуда приходили экспортируемые товары и куда доставлялся северный импорт (Константинополь, Геллеспонт, Малоазийское и Балканское Причерноморье).

Так, в Херсоне известны моливдовулы коммерциария Феодора (Алексеев 2004. С. 265–266, рис. 1–2) времени правления Ираклия с сыновьями (632–641 гг.); апоэпарха Сергия и главного коммерциария Феодора (Алексеев 2004. С. 266–267, рис. 3) периода правления Костанта II (641–654); Стефана, главного коммерциария Абидоса (Алексеев 2004. С. 267, рис. 4–5) и <...главного коммерциария...> Феодора (Алексеев 1997. С. 123–126, № 2) времени Костанта II с сыновьями (659–668).

В Сутдее найдены печати Кириака, главного логофета аптеки Константинополя рубежа VII–VIII вв. (Šandrovskaja 1995. Р. 153–154); Иоанна, главного коммерциария Онориады, Пафлагонии и приморского побережья Понта (Šandrovskaja 1993. Р. 88–89, nr. M-12457); императорской коммерции Полемониака 735/36 г. (Stepanova 2003. Р. 126, nr. 6) и императорской аптеки Опсикия (Šandrovskaja 1993. Р. 89–90, nr. M-12456); времени правления Константина V (741–775), а также главного коммерциария Понта Косьмы (Степанова 2001. С. 101, примеч. 12) середины IX в.

Об активном участии Таврики в экспортно-импортной торговле империи свидетельствуют и некоторые другие памятники сфрагистики.

К VIII в. относится уникальная печать буллотира Иерона (Алексеев 2004. С. 268, рис. 7), в чьи обязанности входило от имени епарха Константинополя опечатывать товары, подлежащие таможенному контролю в столице империи.

О контактах Таврики с приморскими районами южного Понта и Геллеспонта свидетельствуют моливдовулы так называемых «комитов проливов», двух основных морских таможен Византии: Иерона и Абидоса (Алексеев 2004. С. 269, рис. 8–9), стратегически выгодное местоположение которых в проливах (на Боспоре

и в Дарданеллах) обеспечило необходимые условия для контроля над транзитом грузов из Черного моря в Средиземное и обратно.

К этим находкам можно добавить и не вполне обычный моливдовул херсонского коммеркиария первой половины X в., чьи полномочия, судя по представленной на печати легенде, распространялись не только на Херсон, но и на какую-то часть Понта (Алексеев 2012. С. 279–281, рис. 7).

Надо полагать, что значительное увеличение товарооборота на трассе Понт–Таврика в начале IX в. обусловило и появление в Херсоне официальной должности коммеркиария (Alekseyenko 2007. Р. 121–164; Alekseyenko 2012. Р. 51–59, 181–211, nos. 95–125), подобно тому как это происходило и в других византийских центрах. В связи с этим не удивляет обилие найденных и в Херсоне, и в Сугдее печатей других важных чиновников финансового ведомства империи – логофетов геникона (Šandrovskaja 1993. Р. 90–93; Stepanova 1999. Р. 55–56, nos. 17–19; Смычков 2000. С. 28–30; Stepanova 2003. Р. 123, nr. 2; Алексеев 2003. С. 174–205; Alekséenko 2003. Р. 77–79, nos. 2–4; Булгакова 2008. С. 298–299, 306–308, № 3, 10–14).

Таким образом, можно констатировать, что Таврика в VII–IX вв. находилась в центре особого внимания имперского государственного аппарата. Анализ данных памятников сфрагистики показывает, что и в «темные века», и позже два основных центра этого региона – Херсон и Сугдея – не только не были обделены вниманием различных имперских и провинциальных ведомств, но и, очевидно, продолжали играть весьма заметную роль в международной торговле всего причерноморского региона. Находки здесь печатей таможенных чиновников как целых провинций или их частей (Полемониак, Пафлагония, Онориада, Опсикий, Понт), так и отдельных центров (Константинополь, Абидос, Иерон), и, весьма вероятно, других центров, имена которых, к сожалению, не видны на печатях плохой сохранности, – очевидное свидетельство активной экспортно-импортной деятельности этих центров на всем протяжении рассматриваемого периода. Поступление значительной прибыли в казну от таможенных сборов выделяло такие центры в особый разряд привилегированных городов, развитию и процветанию которых уделялось особенное внимание со стороны византийского государства.

Таким образом, и Таврика в целом, и собственно Херсон и Сугдея, а возможно, и другие византийские центры полуострова, были важными центрами транзитного товарообмена, способствовавшими не только проникновению византийского экспорта на север, но и получению необходимых импортных товаров как для самой Византии, так и для других стран Средиземноморья. Вне всякого сомнения, это способствовало превращению таможенных пунктов в крупные торгово-экономические центры с развитой городской инфраструктурой.

Литература

- Алексеевко Н.А.* Моливдовулы адресантов Херсона VII–IX вв. // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 122–133.
- Алексеевко Н.А.* Печати главных логофетов из Херсонского архива // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 174–205.
- Алексеевко Н.А.* Коммерция и коммерциарии Херсона в IX–X вв. // Сфрагистика и история культуры. СПб., 2004. С. 92–102.
- Алексеевко Н.А.* Таможня и коммерциарии Херсона // *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Харьков, 2005. Т. 2. С. 1592–1626.
- Алексеевко Н.А.* Находки печатей херсонских чиновников в византийской Сугдее (к проблеме атрибуций и датировок) // Сугдейский сборник V. Киев; Судак, 2012. С. 271–286.
- Булгакова В.И.* Сигиллографический комплекс порта Сутден (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник III. Киев; Судак, 2008. С. 296–330.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.
- Смычков К.Д.* Новые находки моливдовулов главных логофетов X в. в Херсонесе // Нумізматика і фалеристика. Київ, 2000. Вип. 2 (14). С. 28–30.
- Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97–109.
- Alekséenko N.* Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson // SBS. München; Leipzig, 2003. Vol. 8. P. 75–83.
- Alekseyenko N.* La douane du thème de Cherson au IXe–Xe siècle: les sceaux des commerciaux // Kiev–Cherson–Constantinople. Ukrainian Papers at the 20th International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001). Kyiv; Simferopol; Paris, 2007. P. 121–164.
- Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson: Catalogue des sceaux. P., 2012.

- Oikonomides N.* Le «système» administratif byzantin en Crimée aux IXe–Xe s. // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. 7. С. 318–323.
- Šandrovskaja V.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. Washington, 1993. Vol. 3. P. 85–98.
- Šandrovskaja V.* Die Neuen Funde an byzantinischen Bleisiegel auf der Krim // SBS. Washington, 1995. Vol. 4. P. 153–161.
- Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. Washington, 1999. Vol. 6. P. 47–58.
- Stepanova E.* New finds from Sudak // SBS. München; Leipzig, 2003. Vol. 8. P. 123–130.

Д.Ю. Аранов

ПОЧТОВЫЕ ПОВИННОСТИ В АЗИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Развитие государств в Старом Свете было тесно связано с организацией внутренних и внешних связей и обеспечения их материального поддержания. Ключевым элементом этих процессов являлось устройство почты как системы передачи информационных сообщений и перевоза ценных грузов, в доставке которых было заинтересовано прежде всего государство (Остряков 1924. С. 3–6).

Рассмотрим становление почты и связанных с ней повинностей в разных районах и странах Евразии.

Китай. С древности почта в Китае, как и на Востоке в целом, являлась сугубо государственной службой, организуемой «сверху» и обслуживающей потребности власти (Бартольд 1973. С. 352). При китайских императорах обычно существовали специальные чиновники, руководившие деятельностью почтового ведомства. Главные дороги (тракты), здания станций и территория вокруг них являлись государственной собственностью; казна платила жалование гонцам и почтовым служащим. Местное население не имело права пользоваться почтовыми услугами, зато было обязано нести кормовую повинность (поставка еды и фуража для нужд почты), обеспечивать новых лошадей и подводы для перевоза людей и грузов, предоставлять постой путешествующим и др. Об

уровне развития почтовой организации в Китае свидетельствует то, что в эпоху династии Тан в VII–VIII вв. в стране насчитывалось до 1600 почтовых станций (Итс, Смолин, 1961. С. 94).

Иран. О высоком уровне организации почты в Иране при Ахеменидах сообщал Геродот, который с восторгом писал о том, как «умно у персов устроена почтовая служба», и восхищался блестящей организацией эстафеты гонцов царя Ксеркса (Геродот 1972. С. 402). Иранские (как и другие восточные) почтмейстеры были негласными осведомителями центральной власти обо всем происходившем в персидских провинциях (Бартольд 1963. С. 288). Как и в Китае, податное население Ирана обязано было нести обременительные почтовые повинности – кормовую, подводную и постоянную, а также обеспечивать потребный почте конский ремонт. Представляется, что именно иранский опыт организации почты повлиял на устройство подобных служб в Римской и Византийской империях и Арабском халифате.

Монгольская империя. Отталкиваясь прежде всего от китайского опыта, Чингисиды в 1235 г. организовали почтовую службу. На дорогах огромной империи было создано множество постоянных дворов-«ямов» (от монг. «дзям» – дорога), находившихся друг от друга на расстоянии 30–40 км. На каждой такой станции должно было находиться до 20 человек, готовых к немедленной отправке гонцов, табун свежих лошадей, а также стада баранов для пропитания проезжих. Кормовое и иное почтовое содержание тяжелым бременем ложилось на местное население (Кутлуков 1977. С. 92–93). Монгольские подданные должны были выделять для нужд чингисидской почты не только продукты и подводы, но и людей для охраны лошадей и слуг для послов. В ходе монгольского завоевания Ирана использовавшаяся Чингисидами китайская почтовая система наложилась на близкую ей по структуре персидскую, в результате чего, судя по всему, возник их своеобразный симбиоз. В монгольских Иране и Средней Азии действовал целый ряд «уроков», связанных с обслуживанием почты, – кормовая («алафа»), подводная и конская («улаг») и постоянная («нузул») повинности (Петрушевский 1960. С. 396–399). Огромная тяжесть этих почтовых поборов усугублялась постоянными злоупотреблениями при их взимании со стороны монгольского государственного аппарата. Структура почтовых «ямов» и

связанных с ними повинностей была распространена и на территорию Золотой Орды. Организация почтовой службы здесь вначале входила в круг обязанностей монгольских «даруг», а затем, судя по всему, ею стал ведать специальный чиновник – почтмейстер (тюрк. «ямчи-шусунчи-лар») (Гурлянд 1900. С. 31; Федоров-Давыдов 1973. С. 30).

Русь. Сведения о почтовой службе на Руси в домонгольское время носят отрывочный характер. В литературе отмечаются упоминания в источниках поездок княжеских гонцов, которые толкуются по-разному (С.М. Соловьёв, М.Ф. Владимирский-Буданов), но в целом признается отсутствие в условиях раздробленности необходимой почвы для создания единой почтовой службы (Гурлянд 1900. С. 28). Первое русское законодательное решение по «почтовому вопросу» исследователи относят к договору Великого Новгорода с князем Ярославом Ярославичем (1266 г.). По этому документу новгородские «купцы» и «села» были обязаны материально обеспечивать княжеских «дворян», доставлявших «ратайные вести» (Вигилев 1990. С. 33).

С установлением власти Батыя и его преемников население вассальных русских земель было обязано постоянно платить так называемый «татарский ям» (видимо, прямой денежный ордынский почтовый сбор) и выполнять иные повинности, обслуживая нужды проезжавших по Руси ханских гонцов, послов и их окружения. По ярлыку ордынского хана Менгу-Тимура (1267 г.) лишь православному духовенству было даровано право не давать «ям... корм или подводу» (Почкаев 2010. С. 83). Все остальное русское население продолжало обеспечивать ордынских посланцев и их свиты кормами, подводами и постоем на русской территории (Федоров-Давыдов 1973. С. 131). Возможно, заготовкой именно этого корма и исполнением других почтовых повинностей занимались «численные люди», упоминаемые ок. 1339 г. в духовной грамоте Ивана Калиты (Черепнин 1960. С. 354). В русскую жизнь тогда вместе со словом «ям» пришел и термин «ямщик» (от монг. «ям-чи»), обозначавший вначале почтового смотрителя, а позднее возчика людей и грузов. В то же время, судя по всему, почтовые дворы в русских землях тогда отсутствовали и денежный почтовый сбор уходил на содержание татарских «ямов» на собственно ордынской территории (Гурлянд 1900.

С. 40–41). В условиях ликвидации ордынского ига почтовые повинности продолжали собираться, но теперь стали тратиться на собственно русские нужды, в частности на учреждение русских почтовых «ямов». К концу XV в. в постоянный обиход входят такие понятия как «ямские деньги», «ямская гоньба»; в 1490 г. учреждается должность ямского дьяка, ведавшего русской почтовой службой и т.д. (Ерошкин 1983. С. 41).

Таким образом, термин «ям» имел как минимум двоякий смысл и обозначал: 1) постоянный двор на почтовых трактах государств Чингисидов; 2) особый почтовый денежный сбор, взимаемый Ордою на Руси, но, насколько известно, не бравшийся с населения других подвластных монголам земель. Как правило, бремя натуральных почтовых повинностей («корм», «подвода» и «постой») было особенно тяжелым для тех, кто жил вблизи почтовых дорог и станций.

При анализе роли монгольского фактора в организации русской почты можно констатировать принесение через Орду таких терминов, как «ям» и «ямщик», и вместе с ними известного опыта почтовой технологии. Поскольку «монгольская почтовая мудрость» была заимствована у оседлых народов Азии, правильнее говорить о воздействии на генезис русской почты прежде всего соответствующих профессиональных традиций Китая и Ирана. Следует также помнить, что и ордынская, и затем российская почта жила за счет податей и повинностей простого населения, но обслуживала исключительно государственные потребности. Лишь во второй половине XVII в. русская почта начнет приобретать общедоступный характер, и ею, наконец, станут пользоваться частные клиенты.

Источники и литература

- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1963. Т. 1.
- Вигилев А.Н.* История отечественной почты. М., 1990.
- Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972.
- Гурлянд И.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.
- Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

- Итс Р.Ф., Смолин Г.Я.* История Китая с древнейших времен до середины XVII в. Л., 1961.
- Кутлуков М.* Монгольское господство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. ст. М., 1977.
- Остряков А.* Краткий очерк по истории Всемирной и Русской почты. М., 1924.
- Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960.
- Почкаев Р.Ю.* Ханы Золотой Орды. СПб., 2010.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Социальный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

В.А. Арутюнова-Фиданян

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ АРМЯНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ЛИМИТРОФОВ В X–XI вв.*

В истории многовековых отношений Византии и Армении существовало два периода особенно тесного взаимодействия, когда большая часть армянских земель входила в состав империи. Для Армении VI–VII и X–XI вв. были характерны: общая с Византией государственность, взаимодействие этносов, конфессий и культур, появление синтезных феноменов в результате сплава армянских и византийских институтов и форм идеологии, определявших магистральные социо-культурные процессы региона. Иными словами, в лимитрофных областях возникала новая общественная модель – синтезная контактная зона. Конституирующими факторами генезиса контактной зоны такого типа следует считать не только общее пространство и общее время, но и близость цивилизационных составляющих.

При сходстве указанных базовых параметров, первый и второй этапы контактной зоны имели и существенные различия. В конце VI – VII в. Армения была не просто имперской провинцией, но единым полуавтономным политическим образованием под управлением византийских императоров через лично ими назначавшихся и смещавшихся наместников (чаще всего из армянской

аристократии). Нахарарский строй, феодальный по существу и родовой по форме, неколебимо существовал в Армении; в условиях ирано-византийского противостояния империя не могла его уничтожить, не потеряв при этом органично связанные с ним военные институты (нахарарские дружины, конницу, ополчение). На VI–VII вв. приходится расцвет православной халкидонитской общины и армянской халкидонитской церкви, а взаимодействие двух миров создавало единое культурное пространство.

Арабское завоевание, разрушив контактную зону первого этапа, как будто уничтожило условия для ее реконструкции, но, тем не менее, в конце X – XI в., во время вторичного инкорпорирования армянских земель в восточные провинции империи, синтезная контактная зона возродилась в армяно-византийских лимитрофах, однако при этом произошла определенная трансформация модели и, прежде всего, в социально-административной и экономической сферах.

Контактная зона первого этапа характеризовалась присоединением к империи большей части Армении по двум ирано-византийским договорам о разделе армянских земель в 387 и 591 гг. На втором этапе она формировалась в процессе постепенного захвата небольших округов и крепостей, которые из единиц экспансии превращались в малые военно-административные округа, служившие плацдармами для последующего движения Византии на Восток.

Византийская реконкиста в Малой Азии началась с аннексии небольших городов и крепостей на арабо-византийских границах и продолжилась завоеванием земель Малой и Великой Армении, причем не столько военными, сколько дипломатическими методами. В X–XI вв. был широко распространен обмен родовых имений во вновь завоеванных районах на земли казны, при этом на новые земли уходили не только владельцы и их этерии, но и часть населения. Так, обменяли свои земли на имперские в Малой Азии Васпураканские Арцруни, Ширакские и Карсские Багратиды и другие армянские владельцы.

В контактной зоне исчезают армянские царства и княжества, но не возникают и византийские фемы, здесь появляется новая административная структура имперских округов, генетически восходящая к социально-административной системе федератив-

ных армянских политических образований. Новая структура, образовавшаяся спонтанно, нашла отражение в такой консервативной области, как византийская терминология, получив наименование *χώρα*. «Хора» (арм. *aṣḫarh*) – кроме имманентного этому слову во все времена значения «земля, страна» – обретает в X–XI вв. смысл специального термина для определения социально-административных реалий армяно-византийской контактной зоны с ясно прослеживаемой иерархичностью семантики. «Хора» – это, прежде всего, вся территория армяно-византийской контактной зоны, куда входят не только военно-административные округа империи, но и независимые и полузависимые политические образования, в свою очередь тоже именуемые «хорами». «Хора» – это и крупный военно-административный округ империи (Васпуракан, Великая Армения и Ивирия и др.), и небольшая область, город или крепость с округой, которая располагается на территории большого округа («хора в хоре», по Кекавмену). Княжество Тарон являлось федерацией владений разветвленного рода Таронских Багратидов, а после того как Тарон отошел к Византии, его территорию заняла федерация малых византийских округов и оставшихся у армянских владетелей родовых земель. Васпуракан, как и Тарон, – область исторической Армении и государство Армении средневековой, но и византийский округ Васпуракан в XI в. состоял из федерации малых округов и сохранившихся доменов армянских князей, так же как и округ Великая Армения и Ивирия (изначально искусственно созданная общность из областей, удаленных друг от друга территориально и не слишком близких экономически).

В трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» (X в.) впервые появляется не только термин «хора», но и термин «хорополис» – центр хоры, город, который является не столько административным центром и резиденцией наместника, сколько центром ремесла и торговли. Именно в таких городах появляются элементы городского самоуправления. Ипат Мхитар, сын Курта, спафарокандидат Григор, сын Лапастака, спафарокандидат Саркис, сын Артаваза, упомянутые в анийской надписи византийского наместника Баграта Вхкаци, были такими представителями местного самоуправления. Уникальные и до сих пор не до конца истолкованные анийские надписи, высеченные от

имени Аарона (1050–1056/57), Иоанна Монастириота (1059) и Баграта Вхкаци (1060–1064), сообщают о взаимодействии византийских губернаторов в Ани с местной городской администрацией, обладавшей невысокой византийской титулатурой. Главное внимание в этих надписях уделяется строительной и фискальной деятельности наместников. И в сообщениях о налоговых льготах примечательно параллельное употребление армянской и византийской терминологии (гют, тастак, баж и т.п., но и пакт и анга-рион и т.п.).

Вотчина (хайреник) остается экономическим субстратом контактной зоны и на первом, и на втором этапе. Это либо крупное феодальное поместье (сложный комплекс земельных угодий, усадьбы и хозяйственных построек с зависимым крестьянским населением, обязанным владельцу барщиной и оброком: продуктами и деньгами), либо город с округой – отдельная сеньория.

Эта структура лежала в основе пирамиды армянского феодального государства и оставалась непоколебленной в ходе завоеваний (арабских, византийских или сельджукских) и административных перемен, сметавших только верхние слои пирамиды. Именно она оказалась на пути Византийской империи в процессе инкорпорирования армянских царств и княжеств.

Пространство армяно-византийской контактной зоны X–XI вв. включало в себя территории от Тарона на западе до царства Ширакских Багратидов на востоке, от Южного Тайка на севере до Васпуракана на юге. Присоединение к этой зоне византийских провинций в Месопотамии, Сирии и Киликии связано с появлением армянских переселенцев.

В процессе продвижения Византии на восток создаются предпосылки для разложения фемного строя: расслоение в среде стратиотов, превращение катафрактов в новую феодальную знать, сосуществующую на новых землях рядом с крупными сеньорами, не связанными с общиной. Движение Византии на восток не только доставляло ей новые земли, но и радикально влияло на социальные сдвиги в империи, в особенности когда в ее малоазийские провинции переселились армянские цари и князья (Арпируни, Багратиды, Пахлавуни и др.) с дружинами и частью населения.

Уклад, привнесенный в малоазийские лимитрофы Византии армянскими владельцами, несомненно внес черты высоко разви-

того и традиционно устоявшегося феодального строя в социально-административную жизнь восточных провинций империи. Армянские князья (Хачатур, Тарониты, Аспьет и др.) становятся функционерами византийской администрации, а чиновники империи обретают положение вассально-зависимых князей. Армянские князья в византийской администрации и имперские чиновники существуют в двойственном статусе топарха. Терпимость Византийской империи к «феодальному» управлению малоазийских имперских округов иногда помогала ей удерживать свое влияние в ряде областей этого региона в сложной обстановке войн с арабами, сельджуками и крестоносцами. С другой стороны, крепнущие феодалы высвобождались из-под власти империи (Филарет Варажнули, Вурц, Феодор Гавра). Рубениды, например, довели до логического конца центробежные устремления киликийских армянских феодалов.

Экономическая политика Византии в Армении изучена недостаточно, главным образом ввиду скудости источников. Однако все же можно говорить об определенной конвергенции византийских и армянских феодальных институтов в контактной зоне. Институт экскуссии-иммунитета, например, перенесенный в Армению, не претерпел значительных модификаций, полностью вписываясь в сходные с византийскими отношения господства и подчинения, а налоговая политика Византии оформлялась в категориях армянской хозяйственной жизни. Завладевая землями Армении, империя не вносила сколь-нибудь существенных изменений в социально-экономическую действительность, более того, воспринимала ее реалии.

Развитые феодальные отношения и федеративная социально-административная структура армяно-византийских лимитрофов оказали значительное влияние на административные и экономические процессы в восточных провинциях Византийской империи в X–XI вв.

Примечание

* Статья написана в рамках работы по проекту «Становление государственной инфраструктуры и идеологии в античном и средневековом мире (компаративное исследование)» по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государства в мировой истории».

**ОТ ПЕХОТИНЦА К ПЛАТЕЛЬЩИКУ
(К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
В КОРОЛЕВСТВЕ КАСТИЛИЯ В XI–XIII вв.)**

Как известно, Реконкиста оказала колоссальное влияние на облик и основные направления эволюции общества и власти в христианской Испании. В докладе на материале широкого круга письменных источников будут рассмотрены основные тенденции эволюции социальной структуры в королевстве Кастилия; при этом основное внимание будет уделено экономической составляющей этого процесса.

Начало складывания кастильского королевства в литературе (К. Санчес-Альборнос, Л. Серрано, Х. Перес-де-Урбель, Г. Мартинес-Диес, М. Дуке-Сабалса и др.) традиционно относится к концу IX – X в. Именно в этот период отдельные регионы на территории древней баскской области Бардулес (которую уже в IX в. все чаще стали называть «Кастилией» – страной замков) стали складываться в единое политическое образование – графство. Этот процесс завершился к середине X в.; его последнюю фазу принято связывать с именем Фернана Гонсалеса (ок. 910–970), ставшего первым графом объединенной Кастилии. Активная политика первых кастильских графов по завоеванию новых земель уже к концу X – началу XI в. способствовала складыванию территориальных общин-консехо, превратившихся в важный инструмент колонизационной политики. По преимуществу договорные отношения графов с людьми, поселившимися на отвоеванной сеньором земле, связанными отношениями поземельной зависимости с ее хозяином и обязанными нести ему за это военную службу, постепенно привели к появлению хартий-фуэро. Уже в конце X в. (фуэро Кастрохериса, 974 г.) в их тексте прослеживается четкое отделение состоятельной верхушки, обязанной нести военную службу в коннице и получавшей за это ряд привилегий, от основной массы населения общины, несшей службу в пехоте. Поворотным моментом в процессе этой эволюции стало появление т.н. «добрых фуэро» Сепульведы, пожалованных этому не-

большому городку графом Санчо Гарсией (?–1017). Позднейшая традиция именно этому правовому памятнику атрибутирует введение практики оплаты военной службы конников, что способствовало усилению экономического размежевания между конниками и пехотинцами.

В середине – второй половине XI в., с оформлением Кастильского королевства при Фернандо I (1035–1065) и его потомках (когда, до 1230 г., Кастилия то существовала как отдельное государство, то сливалась в единое целое с королевством Леон), по мере того, как граница с мусульманами смещалась все далее к югу, потребность в непосредственной военной службе пехотинцев из консехо, расположенных по берегам Дуэро, постепенно сокращалась. Во-первых, театр военных действий постепенно отдалялся от Кастилии, пешие переходы занимали теперь слишком много времени, и часто пехотинцы попросту не успевали прибыть вовремя. Во-вторых, здесь проявилась общеевропейская тенденция к повышению военной роли конницы. Наконец, в-третьих, значительные контингенты пехоты были непригодны для совершения набегов, превратившихся, судя по источникам, в один из основных методов ведения боевых действий. Кроме того, пехотинцев-ополченцев (главным образом, при осадах городов) несколько потеснили пехотинцы-профессионалы – альмогавары (вероятно, от араб. «аль-мугавар» – участник похода), обладавшие необходимыми навыками и снаряжением.

Чем дальше, тем в большей степени прямая военная служба пеших ополченцев заменялась платежами и повинностями, главной из которых постепенно становилась фонсадера. Поступления от нее распределялась между конниками-рыцарями той же общины, участвовавшими в военных походах. Учитывая возрастающую дороговизну рыцарского вооружения и снаряжения, королевская власть наделяла рыцарей все новыми фискальными льготами, всей своей тяжестью ложившимися на основную часть населения общины. В докладе будут подробно рассмотрены основные категории соответствующих платежей и повинностей и показаны формы их востребования. Кроме того, будет обращено внимание на роль вассально-сеньориальных отношений, также превратившихся в важное средство повышения благосостояния местного рыцарства, процесс аноблирования которого в целом завершился

уже к середине – второй половине XIII в. Данные письменных источников самых разных видов – актового материала, памятников местного и королевского права, хронистики и др. – неопровержимо свидетельствуют о том, что к середине XIII в. пехотинцы из консехо Центральной Испании окончательно превратились в «плательщиков», зависимое податное население, последовательно противопоставленное привилегированной корпорации профессиональных конников-рыцарей и оруженосцев.

Социальная дистанция нарастала. Наступал новый этап социальной истории региона.

А.Н. Бондарь

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕТОПИСНОГО ОРГОЩА В X – НАЧАЛЕ XI в.

Стабильное существование средневекового государства невозможно без развитой экономической базы, на которую опирается и за счет которой существует его управленческий аппарат. В X в. помимо таких важнейших экономических центров, как Гнёздово, Шестовица, Рюриково городище, на территории Руси существовали и более мелкие подобные им поселения. К таким пунктам на современном этапе ученые относят Городок на Верхней Луге, Городок на Ловати, Седнев, Кветунь и прочие (Петрухин 1995. С. 160). К ним также, вероятно, следует отнести и летописный Оргощ.

Оргощ впервые упомянут в летописи под 1159 г., однако археологические исследования показали, что возник данный населенный пункт примерно за 200 лет до этой даты. Исследованием комплекса в разные годы занимались такие ученые, как П.М. Добровольский (1904; 1905), Д.И. Блифельд (1955. С. 16–21), А.П. Моця (1986. С. 54–55), В.П. Коваленко (Коваленко, Моця 1993. С. 54–55) и А.Л. Казаков (Веремейчик, Казаков и др. 1988. С. 263). В 2011 г. изучением памятника занимался и автор (Бондарь 2012. С. 12–15). На сегодняшний день исследованная площадь памятника составляет всего около 900 м². Однако даже такая небольшая площадь раскопок дала значительные результаты.

Археологический комплекс летописного Оргоща состоит из городища площадью чуть более 3 га, к которому с севера, востока и юга примыкает открытое селище-посад X–XI вв. площадью около 35 га. Остатки некогда обширного курганного некрополя Оргоща с дружинными захоронениями находятся на противоположном берегу р. Белоус в с. Табаевка. Как показали исследования, данный пункт возник в первой половине X в. на левом берегу р. Белоус. Вероятно, изначально это было открытое поселение. Площадь распространения керамики и объектов данного периода не превышает 4,5 га. Но уже приблизительно в середине X в. на месте поселения возникают первые укрепления в виде частокола, которые погибают в огне, а на их месте во второй половине X в. строится деревянная рубленая стена, состоящая из городней и клетей. Именно с этим периодом и связан всплеск экономического развития комплекса.

На памятнике зафиксированы сельскохозяйственные и ремесленные инструменты, которые дают представление о роде занятий его жителей. Рыболовство как промысел занимало важное место в системе хозяйственной деятельности населения Оргоща. Так, на городище в постройке X в. найден рыболовный крючок небольших размеров (всего 4,2 см). Его основа изготовлена в виде спирально закрученной проволоки и визуально напоминает наживку. Еще один крючок найден в постройке X в. на посаде. На вылов хищной рыбы указывает находка блесны в комплексе X в. на городище. Она была изготовлена из железа, имела длину 6 см и по форме напоминала узкий эллипс. В ее передней части имитированы жабры и глаз рыбы. О том, что население Оргоща занималось рыболовством, также свидетельствует остеологический материал. В 1949 г. на дне жилища X в. на городище Д.И. Блительдом обнаружено большое количество разнообразной рыбьей чешуи (Блительд 1955. С. 16). На занятие сельским хозяйством населения Оргоща указывают находки обломка серпа и косы-горбуши в объектах и слое X – начала XI в. на посаде (Веремейчик, Казаков и др. 1988. С. 263).

Но, как свидетельствуют другие археологические находки, основу экономики Оргоща X – начала XI в. составляли ремесла, среди которых заметно выделялась деревообработка. Без дерева невозможно было построить, а зимой и обогреть, жилье, пригото-

вить еду; большая часть домашней утвари была деревянной. Некоторые орудия труда изготавливались целиком из дерева и почти все имели деревянные детали: лопаты, ткацкие станки, деревянные рукоятки ножей, серпов, кос и др. К сожалению, почвы междуречья нижнего течения Десны и Днепра не сохраняют древесины. Судя по количеству выявленных разновидностей специализированных инструментов, деревообработка в Оргоще X в. характеризовалась внутренней специализацией и разнообразием продукции. Так, среди деревообрабатывающих инструментов с городища следует отметить обломок тесла – инструмента, использующегося для выдалбливания различных углублений, в том числе в плотницком деле и кораблестроении. Отдельную группу находок составляют стальные резцы от токарных станков, которые, по мнению Б.А. Колчина, на Руси появляются в X в., когда начинается производство деревянной точеной посуды (Розенфельдт 1997. С. 44). В 1981 г. в постройке под насыпью вала был выявлен крючковый резец. Длина его составляет 23 см, а лезвие-«крючок» заточено с обеих сторон. В 1985 г. на городище был найден еще один токарный резец, однако этот экземпляр обломан. Еще одну группу находок следует связать с бондарным делом. А.В. Петраускас отмечает, что для бондарства не характерны специальные инструменты (Петраускас 2006. С. 76). Однако о наличии на поселении данного ремесла свидетельствуют находки обломков от ведер – железных ушек, дужек и обручей. Не следует также забывать о топоре как о незаменимом и универсальном инструменте плотницкой работы. Топор IV, по А.Н. Кирпичникову, т.е. топор «универсального» типа, был найден в одном из табаевских курганов (Моця 1986. С. 54–55). Также во время раскопок было зафиксировано довольно большое количество ножей, причем некоторые из них имели специфические формы и использовались для выполнения определенных работ.

Отдельную отрасль в ремесленном производстве Оргоща, по-видимому, занимало ювелирное дело. В 1985 г. на городище было исследовано сооружение, в заполнении которого обнаружены обломок литейной формочки, половинка пинцета, несколько обломков и вещей из медного сплава, в частности накладка с двумя гвоздиками и мелкие медные обрезки. Датируется эта постройка второй половиной X в. Однако наибольший интерес для изучения

ювелирного дела Оргоща представляет литейная форма, найденная в кургане № 2 табаевского могильника, исследованного Д.И. Блифельдом в 1949 г. (Блифельд 1955. С. 20). Она состоит из двух створок в виде двух почти квадратных плиток, длиной 9,5 и толщиной 0,8 см. Эта форма была предназначена для изготовления сразу шести нижеследующих вещей:

1) лунница, орнаментированная тонкими рельефными линиями и имитацией трех, достаточно крупных зерен, обведенных очень тонкими рельефными кольцами;

2) подвеска (по мнению Д.И. Блифельда, бляшка) орнаментированная семилепестковым цветком;

3) две нашивные бляшки в виде розетки;

4) пуговица с ушком;

5) кольцо для подвески со скошенными боками;

6) лировидная пряжка.

На внешней стороне одной створки формочки заметны следы от испытания инструмента в виде трех концентрических кругов радиусом 5, 7 и 11 мм, сделанных раздвижным циркулем, и многих насечек. Д.И. Блифельд отмечает, что среди насечек есть и буквы. Достаточно явственно читается буква «N», а перед ней буква «Г» (Блифельд 1955. С. 20). Но данное сообщение автора раскопок требует проверки с точки зрения эпиграфики. Формочки с летописного Оргоща еще раз подтверждают мнение, что самой распространенной техникой древнерусских ювелиров была отливка в жесткие формы. Инструментов косторезного дела на территории Оргоща зафиксировано не было, однако в одной из построек X – начала XI в. найдена заготовка костяного наконечника стрелы.

Также среди занятий жителей Оргоща в рассматриваемый период важное место занимала торговля. В одной из построек середины – второй половины X в. в раскопе № 3 1985 г. на городище было найдено бронзовое коромысло от складных весов. Подобные весы встречаются на поселениях и могильниках X в. на территории Восточной и Северной Европы. Так, похожие весы были найдены Д.И. Блифельдом в кургане № 50 в Шестовице (Блифельд 1977. С. 142). Схожие экземпляры зафиксированы в погребениях Бирки (Arbman 1940. Taf. 126). Датируются такие весы X – началом XI в. Помимо весов, на торговые операции, осуществ-

лявшиеся жителями Оргоща, указывают импорты в виде стеклянных бус, стеклянных и серебряных браслетов и т.п.

Приблизительно с середины XI в. жизнь на территории Оргоща постепенно угасает. Материалы второй половины XI – XIII в. встречаются намного реже, и их количество сокращается в разы. В 1159 г., по словам летописца, в Оргоще «псары да половцы сидят» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 500).

Таким образом, результаты исследования летописного Оргоща позволяют проследить основные тенденции экономического развития небольших «протогородских» поселений Южной Руси в X – начале XI в. Заметное преобладание ремесленных инструментов над сельскохозяйственными позволяет говорить об окончательном выделении ремесла в отдельную отрасль хозяйства в X в. и о его преобладании в «протогородских» центрах, подобных Оргощу. Сельскохозяйственной продукцией этот населенный пункт, вероятно, обеспечивала его густонаселенная сельская округа (Бондарь 2012. С. 25–29). Находки же импортных вещей и торгового инвентаря указывают на активное участие жителей Оргоща во внутренней и международной торговле. Экономический расцвет Оргоща совпадает с периодом становления Древнерусского государства.

Литература

- Блифельд Д.І.* Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 5. Київ, 1955. С. 12–21.
- Блифельд Д.І.* Давньоруські пам'ятники Шестовиці. Київ, 1977.
- Бондарь А.Н.* «Дружинные лагеря» и их сельская округа в X – начале XI в. на территории нижнего течения Десны и Днепра // ВЕДС-XXIV: Расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 25–29.
- Бондар О., Терещенко О.* Археологічні розвідки на території Чернігівського району у 2011 р. // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2011 г. Чернигов, 2012. С. 11–17.
- Веремейчик Е.М., Казаков А.Л. Коваленко В.П., Мултанен А.А., Простантинова В.В., Сытый Ю.Н.* Работы Чернигово-Северской экспедиции // АО, 1986 г. М., 1988. С. 261–266.
- Добровольский П.М.* Село Рогоща, Черниговского уезда. Чернигов, 1904.
- Добровольский П.М.* Табаевские курганы (археологическая экскурсия). Чернигов, 1905.
- Коваленко В.П., Моця О.П.* Літописний Оргощ // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі: Матеріали польового історико-археологічного семінару. Суми, 1993. С. 16–18.

- Моця А.П.* Табаевские курганы (по данным археологических исследований и материалам музейных фондов) // Тезисы Черниговской обл. научно-методич. конф., посв. 90-летию Черниговского ист. музея. Чернигов, 1986. С. 54–55.
- Петраускас А.В.* Ремесла та промисли сільського населення Середнього Подніпров'я в IX–XIII ст. Київ, 2006.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, 1995.
- Розенфельдт Р.Л.* Бытовые изделия: деревянная тара и посуда // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 43–46.
- Arbman H. Birka. I. Die Gräber.* Stockholm, 1940.

О.Б. Бубенок

АЛАНСКИЕ КУПЦЫ И ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ В РАЗВИТОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В свое время А.Ю. Якубовский, В.А. Кузнецов и О. Прицак обратили внимание на участие аланских купцов в трансконтинентальной торговле Евразии в XI–XIII вв. Однако они так и не объяснили, почему аланские торговцы появились за пределами северокавказской Алании именно в послехазарский период. Нет ответа на вопрос: на каких торговых коммуникациях Евразии был сосредоточен аланский торговый элемент и почему?

В письменных источниках практически до конца X в. отсутствуют упоминания о купцах из Алании. Это можно объяснить тем, что в IX–X вв. торговля на Северном Кавказе была сосредоточена в руках хазарско-еврейских купцов, не заинтересованных в конкурентах. В.И. Абаев установил, что этноним *хазар* в осетинский и кабардинский языки вошел в значениях – «скупой», «торгаш» (Абаев 1968. С. 216–218). Падение Хазарского каганата способствовало усилению Алании. Поступательное развитие аланского общества довольно быстро привело к появлению там купеческого сословия. О расселении выходцев из Алании в городских центрах Восточной Европы и Средней Азии свидетельствуют как письменные источники, так и данные археологии и антропологии.

Так, епископ Феодор в начале XIII в. отметил, что северокавказские аланы возлюбили посылать «некие многолюдные выселки», так что «наполнили почти всю Скифию и Сарматию» (Кулаковский 1898. С. 17, 26). Анализ текста «Аланского послания» Феодора позволяет считать, что под «Скифией» он понимал степи Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Следовательно, «Сарматия» располагалась на восток от Северного Кавказа. Это подтверждают другие источники. Так, Плано Карпини (XIII в.) отметил наличие аланов-христиан в предмонгольский период в столице Хорезма г. Ургенче (Орнасе), где был «огромный рынок» (Плано Карпини 1957. С. 46). Гильом де Рубрук (XIII в.) отметил, что накануне прихода монголов в городе Суммеркент в низовьях Волги проживали «Аланы и Саррацины» (Гильом де Рубрук 1957. С. 185). Иосиф Барбаро (XV в.) сообщает, что часть населения г. Тана в устье Дона в начале XIII в. составляли аланы (Иосиф Барбаро 1971. С. 139–140). В XII в. ал-Идриси писал, что на восточном берегу Черного моря южнее Матрахи находились города *Ашкала*, *ал-Ланийя* и *Аскасийя* (Коновалова 2006. С. 108, 118). Название *Аскасийя* можно объяснить как «область или город асов и касогов», *ал-Лания* – как «Алания», а *Ашкала* (*Ас-кала*) – как «крепость асов». Существует мнение, что в XII в. владения северокавказских аланов не доходили на западе до черноморского побережья. Но здесь мы видим иную ситуацию.

Данные археологии и антропологии дают более широкую картину расселения аланов. В это время погребальный обряд населения северокавказской Алании стал принимать единообразные черты – христианские захоронения долихокранов средиземноморского типа в могильных ямах с каменными плитами (Алексеев, Беслексева 1963; Кузнецов 1993а). Подобные северокавказским могильники X–XIII вв. были обнаружены в Нижнем Поднепровье (Козловский 1992. С. 22, 27, 29, 154), а также в Белой Веже на Дону (Артамонова 1963. С. 37, 49) и в Болгарах в Среднем Поволжье (могильник Бабий Бугор XII–XIV вв.) (Халикова 1978. С. 205–211).

В монгольское время аланское население не исчезло из городов Восточной Европы, что подтверждают источники того времени. Так, Ибн Абд аз-Захир (XIII в.) упоминал «Алланских куп-

цов» как дипломатов (Тизенгаузен 1884. С. 47, 55). Ибн Баттута (XIV в.) отметил аланов в столице Золотой Орды г. Сарае, где «каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их» (Там же. С. 306). О сохранении аланов в Тане (Азаке) при монголах свидетельствует акт Константинопольского патриархата № 152 от 1356 г. (Кулаковский 1898а. С. 13–15). В начале XIV в. Абу-л-Фида упоминает на восточном побережье Черного моря уже знакомый топоним *Аскасийа* (Aboulféda 1840. Р. 203–204). Рукн ад-Дин Бейбарс под 698 г.х. (1298 г.) упоминает в Каффе купцов «алланских» (Тизенгаузен 1884. С. 111–112). Во времена Золотой Орды новые поселения аланов-ясов появились на западе государства Джучидов. Вспомним *Яский Торг* на р. Прут (Брун 1880. С. 356, 361) и «Аский Торг» в устье Днестра (ПСРЛ. Т. 7. С. 240). В XIII в. погребальный обряд и антропологический тип населения Алании существенно не изменился. Подобные северокавказским христианские могильники появились в Нижнем Поднепровье во второй половине XIII в.: у с. Каиры (Козловский 1992. С. 27–30, 159–162) и Мамай-Сурка (Ельников 2001). Как видим, в X–XIII вв. присутствие аланов отмечается на важнейших водных коммуникациях Восточной Европы.

Северокавказская Алания находилась у Дарьяльского прохода, соединявшего Восточную Европу с Передней Азией, и потому многие из богатств Алании составляли товары из других стран (Кузнецов 1984. С. 154–156). Но были в Алании и свои экспортные изделия. К их числу следует отнести оружие и воинские доспехи. Об этом свидетельствует Рубрук (XIII в.) (Гильом де Рубрук 1957. С. 186). Археологические находки показывают, что через руки аланских купцов проходили многие товары из Византии, Крыма, Южного Кавказа, Руси и Волжской Болгарии. Имеются данные о торговых связях аланов с кочевниками Предкавказья и Причерноморья. Прослеживаются связи с Малой и Передней Азией (Кузнецов 1984. С. 154–156).

Однако аланские купцы были расселены также с Востока на Запад: в предмонгольское время от Орнаса в Хорезме до Поднепровья; во времена Золотой Орды – от Волги до Днестровско-Прутского междуречья. По данным А.А. Иерусалимской и В.А. Кузнецова, в средневековье по Северному Кавказу проходило северное ответвление Великого Шелкового пути, по которому

Византия снабжалась шелком. Эта трасса шла из Китая в Согдиану, а отсюда – через плато Устюрт и Северный Прикаспий – выходила на Северный Кавказ, где через земли аланов пролегал путь к Клухорскому перевалу и далее в Абхазию – к черноморским портам (Иерусалимская 1972; Кузнецов 1993. С. 5–81).

Во второй половине XIII в. наблюдаем экономическое возрождение Улуса Джучи. Нахождение аланов в торгово-ремесленных центрах Золотой Орды в то время уже частично объясняет причину исчезновения населения из равнин Алании. В это время Джучиды не только стремились возродить движение по водным путям, но сделали все возможное, чтобы северное ответвление Великого Шелкового пути не заканчивалось на берегах Черного моря, а доходило до стран Центральной Европы. В монгольском обществе сохранялась традиция, в соответствии с которой занятие торговлей не считалось престижным для кочевников, но очень прибыльным из-за получаемых пошлин. Поэтому монголы сами торговлей не занимались, но поощряли к этому занятию своих подданных, среди которых были аланы. По сравнению с предшествующим временем особых изменений в характере торговли не произошло. Купечество в Золотой Орде представляло собой особую социальную прослойку, связанную с верховной властью и выполнявшую не только торговые, но и дипломатические функции. Как видим, среди этих купцов оказались аланы.

Таким образом, в экономической и политической жизни Евразии X–XIII вв. можем отметить такой феномен, как существование аланского купечества. Это можно объяснить следующими факторами. Во-первых, территория Алании занимала выгодное географическое положение в центре Северного Кавказа, где проходили важные сухопутные коммуникации. Во-вторых, начало активизации аланских купцов стало следствием падения Хазарского каганата и образования на Северном Кавказе независимого государства Алания. В это время уже не выплачивалась дань хазарам. Поэтому закономерными стали рост экономики и накопление избыточного продукта в руках аланской элиты. Аланские аристократы желали подчеркнуть свой высокий социальный статус за счет приобретения дорогих иноземных товаров. Следовательно, выход аланских купцов за пределы Северного Кавказа стал вполне закономерным. В-третьих, образование Монгольской

империи в XIII в. не затормозило развитие торговли Востока с Западом, а, наоборот, создало новые условия для безопасного функционирования торговых коммуникаций на территории одного государственного образования. Прагматичные монголы не преследовали купцов, а, наоборот, стремились использовать их потенциал. Это объясняет, почему аланские купцы составляли значительный процент населения в торгово-ремесленных центрах Золотой Орды.

Литература

- Абаев В.И.* Этноним «хазар» в языках Кавказа // Изв. Северо-Осетинского науч.-исслед. ин-та. Орджоникидзе, 1968. Т. 27.
- Aboulféda* – Géographie d'Aboulféda. Texte arabe... Р., 1840.
- Алексеев В.П., Беслексева К.Х.* Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА. М., 1963. № 114.
- Артамонова О.П.* Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА. М.; Л., 1963. № 109.
- Брун Ф.* Черноморье. Одесса, 1880. Т. 2.
- Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны // *Плано Карпини.* История монгалов; *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. М.; Л., 1957.
- Ельников М.В.* Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье, 2001. Т. 1.
- Иерусалимская А.А.* «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972.
- Иосиф Барбаро.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
- Козловський А.О.* Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. Київ, 1992.
- Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.
- Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Кузнецов В.А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993.
- Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь, 1993. (а)
- Кулаковский Ю.А.* Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. Одесса, 1898. Т. 21.
- Кулаковский Ю.А.* Христианство у алан // ВВ. 1898. Т. 5, вып. 1–2. (а)
- Плано Карпини.* История монгалов // *Плано Карпини.* История монгалов; *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. М.; Л., 1957.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.

Халикова Е.А. О могильнике «Бабий Бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

А.Б. Ванькова

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВИЗАНТИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ: ПРАКТИКА И ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ (IV–VI вв.)

Монастыри и монахи, постоянно контактируя с окружавшим их социумом, поневоле были вынуждены включаться и в товарно-денежные отношения, принятые в нем. Однако монастырская специфика накладывала свой отпечаток, придавая им порой весьма нетривиальные формы. Следует заметить, впрочем, что в идеале целью продажи ни в коем случае не являлось извлечение прибыли, но лишь получение минимально необходимой суммы для обеспечения нужд монахов. Более того, стремление выручить как можно больше всячески порицалось. Так, например, в Пахомиевом монастыре монах продал сандалии и прочие изделия в три раза дороже, чем ему было предписано, – именно столько предложили ему покупатели. Подобный «мирской образ мыслей» (τὸ κοσμικὸν φρόνημα) имел своим следствием то, что брат был отправлен к покупателям возвратить переплату, а затем отстранен от должности (Paral. 22. Р. 149–150). Иероним ставит в вину неким ремнуотам (remnuoth, один из трех выделяемых им типов монашества; о значении слова «ремнуот» см., в частности: Хосроев 2004. С. 453, примеч. 378) продажу задорого того, что они производят (quidquid vendiderint majoris est pretii) (Hier. Ep. 22. 34. Р. 196–197). Инок, который испытывал скорбь (θλίψος), продавая свои изделия, получил от аввы Пистамона совет предлагать покупателям свою продукцию без торговли, по одной, назначенной сразу цене, которую затем, впрочем, можно снизить. Такой совет дал авва, ссылаясь на опыт великих отшельников, и «в этом нет вреда» (βλάβος) (Aporht. VI. 15).

Нам представляется, что для некоторых монахов ведение торговых операций противоречило основному монашескому прин-

ципу – нестяжательности, а также распространенному мнению, что иноку лучше не покидать свою келлию, дабы избегнуть соблазнов и сохранить «безмолвие», необходимое для духовного роста. Поэтому в целом ряде источников намерение продавать «рукоделие» (ἐργόχετρον) подается как греховное. Так, одному отшельнику дьявол вложил мысль, что ему следует жить не на приношения, но помогать своим трудом другим, или, по крайней мере, обеспечивать себя самому, для чего следует продать на рынке корзины и купить все необходимое для жизни (Aporht. V. 46. 10). Поддавшись такому желанию, анахорет испытал много бед. Авва Феодор приобрел три книги, но ему не давало покоя, правильно ли он поступил, каковой вопрос он и задал авве Макарию. Тот ответил, что такие дела хороши, но нестяжательность важнее всего (μεϊζων πάντων ἐστὶν ἡ ἀκτῆμοσύνη) (Aporht. VI. 7).

Еще одну модель можно назвать, пожалуй, «благочестивой». Речь идет о тех случаях, когда монахи (в основном отшельники или келлиоты) продают принадлежащие им ценные вещи ради оказания помощи нуждающимся. Например, как инок, продавший Евангелие, – единственную ценную вещь, которой он владел, – и раздавший деньги бедным (Aporht. VI. 6, а также рассказ про авву Серапиона XV. 117). Разновидностью этой модели можно считать ту точку зрения, что купля или продажа допустимы, если это ведет не к наживе или удовлетворению избыточных потребностей, но духовному возрастанию (Aporht. VI. 1).

Тем не менее жизнь вносила свои коррективы в теоретические построения и религиозные предписания. Поскольку вступать в экономические отношения с миром было необходимо, закономерно должен был возникнуть вопрос о том, как максимально обезопаситься, как пройти между Сциллой необходимости продавать и покупать, дабы обеспечить потребность монастыря или монахов в том, что они не могли произвести сами, и Харибдой впадения в грех стяжательства и, как следствие, гибели души. Василий Великий советует отправляться в дальние поездки только при условии, что товар нельзя продать по соседству (Bas. Reg. fusius tractatae. 39. Col. 1017, 1020); если ради этого нужно снизить цену, то необходимо так и поступить, причем следует свести к минимуму контакты. В случае дальней поездки, а таковые были отнюдь не редкостью (в монастыре Пахомия было два корабля,

на одном из которых возили на продажу циновки, сделанные монахами [Vita prima. 113. P. 73–74]), Василий советует ехать несколькими монахам вместе, ради чего объединиться инокам соседних монастырей, что позволит избежать опасностей пути и поддержать привычный образ жизни. Также во время торговых операций, считает Василий, нескольким монахам будет легче договориться о приемлемой цене. Для выполнения таких поручений он предлагает назначать особого человека (что и было повсеместной практикой – см., например, приведенную выше историю Paral. 22), который должен уметь совершить предписанное ему дело без вреда для собственной души и с пользой (имеется в виду, прежде всего духовная польза) для тех, кто с ним встретится (ἀβλαβῶς τῇ ἐαυτοῦ θυγῇ καὶ ὠφελίμως τοῖς συντυγχάνουσιν αὐτῇν. – Bas. Reg. fusius tractatae. 44. Col. 1029). Если же такого человека в братстве нет, то лучше перенести «всякую скорбь и стесненные обстоятельства, даже и до смерти» (πάσαν θλίψιν καὶ στενοχωρίαν μέχρι καὶ θανάτου), чем допустить вред душе ради удовлетворения телесных потребностей. Но, впрочем, Василий советует воспользоваться услугами кого-либо из монахов соседних обитателей. От монаха, выполнявшего поручения за пределами монастыря, требовалось дать подробный отчет по возвращении – как в точном выполнении задачи, так и о том, не погрешил ли он против монастырских правил (Ibid. 44. Col. 1032).

Данная инструкция была применима лишь в общежительных монастырях. Отшельникам приходилось обходиться собственными силами (Prat. Spir. Col. 2977, Apoph. VI. 16), хотя и они нередко отправлялись на рынок не в одиночку, но группами по несколько человек (см. например: Apoph. XV. 15). По всей видимости, иногда миряне могли быть посредниками между монахами-отшельниками и местным рынком, продавая изделия монахов и покупая им необходимое, как можно предположить исходя из Apoph. XV. 39.

Что монахи продавали и что они покупали? В первую очередь, ремесленную продукцию (о роли ручного труда у монахов см., например: Guillaumont 1979. P. 117–126). Василий Великий советовал выбирать такие ремесла, которые не мешают молитвенной практике и «безмолвию», а целью их является «служение нуждающимся, а не собственная потребность» (ἡ ὑπηρεσία τῶν

δεομένων, οὐχὶ ἡ ἰδίᾳ αὐτοῦ χρεία. – Bas. Reg. fusius tractatae. 42. Col. 1025.). Во-вторых, материалы, необходимые для изготовления изделия, должны быть легко доступны, и, наконец, приветствуется такое ремесло, плоды которого легко продать и которые направлены на удовлетворение лишь самых простых потребностей (Ibid. 38. Col. 1017). Одним из самых распространенных занятий являлось плетение из пальмовых ветвей или тростника циновок, корзин, веревок (см., например: Aporht. XV. 15, XVI. 27; Vita Нур. 8. P. 100). В больших общежительных монастырях могли быть различные монахи-ремесленники: «...весь этот сложный организм (монастыри Пахомия. – А.В.) существовал за счет своего труда, которому было посвящено основное время монаха... Вначале главным и всеобщим занятием... было плетение циновок и корзин; затем... прядение льна для левитонов и изготовление тканых вещей; по мере того, как монастыри разрастались... хозяйство становилось все более разнообразным: возникали ремесленные мастерские, появились свои земли и скот» (Хосроев 2004. С. 88–89). Впрочем, в монастырях Саввы, как пишет Пэтрич, ремесло (в частности, плетение корзин) и сельское хозяйство играли лишь вспомогательную роль в обеспечении монахов необходимым (Patrich 1995. P. 194). Согласно Палладию, в Пахомиевых монастырях выкармливали на продажу свиней (Hist. Laus. 32. P. 95) Чтобы получить деньги, монах мог продавать вязанки дров (Aporht. XX. 24), власяницы (τρίχινα. – Vita Нур. 8. P. 100), а в исключительных случаях и свою мантию (παλλίον. – Prat. spir. 68. Col. 2980).

Следует оговориться, что не всегда акту покупки предшествовал акт продажи: часть необходимого закупалась на пожертвования. Среди этого необходимого важное место занимали продукты питания и, в первую очередь, хлеб, основа монашеского рациона. Не у всех монастырей были свои поля, но даже и когда они были (Vita prima. 127. P. 80), угроза голода часто нависала над иноками (Vita Нур. P. 124; Paral. 21). Для того чтобы купить хлеб (который весь ушел нуждающимся), Пахомий собирался продать два покрывала (στρώμα), которые принес с собой новоначальный инок (Vita prima. 39. P. 24). Покупали монахи и материалы для ремесленной деятельности. (Aporht. 3.8 – покупка ниток на взятые займы деньги, чтобы соткать полотно). Покупали и книги, как

свидетельствует процитированный выше рассказ об авве Феодоре и авве Макарии. Отшельник, пожелавший иметь Новый Завет, чтобы заработать на него, нанялся на строительство резервуара для воды (Λάκκος. – Prat. Spir. 134. Col. 2997). Перечислим еще несколько видов покупок: дрова для монастыря, находящегося в пустыне (Instit. 21. P. 150), одежда (если монах не мог ее сам изготовить. – Prat. Spir. 68. Col. 2917). На пожертвованные деньги не только строились, но и приобретались различные постройки, необходимые монастырю. Так, Савва купил в Иерихоне странноприимный дом с садом (Vita Sabae. 25. P. 109). Но иногда монастыри выходили за рамки покупки необходимого. Так, в коптской (бохайрский диалект) версии Жития Пахома (Пахомия) говорится, что под предлогом пропитания и других телесных нужд монастыри стали приобретать многочисленные поля, скот и лодки (цит. по: Хосроев 2004. С. 302).

Источники и литература

- Хосроев А.Л. Пахомий Великий. Из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб., 2004.
- Les apophtegmes des pères. Collection systématique. P., 1993, 2003, 2005. T. 1–3.
- Basilius. Asceticon magnum sive Quaestiones (regulae fusius tractatae) // PG. 31. Col. 901–1052.
- Callinicos. Vie d'Hypatios / Ed. G.J.M. Bartelink, P., 1971. P. 62–298.
- De SS. Pachomio et Theodoro Paralipomena // Sancti Pachomii vitae graecae / Ed. F. Halkin. Bruxelles, 1932. P. 122–166.
- Guillaumont A. Aux origines du monachisme chrétien. Bégrolles-en-Mauges, 1979.
- Jean Cassien. Institutions cénobitiques / Ed. J.-C. Guy. P., 1965.
- Joannis Moschi Pratum Spirituale // PG. 87.3. Col. 2851–3112.
- Kyriillos von Skythopolis. Vita Euthymii / Ed. E. Schwartz. Leipzig, 1939. P. 3–85.
- Kyriillos von Skythopolis. Vita Sabae / Ed. E. Schwartz. Leipzig, 1939. P. 85–200.
- The Lausiac History of Palladius / Ed. C. Butler. Cambridge, 1904.
- Patrick J. Sabas, The Leader of Palestinian Monasticism. Washington, 1995.
- Sancti Eusebii Hieronymi epistolae. Pars I / Ed. I. Hilberg. Wien, 1910.
- La Vita Prima // Sancti Pachomii vitae graecae / Ed. F. Halkin. Bruxelles, 1932. P. 1–97.

ДВЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ НОМАДОВ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ В СРЕДНЕСАРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Проблемы социально-экономической истории, популярные в советское время, сейчас отошли на второй план. Внимание исследователей привлекает этнокультурная и политическая история, вопросы первичной публикации материала. Между тем экономика номадов Подонья сарматской эпохи не исследована. В литературе 1960–1980-х годов эта тема не получила подробного освещения, поскольку основной массив археологических данных по курганным древностям и городищам Нижнего Дона еще не был обработан (сейчас проводится интенсивная работа по вовлечению материала в научный оборот, но эта работа еще далека от завершения).

Элитные комплексы среднесарматской культуры Нижнего Подонья выделяются своим богатством на фоне других кочевнических древностей. Номады в это время (рубеж эр – середина II в. н.э.) отличаются своей военно-политической активностью. Несомненной представляется связь этих двух фактов, как, впрочем, и то, что для исследования политогенеза важно понимать экономический контекст эпохи. На наш взгляд, при анализе экономики сарматов мы можем исходить из идеи существования двух экономических моделей – кочевнического уклада и экзоплуатационной составляющей.

Главным занятием сарматов является экстенсивное кочевое скотоводство. Регион Нижнего Подонья представляет прекрасные возможности для этого. В I в. н.э. наблюдается увлажнение климата, в то время как для II–III вв. засвидетельствована аридизация. Таким образом, среднесарматское время было весьма благоприятным для номадизма (Демкина и др. 2009. С. 844).

В настоящий момент нам не совсем ясно, какими были маршруты перекочевок и закономерности хозяйствования номадов. Районы концентрации курганных некрополей могут указывать на центры разных группировок сарматов. Так, обращает на себя внимание концентрация погребений на левобережье Нижнего Дона (например, курганный могильник Высочино), в междуречье

Сала и Маньча (могильник Новый), в районе Есауловского и Курмояровского Аксая (могильник Жутово). В больших некрополях мы видим сочетание рядовых и богатых погребений и можем предположить, что могильники связаны с отдельными объединениями сарматов. Они, вероятно, располагались рядом с зимовниками и являлись отправным пунктом перекочевок. Вполне возможно, что природные условия Нижнего Дона позволяли обходиться незначительным радиусом передвижения, особенно в районе дельты. Масштабы и траектории перекочевок, о которых говорит Страбон (VII.IV.17), еще предстоит выяснить.

Важная проблема, от разрешения которой мы далеки, это выяснение вопроса об уровне разделения труда в сарматском обществе и о степени развитости ремесла у самих сарматов на базе экстенсивного кочевого скотоводства. Использование труда оседлого зависимого населения не исключает развития металлургии и других ремесел у кочевников, тем более что в дальнейшем сарматы были затронуты процессами седентаризации. Так, часть среднесарматского населения принимала участие в заселении Танаиса и нижнедонских городищ со II в. н.э. Не совсем понятно также, насколько военное дело выделилось в качестве отдельного вида деятельности и стало ли оно профессией. С одной стороны, мы можем говорить о катафрактариях в это время. С другой — неясно, насколько было возможно существование профессиональных дружин, служивших отдельным правителям и отделенных от родоплеменной знати.

Значительную роль играла торговля. Сарматов интересовали у оседлого населения одежда, ткани, украшения, фибулы, вино, которые они выменивали на скот и рабов (Страбон. XI.II.3). Важнейшим товаром, пользовавшимся стабильным спросом, были бусы и бисер (Ставиский, Яценко 2002. С. 160). Торговля была довольно примитивной. Сарматам была совершенно чужда идея монетного обращения (Безуглов 2001. С. 98).

Большой интерес в литературе вызвала проблема существования торговых путей и участия в торговле кочевников (Берлизов 1993; Скрипкин 2003). Особое внимание было уделено северному ответвлению Великого шелкового пути. На настоящий момент нет свидетельств о торговле с Китаем. Наличие китайских зеркал, мечей и нефритовых деталей ножен, и даже редкие на-

ходки шелка в сарматских комплексах на территории Восточной Европы, могут быть объяснены миграциями и контактами, в том числе и торговыми, со странами Средней Азии. В какой степени сами кочевники были вовлечены в торговлю, не совсем ясно. Регулярные миграции и даже сезонные передвижения номадов делали возможным обмен предметами и без посредничества торговцев. Так, пространство от Приуралья до Хорезма преодолевалось в рамках одной сезонной перекочевки.

В раннесарматское время кочевники (видимо, аорсы) закрывали пути купцам вверх по Дону (Страбон. XI.П.2), однако с I в. ситуация меняется. В среднесарматское время происходит изменение торговой политики и активизация торговли. Трудно сказать, что двигало аланами (а то, что именно аланы с середины I в. н.э. контролировали регион Нижнего Дона, не вызывает сомнений) – понимание выгод торговли или же формирование единого политического пространства. Интенсифицируются контакты с меотами Кубани – в сарматских комплексах с рубежа эр фиксируется значительное количество серолощенной кубанской керамики (Глебов 2002. С. 135). Важную роль играли новые городища в низовьях Дона. Торговля шла через Танаис, нижнедонские меотские городища, торговые контакты были и с придунайскими областями.

Внутренние ресурсы у номадов ограничены. Обычно погребальные комплексы довольно бедны, что хорошо заметно по основному массиву памятников раннесарматской культуры. Феномен элитных комплексов среднесарматской эпохи связан, конечно, с иной – экзосплуатационной моделью экономики. В связи со слабостью и недостаточностью экономической базы номады, опираясь на свой военный потенциал, искали ресурсы для развития во внешнем мире, как среди кочевников, так и среди оседлого населения. Тезис о неавтаркичности социума номадов, их зависимости от оседлого мира, доказан А.М. Хазановым.

Необходимость контактов с земледельческим миром заставляет нас по-новому посмотреть на отношения номадов с античными государствами и варварскими племенами. Зависимое оседлое население облагалось данью, подвергалось поборам, набегам. Но все же данничество, видимо, превалировало. О том же говорит Страбон в применении к кочевникам европейских степей: «Ко-

чевники, правда, скорее воины, чем разбойники, все же ведут войны из-за дани. Действительно, они передают свою землю во владение тем, кто хочет ее обрабатывать, и довольствуются, если получают взамен установленную плату, и то умеренную, не для обогащения, а только для того, чтобы удовлетворить необходимые ежедневные потребности жизни» (Страбон. VII.IV.6). Именно такая модель отношений сформировалась, очевидно, у сарматов и населения нижнедонских меотских городищ.

Мы можем проследить отношения зависимости у кочевников и земледельцев по археологическим материалам. О том, что меоты и сарматы тесно сосуществовали, говорят данные Кобяковского могильника, где есть целые участки некрополя, занятые кочевниками. Очевидным свидетельством зависимости являются погребения кочевой знати на могильниках оседлого населения или поблизости (курган 10 Кобяковского некрополя). Хуторские хозяйства Кобяковского поселения могли существовать в степной зоне, на удалении от поселения, только при мирных отношениях и подчиненном положении земледельцев (Глебов, Зоров 2001. С. 54).

Развитие кочевых империй и повышение роли войны у кочевников требовало материальной базы для производства оружия и снаряжения. Также мы можем отметить рост значения земледельческой продукции, необходимой для обеспечения войска и ремесленников (Данилов 2004. С. 170). Поэтому в период военной активизации потребность в зависимом оседлом населении резко возрастала. В первые века нашей эры, когда политическим центром Сарматии стал район Нижнего Дона, там в это же время отмечено появление меотских городищ. Существует версия, что кочевники могли переселить меотов из Прикубанья на Нижний Дон (Раев 2008).

Большую роль играли дальние походы (в Подунавье, Закавказье и т.п.), в которых сарматы обогащались добычей – пленными, драгоценными металлами, тканями. Результатом политических контактов были дипломатические дары, которые регулярно получали предводители (Шилов 1973; Клейн 1979; *Юлий Капитолин*. Двое Максиминов. IV. 5; *Тацит*. Анналы. VI. 33). Добыча, дань, подарки распределялись затем между знатью и воинами. Институты престижной экономики играли важнейшую роль в политической системе кочевников. К сожалению, конкретных исследова-

ний по этой проблеме не так много, и одной из актуальных задач является исследование редистрибутивных отношений на материалах погребальных комплексов. Продуктивным представляется разделение погребального инвентаря сарматов на обычные финансы и финансы богатства (Васютин и др. 2005. С. 65). Обычные финансы – это аккумулируемые излишки повседневных товаров, производимых в рамках натурального хозяйства (скот, орудия труда, обычное оружие, традиционная лепная или круговая керамика). Финансы богатства – это ресурсы, не имеющие утилитарного значения (импорты, изделия из золота и т.п.). Сюда же можно отнести символы власти. Закономерности распределения финансов богатства позволяют увидеть за ними те силовые линии, которые определяли политическое пространство. Волны импортов связаны с активизацией номадов на границе, результатом которой становился приток добычи, дипломатических даров и т.п. Районы концентрации импортов можно считать центрами сарматских объединений, играющих заметную роль в регионе. Л.С. Клейн показал информативность такой категории импортов, как римская столовая металлическая посуда (Клейн 1979). Однако в целом проблема не исследована.

Перспективным представляется анализ тамг. Следует обратить внимание на такую функцию тамг, как обозначение принадлежности, символ владения, знак покровительства и подчинения (Ольховский 2001. С. 107–108), что позволяет нам проследивать движение престижных предметов в сарматском обществе (Раев 2008. С. 55).

Литература

- Безуглов С.И. Денежное обращение Танаиса, III в. до н.э. – V в. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом шелковом пути // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1993. Ч. 2. С. 29–37.
- Васютин С.А., Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Методологические проблемы реконструкции социальных структур в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005.
- Глебов В.П. К дискуссии о хронологии среднесарматской культуры (ответ на рецензию А.В. Симоненко) // ДА. 2002. № 3–4. С. 131–140.
- Глебов В.П., Зоров Ю.Н. Погребение I в. н.э. в г. Аксай // ИАИАИАНД в 1999–2000. 2001. Вып. 17. С. 47–54.

- Данилов С.В.* Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.
- Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Стретович И.В., Демкин В.А.* Характеристика микробных сообществ степных подкурганных палеопочв сарматского времени (I–IV вв. н.э.) // Почвоведение. 2009. № 7. С. 836–846.
- Клейн Л.С.* О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // Античный мир и археология. Саратов, 1979. Вып. 4. С. 204–221.
- Ольховский В.С.* Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 2001. Вып. 7. С. 100–109.
- Раев Б.А.* Итальянские и восточно-эллинистические предметы в сарматских курганах Нижнего Подонья // Сокровища сарматов: каталог выставки. СПб.; Азов, 2008. С. 53–57.
- Раев Б.А.* Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2. С. 55–57.
- Ставиский Б.Я., Яценко С.А.* Искусство и культура древних иранцев. Великая степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. М., 2002.
- Скрипкин А.С.* К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время // ВДИ. 2003. № 3. С. 194–203.
- Шилов В.П.* К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. 1973. № 138. С. 60–65.

Е.М. Веремейчик

ПРОДУКЦИЯ ОВРУЧСКОЙ ПИРОФИЛЛИТОВОЙ ИНДУСТРИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛЕСЬЯ В X–XIII вв.

Значение вещественных источников для реконструкции отраслей древнерусской экономики трудно переоценить. Существенное накопление информации, особенно в последние годы, позволяет по-новому взглянуть на многие проблемы, связанные с древней экономикой, определить отраслевую специализацию, оценить значение ее отраслей для отдельных регионов Руси. Сказанное в полной мере относится к древнерусской торговле, направления которой на протяжении X–XIII вв. существенно меня-

лись. Учитывая высокий уровень археологической изученности некоторых территорий, путем картографирования отдельных категорий находок можно оценить уровень торговых связей между регионами и странами.

Одной из ярких особенностей древнерусского культурного слоя являются изделия из пиррофиллитового сланца (шифера) разных оттенков красного цвета – от светло-розового до фиолетового. Изделия из пиррофиллита очень разнообразны: плиты для гробниц и крупные декоративные резные украшения древнерусских храмов, иконки, жернова, оселки, грузила, литейные формы, пряслица, крестики, бусины и другие изделия. Несмотря на изучение разных категорий изделий из пиррофиллитового сланца, мастерских по их производству, путей распространения готовой продукции и периода бытования вещей из пиррофиллита (Рыбаков 1948; Розенфельдт 1964. С. 220–224), невыясненных вопросов осталось много. В последние годы, в связи с проектом изучения и сохранения наследия средневековой Овручской волости под руководством А.П. Томашевского (Томашевский 1998. С. 151–155; 2005. С. 186–194), произошли существенные сдвиги в изучении не только месторождений пиррофиллитового сланца, поселений и мастерских по производству изделий вблизи Овруча, но и находок из сланца из других территорий Южной Руси.

Одним из регионов, где сделаны попытки более глубокого изучения изделий из пиррофиллита на некоторых памятниках, стала территория Черниговского Полесья. Так, по предложенной авторами Овручского проекта схеме обработки пряслица из сельских поселений региона и пряслица из археологического комплекса в ур. Коровель около с. Шестовица (Веремейчик 2008. С. 339–375; Сытый, Скороход 2012. С. 286–297). Однако накопленный к сегодняшнему дню потенциал вещественных источников по данной проблеме не использован в полной мере.

Чернигов как центр княжества насыщен изделиями из пиррофиллита в большей степени, нежели другие населенные пункты. Несмотря на то, что специальных подсчетов количества разных категорий изделий, в том числе и из пиррофиллита, в Чернигове не производилось, по публикациям можно отметить достаточно высокую концентрацию этого минерала. Кроме того, в Чернигове зафиксировано использование пиррофиллита в убранстве некото-

рых соборов и для сооружения гробниц. Особо следует отметить, что при исследовании участка древнерусского детинца, в 50 м от церкви-усыпальницы (70-е годы XI в.), обнаружены остатки разбитых пиррофиллитовых плит, судя по характерным следам обработки – деталей гробниц. По мнению исследователей, на этом участке слой с огромным содержанием пиррофиллитовой крошки и осколков (производственного брака и отходов) свидетельствует о вытесывании плит (Казаков, Черненко 2007. С. 122). Таким образом, в Чернигов, помимо готовых изделий, поступало и сырье, обработка которого производилась на месте. Кроме Чернигова, пиррофиллитовая плита от гробницы зафиксирована на поселении Сибереж, расположенном приблизительно посередине одного из ответвлений водного пути между Черниговом и Любечем. В других населенных пунктах пиррофиллитовые изделия, использовавшиеся в монументальной архитектуре, отсутствуют.

Гораздо более распространенными оказались жернова, изготовленные из пиррофиллита, хотя их находки уступают находкам из других пород камня в регионе. Помимо Чернигова, их достаточно много зафиксировано на Замковой Горе в Любече (как фрагментированных, так и целых) и на 14 сельских поселениях. Кроме того, крупные обломки пиррофиллита, тоже, вероятно, от жерновов, обнаружены на большинстве сельских поселений. Несмотря на невозможность их идентификации, оставить без внимания факты подобных находок, на наш взгляд, недопустимо.

Самой распространенной категорией вещей из пиррофиллита являются пряслица – грузила для утяжеления веретена. На 46 сельских поселениях обнаружено 425 изделий (Веремейчик 2008. С. 340). На комплексе памятников вблизи Шестовицы Ю.Н. Сытый и В.Н. Скороход обработали 96 изделий. В Любече по раскопкам на Замковой Горе выявлено ок. 420 изделий (свыше 320 из раскопок Б.А. Рыбакова 1957–1960 гг. и 101 из раскопок автора в 2010–2012 гг.). Подсчет находок из городищ на территории Черниговского Полесья и Чернигова специально не производился, но по крайней мере в музеях города, по предварительным данным, хранится более 300 изделий из Чернигова, и это только их часть. Вызывает интерес соотношение количества пряслиц на памятниках. Поселения, изученные только в ходе разведок, как правило, дают одно–два изделия (хотя зафиксирован и случай

выявления 59 изделий в подъемном материале – поселение Очеретяная Гора). Памятники, изученные благодаря раскопкам, как правило, содержат значительно большее количество пряслиц. В целом, в настоящей выборке учтено свыше 1200 изделий. Если принять во внимание особенности археологизации артефактов, такое количество может свидетельствовать о массовом ввозе пряслиц в регион.

Наряду с готовыми изделиями ввозилось и сырье для изготовления пряслиц. Так, в Чернигове при размыве р. Десной культурного слоя в районе летописного Острога обнаружены бракованные фрагменты и отходы производства пирофиллитовых пряслиц (Веремейчик, Шекун 2008. С. 59). На посадке городища в ур. Коровель около с. Шестовица также зафиксированы следы изготовления пряслиц (Ситий, Скороход 2012. Рис. 3–4).

Культурные слои городов, городищ и селищ содержат пирофиллитовые оселки, использовавшиеся для заточки ножей и острых предметов.

К изделиям, редко встречающимся в регионе, относятся рыболовные грузила (Чернигов, Любеч, поселения Ров-2 и Селище), иконки (поселение Шестовица-Пойма), крестики (свыше 10 изделий) литейные формы (Чернигов), диски (посад городища в с. М. Листвен и Любеч) и бусины (могильник в Шестовице, поселение Очеретяная Гора).

Хронологические рамки распространения пирофиллитовых изделий (середина X – XIII в.) – такие же, как и на сопредельных территориях. На памятниках XIV в. они также встречаются, но в гораздо меньшем количестве. По-видимому, это связано с разрывом традиционных связей между регионами.

Наблюдения за распространением изучаемых вещей показали, что значительная концентрация их имеется в западной части Черниговского Полесья, в регионе, ограниченном р. Днепр и низовьями р. Десны. Здесь находились города Чернигов и Любеч, соединенные между собой сухопутным и водным путями. Именно Черниговом ограничивается присутствие архитектурных деталей, используемых в храмах. Расположенный выше по течению Десны Новгород-Северский уже не имеет в храмах пирофиллитовых деталей. В восточной части Черниговского Полесья меньше

изделий из пиррофиллита и ассортимент их, как правило, ограничивается пряслицами.

Литература

- Веремейчик Е.М.* Пиррофиллитовые пряслища из сельских поселений Черниговского Полесья // Наукові записки з Української історії. Переяслав-Хмельницький, 2008. Вип. 20.
- Веремейчик Е.М., Шекун А.В.* К вопросу о Черниговском Остроге // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень, 2008. Т. 1.
- Казаков А., Черненко Е.* Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.
- Розенфельдт Р.Л.* О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. 1964. № 1.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Ситий Ю.М., Скороход В.М.* Знахідки виробів зі сланцю на території археологічного комплексу в ур. Коровель біля с. Шестовиця // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. Київ; Чернігів, 2012.
- Томашевський А.П.* Овруцький кряж: комплексне вивчення та збереження історико-археологічної палеоприродної спадщини (завдання, перспективи, структура проекту) // Археологія. 1998. № 2.
- Томашевський А.П.* Дослідницькі програми і особливості Овруцького проекту вивчення і збереження спадщини середньовічної Овруцької волості // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2005. Вип. 16.

Т.Л. Вилкул

ДАНЬ В РАННИХ СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ: ВОСЬМИКНИЖИЕ, ХРОНИКИ ИОАННА МАЛАЛЫ И ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА, «ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Сообщения о дани дошли до нас по большей части в «Повести временных лет» (ПВЛ – 55 упоминаний; следующая за ней по частотности употребления слова «дань» Новгородская I летопись [НПЛ], в старшей редакции – 11 примеров¹). При этом львиная доля выражений со словом «дань» приходится в ПВЛ на статьи до конца X в. Обычно эта особенность воспринимается как отражение специфики социальных отношений периода ранней древнерусской государственности. Между тем способы сбора дани, ве-

дения «цивилизованной» войны, а также введения налогов и пр. стояли в одном ряду с иными цивилизационными явлениями, такими как возникновение городов, письма, ремесла, постройка первых домов, появление царств или привычки наблюдения за звездами... Например, в Книге Бытия известный сюжет о семи годах голода в Египте (предваряющийся сном фараона о семи упитанных и семи тощих коровах) призван, помимо прочего, объяснить, как случилось так, что все египтяне, за исключением жрецов, «работают» фараону и вынуждены отдавать 1/5 часть «жита» в виде налога. Оказывается, их «поработил» мудрый Иосиф во время этого невиданного голода: вся земля кроме земли жрецов, которым принадлежала «дань фараона», была заложена ради хлеба (Быт. 47.20–26: «47.20 ...съдолѣ бо имъ гладь . 47.21 и люди поработи ...47.22 развѣ земля жречьскы . тоя бо не покоупи иосифъ . дань бо дасть жрьце^м фараонъ . и ядоху дань... 47.24 ...да дасте пятоую часть фараоноу . а чѣтыри части боудоутъ ва^м...»)². В Хронике Иоанна Малалы (Мал. 2.1) прямо не объясняется возникновение дани, но в пассаже, повествующем о возникновении счета дней и месяцев в году, говорится: «двою бо на десяти мѣцю число . пото^м оувѣдаша . отнели * начаша члѣци дань даяти црѣ^м» (...τὸ ὑποτελεῖς εἶναι...). Соответственно, имеется вероятность того, что некоторые упоминания дани в ПВЛ относятся к той же категории: цивилизационных мероприятий давних времен. Такие тексты обычно писались не без влияния предыдущей книжной традиции, а для древнерусской летописи эта традиция была библейской и хронографической. Кроме того, вообще для ранних летописцев одной из насущных задач являлось, по видимому, усвоение книжного наследия, а значит, появление тех или иных «терминов» также может быть связано со словоупотреблением произведений, бывших литературными образцами для летописца.

Поэтому, как представляется, интересным будет посмотреть, упоминаются ли дани в ранних древнеславянских переводах, и если упоминаются, то в каком контексте. Начнем с Восемикнижия.

В Книге Бытия само слово «дань» встречается лишь однажды, в значении «данное», «даръ» (славянское соответствие греческо-

му дѡма), в упомянутом уже пассаже о «порабощении» земли египетской Иосифом. Жрецы получили дар от фараона, что позволило им пережить голод и не заложить при этом землю.

Следующее упоминание находим в Книге Исход (Исх. 30.13–15), и речь идет о «дани» Господу, отчислении (ἐκφορὰν), равнявшемся полудидрагме, со всех душ сынов Израилевых, «въ присѣщении» Господнем (при исчислении людей, Исх. 30.13: «...аще приходить въ присѣщение по^л дидрагма ... дань гви... 30.15 ...егда дають дань гви»).

В Книге Левит имеется только «дание» (Лев. 28.38: «развѣ дани вашихъ», τῶν δομάτων ὑμῶν).

В Числах несколько раз встречается «дание» и «отъдание» (ἀπόδομα) и в одном сюжете – «дань», и снова речь идет о дани Господу. Имеется в виду часть от плена, взятого на войне, Числ. 31.28: «и да оулоучите дань гви отъ воинъ ходивши^х на сѣчь» (в Септуагинте здесь τέλος, налог, ср. также Числ. 31.29, 31.37–38, 31.40).

Ближе всего к светским темам Книга Второзакония, где говорится о надлежащем заключении мира. Одно из предписаний Господа таково: если осажденный город открывает свои врата, то пусть его жители будут «дань дающие и слушающие тебе» (Втор. 20.11, греч. φορολόγητοι καὶ ὑπήκοοι).

В книгах Иисуса Навина и Судей «дань» отсутствует, встречается только «даньникъ». Ср. Ис. Нав. 19.48а: «...и быша имъ данници» (εἰς φόρον); Суд. 1.28: «и створи хананѣя даньника» (εἰς φόρον); ср. также Суд. 1.29, 1.30, 1.31, 1.33, 1.35.

Переводные славянские хроники содержат более богатый набор упоминаний со словом «дань». Так, в Хронике Иоанна Малалы³, по моим подсчетам, 8 упоминаний. В частности, в 5-й книге в рассказе о Троянской войне от имени одного из участников событий «припоминается», как собирались «ити к вамъ црмъ оумолити вы, даная, взяти дань и насыпати рать» (Мал. 5.10). Таким образом здесь переведено греч. λύτρα, что в славянском тексте Малалы переводится также как «цѣна» и «искупъ» (ср. Мал. 5.14, 6.3). В 6-й книге рассказывается о лидийском царе Крезе («Крусосе»), покорившем всех окрестных владык. От повинующихся он брал дани (φόρους), а от противящихся – «и сами царст-

ва ихъ» (Мал. 6.2). Далее «дань» встречаем в Мал. 8.2, 9.5, 10.3, 13.2, 17.2. В греческом тексте Хронографии Малалы этому может соответствовать слово φόρος, или же славянское «дань» служит переводом для описательных оборотов. Особенно примечательны высказывания о «мирной дани», или дани ради мира – см. Мал. 10.3 о том, что царь ходил в поход на персов и «не съкса... но оумолень бывъ от нихъ, дань мирну сътвори взимати» (πάκτα εἰρήνης ἐποίησεν) или Мал. 17.2: «въскорѣ бы^ѣ любви дани дѣля и миръ» (λαλεῖν περὶ πάκτων εἰρήνης ἤτοι φιλίας).

В Хронике Георгия Амартола слово «дань» более частотно⁴. Дань обычно связана с войной и управлением покоренными землями, при этом и в легендарные (ср. Ам. 173.5: «дань платити ю створи», о царе Навуходоносоре, «ю» – имеется в виду: Иудею; Ам. 174.2: Седекия «оустрои дани ради брань»; Ам. 180.10–11 Иорам «примоучивъ Масана, цѣря моавьска, и бы^ѣ емля оу него дань по вся лѣ^т»), и во вполне исторические времена. Речь может идти также о заключении мира: Константина Великого «оумолища же его персьяне . и дань възложивъ на ня възвратися» (Ам. 339.26–27); Константин Брадатый «миръ створи с ними, давъ имъ дань» (с болгарами, Ам. 464.20); к царю Роману пришли послы от Мелетины «мирскы клятвы створити, да имъ дань дають» (Ам. 562.20, πάκτα). О жителях Антиохии говорится в невоенном контексте – о том, что после страшного землетрясения император «храмы постави и монастыря създа и дани облегчи» (Ам. 487.7).

В целом, в славянском переводе Амартола наложение «дани» – черта образцовых «царей» – библейских (Давыда и Соломона) и греческих (например, Константина Великого). Обычно в тех же контекстах речь идет и о власти, «владении» и «обладании» (для Хроники Амартола слово «обладати» чрезвычайно частотно – ср. Ам. 34.14.15, 21–22, 58.18–19, 87.5, 147.28–148.1, 185.4, 196.11–12, 16–17, 197.11–12, 198.14, 199.3–4, 206.10, 210.1–2 и др.), а также о том, что некий властитель «примучи» такого-то правителя или такую-то землю. Ср. Ам. 36.16–17: «на вся воевавъ, примоучи я»; Ам. 37.5, 38.8, 180.10–11: «примоучивъ... цѣря... емля оу него дань».

И в этом контексте, если мы возвратимся к ПВЛ, обнаружатся любопытные аномалии. Так же как и слово «дань», где частот-

ность наибольшая в ранней части, «владѣти»—«володѣти» и «обладати» встречается до 1015 г. («владѣти» 5 раз до 862 г., «обладати» 6 раз с 862 по 1015, «володѣти» 5 раз, в недатированной части и под 977 г.). «Примучити» встречается дважды, в легендарном рассказе об обрах, «примучивших» дулебов, и под 883 г.: князь Олег воевал и «примучи» древлян. Таким образом, весьма вероятно, что высокая частотность упоминания «дани» в ПВЛ до конца X в. связана также и с тем обстоятельством, что на этом начальном участке летописи высока концентрация прямых и не-прямых заимствований из книжных источников. Сопутствующие «дани» хронографические выражения «владѣти», «обладати», «примучити» являлись, видимо, книжными и чужими, и за пределами этой части не встречаются. Понятие же «дани» было для летописца своим (ср. НПЛ за XII–XIII вв.), но, благодаря хронографическим текстам, воспринималось как нормативное проявление деятельности правителей, желательное и оправданное в историко-хронографическом произведении.

Примечания

¹ См. словоуказатель О.В. Творогова (ПСРЛ. Т. 1. С. 624, 712, 721); НПЛ. С. 28, 33, 41, 43, 52–53, 68, 78, 89.

² Тексты Восьмикнижия здесь и далее воспроизводятся без разночтений, в упрощенной орфографии, по моей рабочей реконструкции, сделанной на основе списков хронографической, русской и южнославянской редакций. Сведения о списках см.: *Вилкул Т.Л.* Заимствования из Восьмикнижия у киевских летописцев XII – начала XIII в. // *Ruthenica*. Київ, 2012. Вип. 10. С. 102–116 (<http://histans.com/JournALL/ruthenica/ruthenica_2011_10/7.pdf>). О редакциях, на материале книги Исход, см.: *Вилкул Т.Л.* Книга Вихід хронографічної редакції (Іудейський хронограф та Троїцькі П'ятикнижжя) // Спеціальні історичні дисципліни. Київ, 2013 (в печати; <http://www.academia.edu/2559924/>); о соотношении с греческим текстом, на материале Книг Исход и Иисуса Навина: *Вилкул Т.Л.* Давньослов'янська Книга Вихід: четій текст та грецький оригінал // Княжа доба. Львів, 2012. С. 89–98 (<<http://www.academia.edu/1260835/>>); текстологическое сопоставление заимствований в Речи Философа из Бытия см.: *Вилкул Т.Л.* Текстологія Повісті временних літ. Контрольні тексти: Книга Буття у Промові Філософа // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2011. № 11. С. 269–283.

³ Хроника Иоанна Малалы цитируется по переизданию труда В.М. Истрина: *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. Греческий текст Хронографии Малалы – по: Ioannis Malalae Chronographia / Ed. H-G. Bech, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini; Novi Eboraci, 2000 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; Vol. 35).

⁴ См.: *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1: Текст. С. 134, 148, 173, 174, 180, 196, 292, 208 (пагинация Истрина указана также в новом неполном издании текста Амартола по Троицкому списку, с разночтениями: *Матвеевко В., Щёголева Л.* Книги временные и образные Георгия Монаха. М., 2006. Т. 1, ч. 1–2).

Ю.Я. Вин

КОНЦЕПТ «ИКОДЕСПОТ» В СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ВИЗАНТИИ

С давних пор зажиточных обитателей византийской деревни их современники называли «лучшими» и «домоправителями»-«икодеспотами» (οἰκοδεσπότες). Понятие «домоправитель» можно было бы напрямую возвести к Новому Завету (Matt. X. 25; XIII. 27, 52; XX. 1; Luc. XXII. 11). Исторический лексикон фундаментальных понятий связывает концепт «икодеспот» с концептами «экономия» и «икос» («дом»); в контексте противопоставления концептов «кир» и «деспот» («хозяин») анализируемый термин, которому соответствует латинское понятие *pater familiae*, назван «евангельским словом». Оно по своему значению равно понятию «домоправитель»-«иконом», тогда как понятие «икодеспот» наделено значением «хозяин дома». Прототип этого понятия, по мнению Э. Бенвениста, известен в античности как альтернативное обозначение «хозяина дома» в противоположность «хозяину» в широком смысле этого слова. Отмечая замещение в церковнославянских переводах Нового Завета старославянского эквивалента «домодержцы» другими синонимами, необходимо иметь в виду, что понятие «домоправитель» выходит на передний план в одной из среднеаттических комедий середины IV в. до н.э.,

приписываемой Алексиду Комику (Alex. 225). Обращение к бытовым сюжетам указывает на источник заимствования понятия «икодеспот» в повседневном народном языке. Оно встречается в сочинении Арриана «Рассуждения Эпиктета» (II в. до н.э.) и «Этике» (613A) Плутарха (I в. н.э.).

Особое внимание вызывает понятие «икодеспот» в гражданском законодательстве, где его латинским прототипом является хорошо известное в римском праве обозначение главы семейства (*pater familiae*). Его греческий эквивалент упоминают «Василики», схолии к «Василикам», «Эклога Василик» и схолии к ней, «Синописис Василик», «Прохирон Расширенный», «Типукейтос» великого судьи Патзи, «Шестикнижие» Константина Арменопула и некоторые другие правовые памятники. В полном соответствии с ранневизантийской правовой традицией правовая мысль последующих столетий оттеняет те аспекты восприятия понятия «икодеспот», которые определяет его статус как лица, возглавлявшего «семейство» вместе с подвластными ему родственниками и домочадцами, и распорядителя семейными имуществами. Средневековая интерпретация рисует образ собственника и владельца «дома» как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. «Икодеспот» характеризуется как попечитель находящихся в его подчинении членов семейства и управляющий их и своей собственностью. Он наделен обязанностью проявлять «большую заботу» о благополучии «ближних» и признан «самым заботливым хозяином дома», «мудрым», «хорошим» и т.д.

Понятие «икодеспоты» в актах подразумевает формирование в византийском средневековье определенной прослойки сельского населения. Она, следуя «Трактату об обложении», где отмечено понятие «хороикодеспоты», противопоставлена «просто хоритам», т.е. массе жителей села. Не вызывает никаких сомнений интерпретация упоминаний «домоправителей» и в других документах X–XI вв., включая соглашения 982 г. о признании жителями крепости Иериссо прав собственности Ивирского монастыря, которому отошли земли местных обитателей. Там выделяются по два «икодеспота», принадлежащих к местной управленческой элите, тогда как на селе они находятся, по свидетельствам актов, в одном ряду с представителями общинной верхушки.

Упоминаемые среди титулованных сановников и чиновников «икодеспоты» сами не обладали какими-либо иными признаками привилегированного общественного положения. К примеру, при подписании в 1016 г. завещания монахини Гликерии в числе «достоверных» свидетелей наряду с титулованными лицами и архонтом острова Скир, где находились имения завещательницы, присутствовали три «икодеспота». Двое из них обозначены как «икодеспоты Лемноса», патроним одного не был указан вовсе, а у третьего представлен в виде прозвища. Можно предполагать, что общественное положение «икодеспотов» определяла не знатность происхождения, не властные полномочия, а авторитетность в качестве видных домохозяев. Благодаря этому члены рассматриваемой прослойки примыкали к кругу титулованных и полномочных представителей власти. В этом плане нельзя не рассмотреть имена несомненно видных селян, выставивших в 1008 г. свои «кресты» в соглашении жителей хориона (села) Радохоста с местным монастырем. Обращает на себя внимание подпись икодеспота Добрилы, к имени которого прилагается определение «бóльший». Он оказался единственным членом сельской общины, кто был удостоен такого звания. Активными участниками размежевания земельных владений Ивирского монастыря и жителей крепости Едзева в середине XI в. наряду с сановными лицами всей округи и сельскими священнослужителями в качестве «достойных веры» свидетелей выступили два икодеспота из хориона Вухадзу.

Наметившиеся тенденции отчетливо проявляли себя и в последующие века византийской истории. Состоятельные «икодеспоты», наравне с зажиточными «лучшими», местными стратиотами, приходскими церковнослужителями, белым и черным духовенством, образовывали неотъемлемую часть населения поздневизантийского села. Его жители названных категорий не были полностью социально однородны. Часть из них, несомненно, вливалась в сельскую верхушку, примыкая по своему общественному положению к низшим слоям господствующего класса. Большинство же представителей указанных групп сельского населения по образу и уровню жизни существенно не отличались от основной массы деревенских жителей. Однако возникновение на

селе столь специфической социальной прослойки превращало ее в весомый фактор социальной структуры сельского населения и организации сельского самоуправления.

В XIII–XIV вв., когда иммунитетные права крупных византийских землевладельцев заметно расширились, мелкие прониары и собственники средней руки в управлении зависимой от них долей села обычно полагались на тамошних «икодеспотов», «лучших», номиков (делопроизводителей) хорионов, священников и иных членов общинной верхушки. Их участие в составе сельского суда, собиравшегося под эгидой церковных учреждений или епископов для урегулирования поземельных отношений крупных собственников, заставляет предполагать, что представители названных категорий жителей села блюли интересы своих господ и осуществляли надзор над их поместьями. Это касается земельных имений местной аристократии в регионе Смирны, в чьих владениях отмечена общественная активность указанной группы селян, запечатленная в ряде судебных постановлений и прочих актах. Пожалование земельному собственнику судебных прав в отношении жителей его вотчины укрепляло позиции членов сельского самоуправления и в их ряду «икодеспотов». Отныне они располагали возможностью судить от имени своего господина. Так, в 1251 г. прониар Сиргарий и крупная землевладелица Комнина Вранина предпочли «бывших им челом» по поводу спорных деревьев селян отослать «за правдой» к «к суду у икодеспотов его прони» и «лучших икодеспотов хориона». Благодаря сельской верхушке, и в том числе «икодеспотам», принимавшим непосредственное участие в работе поместного суда, судебная практика этой поры несомненно наследовала некоторые общинные традиции.

В указанном плане типична тяжба жителей хориона Приновара из-за хорафия (поля, земельного участка) Спана, урегулированная в 1228 г. в присутствии представителей церковной и гражданской администрации Смирны, практора (фискального чиновника) названного хориона, иереев, «икодеспотов», прочих жителей этого и других сел. Аналогичным образом, глубоко символично то, что исход тяжбы между Хиландарским и Ватопедским монастырями в конце XIII в. предрешили свидетельства эпиков (жителей) Комитиссы. Наряду с иереями и «старцами», выделя-

ются «икодеспоты», которые противопоставлены «остальному народу». Общеизвестно, что указанные категории жителей византийской деревни образовывали прослойку крестьян, примыкавших по своему положению к феодальным землевладельцам, но отличавшихся от них по происхождению и социальному статусу.

Вместе с тем слово «икодеспот», встречаясь на страницах литературных или полемических памятников, получало весьма емкий смысл безотносительно общественного статуса обозначаемого им человека. Оно отображало в какой-то мере фактическое положение в обществе «домовладельца». Димитрий Хоматиан даже в иноказательном смысле слова связывает понятие «икодеспот» с представлениями о владельце жилья и хозяине дома. А Иоанн Апокавк обуславливает понятие «икодеспот» наличием «большого», «разнообразного» и «постоянного» хозяйства. Впрочем, позже Житие Ромила односложно характеризует как «икодеспота» обитателя бедной монашеской кельи. Средневековый славянский перевод названного жития приравнивает ее насельника к «господину келии». В данном контексте это славянское понятие следует считать эквивалентом греческого титулования «кир». Иначе говоря, славянский концепт опосредует фигуральную контаминацию двух греческих обозначений «хозяина дома».

Таким образом, в ментальности византийского общества сложился вполне устойчивый социокультурный концепт «хозяина дома». Однако запечатленные в праве и документах очертания его образа оказываются весьма размыты и неоднозначны. Это отображало использование для описания названного концепта нескольких терминов. В первую очередь византийцы прибегали к понятию «икодеспот». Представителям этой категории византийского социума был свойствен неординарный экономический и правовой статус. «Икодеспот» принадлежал к состоятельным и видным жителям села или даже провинциального городского центра, которые бывали причастны к местному самоуправлению. Наряду с другими его членами, «икодеспоты» представляли интересы своих односельчан и осуществляли надзор за рядовыми обывателями поселков в имениях крупных земельных собственников. Сведения об «икодеспотах» прослеживаются на протяжении практически всей истории Византии.

«ЭКОНОМИКА ДОБЫЧИ» У ГАЛАТОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И МАЛОЙ АЗИИ

Масштабные миграции кельтских племен Центральной Европы на юго-восток, начавшиеся в IV в. до н.э., какими бы причинами они ни были вызваны (экологическими, демографическими, социальными, политическими – а быть может, некоторыми из них в комплексе), постоянно сопровождалась массовыми грабежами, взиманием дани и порабощением представителей тех народов, которым доводилось сталкиваться с агрессивными пришельцами. Цель данного сообщения состоит в том, чтобы понять, можно ли видеть в подобных действиях нечто большее, нежели банальные проявления алчности и жестокости диких варваров; выяснить, какова была социально-экономическая роль военной добычи и пленных у восточных кельтов и как она сказывалась на становлении их государственных структур; а также выявить, если окажется возможным, разницу в функционировании «экономики добычи» в более широком контексте сравнения галатов Балкан и Малой Азии (что отчасти было намечено в недавней работе: Габелко, Казакевич 2012).

Безусловно, у жителей Юго-Восточной Европы и Малой Азии, непосредственно затронутых галатским нашествием со всеми его драматическими перипетиями, имелись достаточно веские основания «демонизировать» кельтов как убийц, насильников и грабителей, что и нашло довольно яркое выражение в античной традиции (см. специальную работу: Kistler 2009). В антиковедении еще начиная с Т. Моммзена мнение о «regulierte Räuberwirtschaft» кельтов, неразрывно связанном с их миграциями, обрело широкую популярность, однако в последние десятилетия многие его аспекты существенно уточняются и пересматриваются (см. особенно: Strobel 1996. S. 58–66).

Начнем с рассмотрения захватов пленных, чему в источниках имеются весьма многочисленные примеры. Чаще всего галаты занимались уводом в плен представителей местного населения с их последующим освобождением за выкуп (Liv. XXXVIII. 47. 12;

Polyaen. IV. 6. 17; IvPriene 74, 22–26; IvErythrae 24, 28; TAM V. 2. 881; IvLaodikeia 1, 12–15), что, впрочем, не являлось чем-либо уникальным для эллинистического мира и было типично, в частности, для пиратов самой различной этнической принадлежности. Отдельная сторона проблемы связана с порабощением женщин и последующим использованием их кельтами как объектов сексуального насилия (Anth. Pal. VII. 492), рабынь, наложниц и жен низкого статуса. Оставив в стороне экстремальные случаи (романтическая сага, рассказанная Парфением – Parthen. Erot. VIII, и жуткая история, изложенная Павсанием – X. 22. 2–3, которую, впрочем, следует рассматривать в несколько ином контексте; см. ниже), можно отметить, что проблема соотношения в восточно-кельтских обществах «мобильных мужчин» (= воинов) и «оседлых женщин» (= иноэтничных пленниц) остается важной и дискуссионной (см.: Arnold 2005). С нею же тесно связан и вопрос о «галатизации» местного населения в Малой Азии после переселения туда племен трокмов, толистобогиев и тектосагов (Strobel 2002b. P. 12, 16).

Весьма своеобразен эпизод с захватом пленных в Греции Бренном в 279 г. до н.э. (Polyaen. VII. 35. 1: очевидно, в ходе его разведывательного рейда в Фессалию. – Gabelko 2012). Эти пленники были использованы галатским вождем в стратегеме, направленной на организацию кампании в Элладу.

Наконец, нельзя игнорировать и относительно немногочисленные, но весьма показательные (и потому особо шокировавшие современников) факты, связанные с захватом галатами пленников для проведения человеческих жертвоприношений, включая порой ритуальный каннибализм (Paus. VII. 35. 1; Diod. XXXI. 13. 1), чему имеются и археологические подтверждения (Dandoy, Selinsky, Voigt 2002; Strobel 2002a; 2002b. P. 25–26; Matsumura 2007). Создается впечатление, что галаты в Малой Азии продолжали придерживаться этих архаичных и жестоких религиозных практик, полагая их одним из средств сохранения собственной идентичности (см.: Габелко, Казакевич 2012. С. 59), хотя вполне возможно, что подобные свидетельства с территории Юго-Восточной Европы до нас просто не дошли.

Едва ли греческие и римские авторы сильно преувеличивают, описывая страсть галатов к обогащению, захвату драгоценностей и престижных предметов, что и послужило одним из ведущих мотивов в организации экспедиции Бренна к Дельфам. Аутентичным подтверждением этому может служить изображение на рельефе из Чивитальбы, на котором реалистично представлены галатские воины, в ужасе разбегающиеся и теряющие драгоценные сосуды. Следует, однако, отметить, что латенские погребения Балкан и Малой Азии (не слишком, впрочем, многочисленные) совсем не богаты дорогостоящей утварью – в отличие от аналогичных памятников более раннего времени. Причина этого не вполне ясна (впрочем, см. ниже).

Без сомнения, средством максимально эффективной экспроприации подчиненного или затронутого военными действиями населения, в сравнении с простым грабежом, была организация более или менее регулярного налогообложения – первоначально в виде выкупа для «покупки мира» с галатами. Источники многократно сообщают о такой специфической форме дипломатии галатов (Polyb. IV. 46. 3; Liv. XXXVIII. 16. 3; 12–13; Just. XXIV. 4. 7; 5. 1; XXV. 1. 3; Memn. FGrH 434 F. 11. 1; 16. 3). Установление определенных отношений зависимости между галатами и балканскими народами, выраженное первоначально во взимании трибута, могло способствовать вовлечению последних в военные предприятия кельтов – вероятно, на правах младших партнеров, вспомогательных войск или клиентов (Strobel 2002b. P. 12). Именно так, вероятно, обстояло дело с дарданами и пеонами (Or. Sib. III. 509–510; Steph. Byz. s.v. Ἀγρίαι; данный вопрос нуждается в специальном рассмотрении). При централизованном поступлении дани такого рода большая часть ее, несомненно, поступала в руки военно-политической элиты галатов, что, однако, вряд ли вело первоначально к значительному социальному расслоению ввиду обстановки общей политической нестабильности в период миграций, фактического отсутствия у галатов в III в. до н.э. наследственной аристократии (Mitchell 1993. P. 27) и вероятной гибели многих представителей кельтской знати на поле битвы, что в случае поражения осложняло проведение их похорон с соблюдением всех необходимых ритуалов. Не исключено, однако, что

поступление в виде дани галатам значительного количества монет пеонского царя Авдолеонта инициировало монетный чекан кельтов, вернувшихся после разгрома Бренна на Дунай (Szabo 1983).

В государстве фракийских галатов практика сбора дани с греческих полисов, также зародившаяся в 270-х годах до н.э. в виде насильственного сбора денег с византийцев (Polyb. IV. 45. 10–46. 4) (и, вероятно, граждан других полисов Левостанного Понта), ко времени последнего царя, Кавара, была налажена довольно конструктивно и систематично. Это одно из оснований, позволяющих некоторым специалистам характеризовать кельтское царство во Фракии как едва ли не «настоящее» эллинистическое государство (Lazarov 2010. P. 110) (особо должна быть отмечена чеканка монет Кавара). В данном случае мы имеем, как кажется, единственный случай, когда функционирование отношений между варварскими правителями и греческими полисами в рамках системы «трибунтарного протектората» (Vinogradov 1997) не носило характера откровенного рэкета и было относительно взаимовыгодным: Кавар удостоился от Полибия положительных характеристик, в том числе за то, что он помогал гражданам Византии в их войнах с вифинцами и фракийцами (VIII. 22. 1–3) (см.: Габелко 2012). Создается даже впечатление, будто бы именно в возможной отмене поступления дани, взимавшейся ранее Каваром с византийцев, или ее уменьшении как одном из результатов войны Византии против Вифинии и Родоса в 220 г. до н.э. (Полибий об этом прямо не говорит, но именно такой вариант представляется наиболее вероятным), следует видеть один из факторов, способствовавших экономическому и политическому ослаблению государства фракийских галатов, что привело его к гибели через несколько лет.

У азиатских галатов дело обстояло несколько иначе. Непосредственно по переселении в Малую Азию они продолжали активные и хорошо скоординированные грабительские акции, сопровождавшиеся также взиманием дани и освобождением плененных за выкуп (Liv. XXXVIII. 16. 11–13; ср. выше). В некоторые моменты откупаться от галатов вынуждены были Атталиды (Liv. XXXVIII. 16. 14) и даже Селевкиды (Liv. XXXVIII. 16. 13;

ср. OGIS 223; RC 15). Однако заняв территорию в центре полуострова, вдали от богатых греческих полисов морского побережья (наиболее перспективных объектов грабежа и легализованного договорами рэкеты), и будучи окружены эллинистическими монархиями, цари которых всегда испытывали нужду в наемниках (Just. XXV. 2. 9), малоазийские галаты, видимо, сделали основную ставку именно на обогащение за счет наемной службы – индивидуальной либо групповой. Тем самым приобретавшиеся ими денежные средства и прочие ценности практически не оказывали влияния на экономику Галатии и упрочение ее государственности, чему способствовало и сохранение здесь традиционного (?) племенного деления (Strabo. XII. 5. 1–3), отсутствие общей казны, монетного чекана и пр.

Таким образом, можно подытожить, что типичная для галатов III и отчасти II в. до н.э. экономическая модель, построенная на грабеже, взимании дани и различных видах порабощения иноэтничного населения, была довольно эффективной в условиях миграций и непрерывных военных столкновений, но лишь некоторые ее элементы могли быть использованы для строительства более или менее стабильных государственных и социальных структур.

Литература

- Габелко О.Л.* «Тилийское царство» кельтов во Фракии: в поисках фантома? // Проблемы истории и археологии Украины: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.). Харьков, 2012. С. 49–50.
- Габелко О.Л., Казакевич Г.М.* Кельтские миграции и образование новых государственных объединений на Балканах и в Малой Азии: некоторые аспекты сопоставления // ВЕДС-XXIV. 2012. С. 54–59.
- Arnold B.* Mobile Men, Sedentary Women? Material culture as a marker of regional and supra-regional interaction in Iron Age Europe // *Celts on the Margin. Studies in European Cultural Interaction 7th Century BC – 1st Century AD, Dedicated to Zenon Woznáč*. Kraków, 2005. P. 17–28.
- Dandoy J.R., Selinsky P., Voigt M.M.* Celtic Sacrifice: Bizarre Rituals in Anatolia // *Archaeology*. 2002. Vol. 55. Jan.–Feb. P. 44–49.
- Gabelko O.L.* Galatians on the Way from the Balkans to Asia Minor: Several Problems // *Thèses de rapports de Symposium International “Le livre. La Romanie. L’Europe”*. 5e ed. Mamaia, 23–27 Septembre 2012. Bucharest, 2012. P. 97–98.

- Kistler E.* Funktionalisierte Keltenbilder. Die Indientsnahme der Kelten zur Vermittlung von Normen und Werten in der hellenistischen Welt. B., 2009.
- Lazarov L.* The Celtic Tylite State in the Time of Cavarus // In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C. BC). Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium. Sofia, 2010. P. 97–114.
- Matsumura K.* Human and Animal Skeletons from Late Stratum II Pits at Kaman-Kalehöyük // Anatolian Archaeological Studies. 2007. Vol. 16. P. 97–110.
- Mitchell S.* Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. Oxford, 1993. Vol. 1: The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule.
- Strobel K.* Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. B., 1996. Bd. 1: Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien I.
- Strobel K.* Menschenopfer und Kannibalismus. Neue Erkenntnisse zur Kulturpraxis und Kultur der Keltenvölker in Kleinasien // Antike Welt. 2002. Bd. 33. S. 487–491. (a)
- Strobel K.* State Formations by the Galatians of Asia Minor. Politico-Historical and Cultural Processes in Hellenistic Central Anatolia // Anatolica. 2002. Vol. 28. P. 1–44. (b)
- Szabó M.* Audoleon und die Anfänge der ostkeltischen Münzprägung // Alba Regia. 1983. Bd. 20. S. 43–56.
- Vinogradov Ju. G.* Zur Klassifizierung der griechisch-barbarischen Abhängigkeitsverhältnisse der vorrömischen Zeit in pontischen Raum // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters: Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums 9.–14. März 1994 in Berlin. Tübingen, 1997. S. 427–437.

Н.Ю. Гвоздецкая, А.А. Кузнецова

СИМВОЛИКА МЕЧА В СВЕТЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО АЛЛИТЕРАЦИОННОГО СТИХА: ОТ «СЛОВА» К «ВЕЩИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ»)

Данные археологии и письменные памятники свидетельствуют, что меч занимал важное место в материальной и духовной культуре раннего средневековья. В пользу принадлежности меча не только «экономике потребления», но и «экономике символов»

говорит как богатый декор, так и разнообразие функций, среди которых, наряду с функцией военно-технической, выделяются и другие: сакральная, коммуникации, социо- и этнопопуляционной маркировки (Лебедев 2005. С. 292–303). Обращение к нарративным источникам значительно расширяет возможности реконструкции символики меча в древнегерманских сообществах. Древнегерманский аллитерационный стих, в силу его традиционного характера (Клейнер 2010; Смирницкая 1994), дает в руки исследователя дополнительные инструменты проникновения в символику артефакта – обусловленные эпическими темами и мотивами лексико-грамматические и фоносемантические клише, которые позволяют увидеть сквозь художественный смысл текста ментальные характеристики породившего его общества.

Материалом для исследования послужили наименования меча в составе формульных выражений и аллитерационных коллокаций древнеанглийской поэмы «Беовульф», восходящей к устно-эпической традиции, но сохранившейся в рукописи начала XI в. Сложное переплетение германской героической образности с книжными аллюзиями обнаруживает глубину замысла поэмы и сложность «ментальной карты» ее анонимного автора. Объект анализа – семантические коннотации синонимических наименований меча (*bill*, *ecg*, *heoru*, *iren*, *mece*, *seax*, *secg*, *sweord* + композиты), из которых почти половину контекстов занимает слово, сохранившееся в современном языке (*sword*). Словоупотребления *sweord* оказываются насыщенными наиболее разнообразными смыслами, в то время как остальные акцентируют отдельные стороны символики меча. Характерно, что около половины употреблений данной лексемы приходится на последнюю треть текста – эпизод битвы с Драконом, наполненный историческими и эгегическими дигрессиями, где символический смысл явно подавляет военно-техническое значение оружия. Однако и в первых двух частях поэмы, сконцентрированных на битвах с другими чудовищами, меч выступает не простым орудием убийства, а носителем социокультурных ценностей, которые обнаруживаются через выявление устойчивых связей вербальных структур текста с содержательными структурами нарратива (мифоэпическими мотивами). Мотивный анализ источника, разработанный для реконст-

рукции следов устной и письменной традиции (Мельникова 2003. С. 48–92), оказывается плодотворным и для изучения символического плана «мира вещей».

Связанные с мечом мотивы в «Беовульфе» включают две группы, разделяемые на несколько подгрупп. Первая группа отображает свойственные мечу конкретные действия и качества – сражения, ношения/передачи, изготовления, блеска. Вторая – социальные и сакральные акты победы/поражения, служения, дарения/наследования, предопределения. Анализ семантических ассоциаций синонимов в поэтических контекстах выявляет картину восприятия меча англо-саксонской аудиторией как оружия и артефакта.

Мотив *сражения* воспроизводит ряд физических действий, выполняемых мечом: меч хватают, обнажают, мечом рубят, рассекают, бьют, пронзают и т.п. Разнообразие предикатов подчеркивает значимость технических качеств, однако метафорические выражения (мечом «играют», бьются; «утомляют» или «усыпляют», убивают) намекают на восприятие битвы как ритуала, а не одной демонстрации силы. Поэтому эпитеты меча отмечают не только материальные свойства (heard), но и морально-этические характеристики (dyhtig от dugan «выдюжить», þyhtig от þuwan «угрожать», unslaw «неленивый», god «добрый» в смысле «годный, достойный», традиционный эпитет вождя). Меч воспринимается не только как объект или орудие, но как субъект сражения, что позволяет поэту создать художественно-обобщенный образ «меча в действии»: уже не воин рубит воина, но взметнувшийся меч – священного вепря на шлеме (1286–1289¹). Меч, как и воин, наделяется качеством терпения, стойкости (þolian, 2499). Вместе с тем «храбрый» меч (deor) – показатель достоинства его носителя, ср. аллитерационную коллокацию deor–gedefe (561). А мечи, наделенные инактивными предикатами «ржавчиной изъеденные, (в земле) лежащие» (3048–3049) символизируют в конце поэмы гибель героического мира.

Связь с героическим поведением видна в мотиве *ношения/передачи* меча. Отказ Беовульфа от «ношения меча» в его этикетной речи-похвальбе перед битвой с Гренделем (Is forhicge... þæt ic sweord bere, 437) обнаруживает не презрение к

оружию, но превышение им (как сверх-героем) правил воинской чести (ср. тот же формульный повтор *sweord beap* в 2518). Вручение Беовульфом меча слуге перед боем выглядит в поэме как ритуальный акт, отмечаемый предикатами «передавать» и «держать» (*sealde*, в других контекстах дарение, и *gehealdan*, 672). Отношение к мечу как к святыне проявляется в церемонии возвращения Беовульфом Унферту одолженного меча, который, хоть и не помог в сражении, остается «любимым... другом битвы, добрым и отважным» (1809–1811). Завершается описание этого церемониального акта формульной похвалой герою за соблюдение героического кодекса (*þæt wæs modig secg*, 1812); впрочем, наличие омонимов *secg* «герой» и *secg* «меч» позволяет трактовать данный контекст и как похвалу мечу. Исчезновение «носителя меча» (*Nah hwa sweord wege*, 2252) маркирует в речи, принадлежащей «последнему, оставшемуся в живых», распад дружины и ее ценностей (*duguð ellor sceos*, 2254). Связь с дружинным кодексом показывает эпитет меча *dryhtlic* «благородный» от *dryht* «дружина» (892), а также обозначение потерпевшей поражение дружины как *sweorda laf* (2936), букв. «оставшееся от мечей».

Мотив *изготовления* меча отмечает не только процесс или детали/совершенство результата (ср. «меч узорчатый, молотом кованный», 1285; «украшенное, лучшее, букв. отборное лезвие», 672–673), но и их сакральную природу. Идеальный меч, который помог Беовульфу одолеть Мать Гренделя, по виду отличается от обычных мечей лишь размером, но имеет сверхъестественное происхождение («древний меч великанов», «работа гигантов», 1558, 1562). Особое внимание поэта привлекает его рукоять – не потому, что отделана чистым золотом (*sciran goldes*, 1694), а потому, что на ней «рунами воистину означено, запечатлено и сказано, кому/кем был этот меч впервые сделан» (1695–1697). Имя первого владельца (или изготовителя) меча сообщало ему необычайную силу. Символом связи этих мастеров или заказчиков с мифическим Иным миром выступает рукоять, «изогнутая и блестящая, как змей» (1698).

Мотив *блеска* (эпитет *fag/fah*) сопровождает меч в решающие минуты сражения, служа внешним знаком доблести: герои совершают свои *deorlice dæd* (подвиги) *fagum sweordum* (586). При-

мечательна ассоциация боевого блеска меча с кровью в эпитете *swate fag* (1286); окровавленный меч – признак победы («меч был окровавлен, герой работе рад», 1569). Знаком доблести служит также упоминание украшений: меч Виглафа, решивший исход сражения с Драконом, обозначен как *fah ond fæted* (2701). Однако сияние не всегда связано с сокровищами, и, наоборот, не всякое золото в поэме блестит. Блеск меча может указывать скорее на его сакральную природу, чем на доблесть владельца (1698), а золотые украшения – отмечать вполне земную ценность оружия (например, в акте дарения – 1901, 2192).

Мотив *победы/поражения* выявляет роль меча в приобретении/потере социального престижа. Эпитет *sige-eađig* маркирует связь военной удачи с самоутверждением человека в обществе; меч Сигмунда, которым тот поразил дракона, остается в народной памяти как знак «славы немалой» (*dom unlytel*, 885). Меч дважды подвел (*geswac*) Беовульфа, и поэту пришлось искать способ оправдания героя в эпизодах битв с Матерью Гренделя и Драконом. Мотив *служения* передается через предикаты, отражающие функции меча. Так, в эпизоде соревнования с Брекой форма *þenode* (одного корня с *þegn* «слуга, тэн») означает и «расправу», и «служение» – Беовульф очищает мечом пролив от морских чудищ (560). В Финнсбургском эпизоде меч должен уладить конфликт (*seðan*, 1106) в случае нарушения перемирия. «Мечом в битве» герой «расплачивается» с господином за дары (*geald æt giðe... leohtan sweorde*, 2492). В речи Виглафа, который призывает дружинников «отплатить» (*gyldan*) Беовульфу за «мед» и сокровища, меч выступает одновременно и как подарок (2638), и как средство отдаривания (2659). В последнем контексте подчеркивается, что «общность меча и шлема» предполагает и общность судьбы, вплоть до готовности погибнуть в сражении вместе с вождем.

В мотиве *дарения/наследования* заметна коммуникативная роль меча, который связывает членов военного сообщества как между собой, так и с предками или потомками. «Старый» меч как «наследие» героев способен воодушевить на битву (2562, 2610). Меч в качестве подарка получает особую ценность как воплощение удачи прежнего владельца, иногда родича: так, Хигелак дарит Беовульфу не просто «лучший» меч, но *Hredles lafe* (2193);

меч, подаренный Беовульфом датскому стражу – это не только «сокровище», повышающее престиж его владельца на пирах, но *utfe-lafe* «фамильная ценность» (1901). Мотив *предопределения* связывает героя и его военную удачу с высшими силами. Такие ассоциируются или с языческой удачей (ср. вербальные клише *me/him gesælde*, 574, 890; *swa me gifeðe wæs*, 2498) или с единым Богом, властителем времен, природных стихий и человеческих судеб (437, 1605–1615).

Примечание

¹ Здесь и далее арабская цифрами обозначены строки поэмы «Беовульф».

Литература и источники

- Клейнер Ю.А. Язык поэтической традиции в синхронии и диахронии // Поэтика традиции. Сб. науч. ст. СПб., 2010.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях: Повесть временных лет и «Сага об Инглингах» // ДГ, 2001 год. М., 2003.
- Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994.
- Beowulf and the Fight at Finnsburg / Ed. Fr. Klaeber. Boston, 1950.

А.А. Гинциус

«НЪСТЬ СЕ ОЛЕГЪ, НО СВЯТЫИ ДИМИТРИИ...»: К АТРИБУЦИИ ЛЕТОПИСНОГО СВОДА 1060-х годов

1. Упоминание св. Димитрия Солунского в рассказе Начальной летописи о походе Олега на Царьград (ПВЛ под 907, НПЛ под 922 г.) до сих пор не получило убедительного истолкования, которое бы опиралось на сюжет летописного рассказа и/или агнографическую традицию. Попытки связать его с отказом Олега от отравленного угощения (Чекова 1994. С. 76–77) или вычисляемой *ad hoc* датой появления его войск у стен Константинополя (ПВЛ 2012. С. 267) представляются искусственными. Популярность же культа св. Димитрия на Руси, на которую обычно ссылаются комментаторы, не кажется достаточным основанием для введения

в летопись столь характерного и сюжетно малооправданного мотива. С другой стороны, эту популярность применительно к рассматриваемой эпохе не следует преувеличивать. В XI в. почитание на Руси солунского святого нашло отражение в двух строительных предприятиях – основании Дмитриевского монастыря в Киеве (1060–1061 гг.) и одноименной церкви в Суздале (ПВЛ под 1096 г.). Первый был ктиторским монастырем Изяслава Ярославича, наличие у которого христианского имени Димитрий подтверждается западными источниками (см. сводку данных: Литвина, Успенский 2006. С. 184, 564–565). С памятью Изяслава аргументированно связывается и строительство суздальского храма (Хрусталёв 2002. С. 82–83). Таким образом, в XI в. св. Димитрий воспринимался на Руси в первую очередь как патрональный святой Изяслава Ярославича, а не как один из родовых святых русских князей, каким он станет впоследствии. Это дает основания видеть именно в Изяславе бенефицианта рассматриваемого пассажи ПВЛ, соответствующим образом датируя этап, на котором он вошел в текст Начальной летописи. (Ср. сопоставление со св. Димитрием св. Бориса и Глеба в анонимном Сказании как аргумент в пользу датировки памятника временем киевского княжения Изяслава Ярославича. – Назаренко 2003. С. 45).

2. С такой интерпретацией мотива согласуются результаты стратиграфического анализа летописного эпизода. В рассказе НПЛ (Начального свода) о походе Олега обнаруживаются две вставки, нарушившие порядок изложения: а) «*и повелѣ извлѣщи корабля на брѣгъ, и {повоева около града, и мьного оубиство сътвориша Грькомъ, и разбиша мьногы полаты и църкви. И повелѣ Ольгъ воемъ своимъ} колеса издѣлати и вѣставити корабля на колеса»; б) «*И оувидѣвъше же, оубояшася Грьци, и рѣша, выславѣше къ Ольгови: “не погубляи града; имемъся по дань, якоже хочещи”. {И оустави Ольгъ воя; и вьнесоша ему брашьно и вино, и не прия его, бѣ бо оустроено съ отравою. И оубояшася Грьци, и рѣша: “нѣсть се Ольгъ, нѣ святыи Димитрии посъланъ отъ Бога на ны”}. И заповѣда Ольгъ дань даяти на съто корабль по 12 гривнѣ на человекѣ...». Примечательна идеологическая противоположность двух вставок: если первая представляет русь Олега врагами христианства и, таким образом, носит провизан-

тийский характер, то вторая в невыгодном свете рисует самих греков. В рамках схемы, предложенной в работах (Гиппиус 2006, 2008), первую вставку следовало отнести к Начальному своду 1090-х годов (вместе с идейно созвучными ей вставками из Хронографа, сделанными на данном этапе), а вторую – к «своду 1072 г.», обнаруживающему в ряде эпизодов намеренное принижение ромейской державы. Последнее обстоятельство мы связали с прозападными симпатиями Изяслава Ярославича, в окружении которого, как мы предположили, был составлен «свод 1072 г.» (ср.: Михеев 2011. С. 105), с иной атрибуцией выделенных нами вставок, на наш взгляд – малообоснованной.

3. Обновленная версия нашей схемы (Гиппиус 2012) позиционирует в качестве второго этапа древнекиевского летописания свод начала 1060-х годов («Свод 1060 г.»). Независимые от Начального свода и ПВЛ отражения этого памятника мы видим в тексте НПЛ младшего извода за 1048–1060 гг. и летописях Новгородско-Софийской группы (НС), в которых его использование прослеживается также до 1060 г. (ср.: Гимон 2012. С. 657–678, где уникальные известия НС за XI в. также возводятся к киевскому источнику, но атрибутируются иначе). Общерусский характер этого свода, много внимания уделявшего новгородским событиям, согласуется с атрибуцией его Изяславу Ярославичу, бывшему одновременно князем Киева и Новгорода. Военные предприятия Изяслава на севере Руси – походы на чудь (НС под 1054 г., в действительности – после 1057 г.) и сосолов (НПЛ под 1060 г.), а также возглавленный им победоносный поход русских князей на торков (ПВЛ, НПЛ, НС под 1060 г.) были, по-видимому, главной темой заключительной части свода. С последним походом предположительно связывается основание Изяславом Дмитриевского монастыря (Бегунов 1975. С. 152); происходящая из этого монастыря шиферная плита несет на себе изображение князя-триумфатора и его святого патрона, пронзающего копьем поверженного врага (Сидоренко 1995. С. 188). Редактура рассказа о походе Олега на Царьград, сделавшая его покровителем св. Дмитрия, органично встраивается в этот историко-культурный контекст. Дополнительным аргументом в пользу такой трактовки служит для нас следующее обстоятельство. В известии НПЛ и НС

о походе Изяслава на сосолов читаем: «и дань заповѣда даяти по 2000 гривень». В раннем летописании единственную параллель к этой формулировке составляет уже процитированный пассаж из рассказа о Вещем Олеге: «И заповѣда Олегъ дань даяти... по 12 гривнѣ». Известия об Олеге и Изяславе связаны, таким образом, взаимными отсылками: с одной стороны, патрональный святой Изяслава «задним числом» покровительствует язычнику (!) Олегу; с другой – рассказ о походе Олега служит образцом для описании похода Изяслава.

4. Связывая составление Свода 1060 г. с основанием Дмитриевского монастыря, стоит задаться вопросом: не имел ли отношения к составлению новой версии киевской летописи новопоставленный игумен княжеской ктитореи – Варлаам, выведенный Изяславом из Печерского монастыря, первым настоятелем которого его несколькими годами ранее рукоположил преп. Антоний? Проверка этой возможности приносит неожиданный результат. Из Несторова Жития Феодосия Печерского мы знаем, что отцом Варлаама был старший боярин Изяслава по имени Иоанн. Поздняя агиографическая традиция, подхваченная историографией XIX–XX вв., отождествила его с Янем Вышатичем, для чего, однако, источники не дают ровным счетом никаких оснований (Стефанович 2008. С. 232–233). Назывались (там же) и альтернативные кандидаты на отождествление с боярином Иоанном: воевода Ярослава Иван Творимирич, участвовавший в походе 1043 г. на греков, или Иван Жирославич, погибший в 1078 г. в битве на Сожище; однако они подходят на эту роль в никак не большей степени. Перспективной кажется, между тем, еще одна, ранее не рассматривавшаяся возможность идентификации отца Варлаама. Ее предоставляет граффито № 102 в Софии Киевской, читаемое на фреске с изображением св. Онуфрия: «Г(оспод)и помози Безоуеви Иванѣ отрокоу Добрынича и Мареви съ нимъ». С.А. Высоцкий (1976. С. 25–30) полагал, что писавший обозначил себя двумя именами: языческим – *Безуй* и крестильным – *Иван*, а упомянутого в надписи «Добрынича» отождествлял с новгородским посадником Константином (Коснятином) Добрыничем. Однако, как показал А.А. Зализняк (2004. С. 266–267), словоформа *Иванѣ* является дательным падежом не имени *Иванъ*, но притяжательно-

го прилагательного *Ивань* (*ж* употреблен здесь в значении *ю*), откуда следует, что Безуй был отроком *Ивана Добрынича*. Поскольку еще один автограф того же Безуя, недавно выявленный В.В. Корниенко (Корниенко, Никитенко 2012. С. 194–195), перекрыт надписью о смерти белгородского епископа Луки (до 1091 г.), время деятельности Ивана Добрынича может быть отнесено скорее к середине XI в., чем к его концу. Учитывая же относительную редкость имени *Добрыня* и принадлежность Ивана Добрынича к киевской элите (о чем говорит наличие у него своего отрока), в нем с известным основанием можно видеть родного брата Коснятина Добрынича.

5. Допустив, что Иван Добрынич, «первый боярин» Изяслава, был отцом Варлаама, и предположив причастность последнего к Своду 1060 г., мы можем объяснить главную из не княжеских генеалогических линий, прослеживаемых Начальной летописью, а именно упоминания Добрыни (и его происхождения от Малуши и Малка Любчанина) и Константина Добрынича. Гипотеза Д.И. Прозоровского – А.А. Шахматова – Д.С. Лихачёва, в последнее время поддержанная Т.В. Гимом (2010), продолжает эту линию – через Остромира и Вышату – до Яня Вышатича. Лихачёв считал Вышату информантом составителя первого Киево-Печерского свода – Никона, а Яня – информантом составителя ПВЛ. По мысли Гимона, совокупность сведений обо всех названных лицах вошла в летопись на стадии составления Начального свода. Согласно С.М. Михееву (2011), известия о Добрыне и Константине были записаны в Своде Никона, а о Вышате и Яне Вышатиче – в Начальном своде. Последняя группировка представляется наиболее обоснованной, но не объясняет интереса «составителя Свода Никона» к фигурам Добрыни и Константина. Если же «Свод Никона» был на самом деле «Сводом Варлаама», этот интерес оказывается более чем закономерен: Добрыня, согласно нашим выкладкам, был дедом сводчика, а Константин – его родным дядей. В Иване же Добрыниче следует в таком случае видеть главного информанта летописца о событиях 1015 и последующих годов, непосредственным участником которых он вполне мог быть. Находит объяснение и отмеченное Н.И. Милютенко (2006) своеобразие батальных описаний, содержащихся в этой части ПВЛ: по

остроумному предположению А. Поппэ (2011), Варлаам, которого Нестор именует «воином Христовым», был до своего пострижения воином князя, т.е. его дружинником. Наконец, дополнительное обоснование получает новгородская составляющая Свода 1060 г. Свои юные годы сын Ивана Добрынича должен был провести в Новгороде. Учитывая, что в конце 1050-х годов Варлаам был поставлен игуменом Печерского монастыря (для чего он должен был достигнуть возраста 33 лет), он мог появиться на свет в середине 1020-х годов, а в начале 1030-х обучаться грамоте в школе, учрежденной Ярославом Мудрым, у местоблюстителя новгородской кафедры Ефрема, преемника умершего в 1030 г. Иоакима Корсунянина. Фразу НС (1030 г.) «и бяше ученик его Ефрем, иже ны учаше» мы ранее уже атрибутировали составителю Свода 1060 г.; теперь эта атрибуция наполняется конкретным биографическим содержанием.

6. Подведем итоги. Трактовка упоминания св. Димитрия в рассказе о Вещем Олеге как патронального мотива, связанного с Изяславом Ярославичем, не только утверждает нас в реконструкции Свода 1060 г. как этапа в развитии древнекиевского летописания, но также позволяет высказать предположение о личности составителя свода. Им был, по нашему мнению, преп. Варлаам Печерский, ставший в 1060–1061 гг. игуменом основанного Изяславом Дмитриевского монастыря. Реконструированные родственные связи Варлаама и его происхождение из Новгорода хорошо объясняют особенности содержания Свода 1060 г. С другой стороны, теснейшая связь летописца Изяслава с Киево-Печерским монастырем способна, как кажется, объяснить и последующее перемещение центра киевского летописания в стены этой обители.

Литература

- Бегунов Ю.К.* Греко-славянская традиция почитания Димитрия Солунского и русский духовный стих о нем // *Byzantinoslavica*. 1975. Т. 36. С. 149–172.
- Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976.
- Гимон Т.В.* Янь Вышатиц и его предки: Новые соображения // ВЕДС-XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 60–66.

- Гимон Т.В.* События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
- Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: Сб. к 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.
- Гиппиус А.А.* Крещение Руси в Повести временных лет: к стратификации текста // ДРВМ. 2008. № 8 (33). С. 20–23.
- Гиппиус А.А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: Возникновение государств. М., 2012. С. 41–50.
- Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 233–287.
- Корниенко В., Никитенко Н.* Древнейшие граффити Софии Киевской и время ее создания. Киев, 2012.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимии. М., 2006.
- Милотенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica Antiqua*. 2006. Исслед. и мат.-лы. СПб., 2006.
- Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Назаренко А. В.* Борис и Глеб // ПЭ. 2003. Т. 6. С. 43–49.
- Повесть временных лет* / Пер. с древнерус. Д.С. Лихачёва, О.В. Творогова; Коммент. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича; Ст. А.Г. Боброва, С.В. Белецкого, С.Л. Николаева; Илл. М.М. Мечева. СПб., 2012.
- Поппэ А.* Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ, 2011 (*Ruthenica. Supplementum*; 3).
- Сидоренко Г.В.* Скульптура, прикладное искусство X–XIV вв. // Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. М., 1995. Т. 1: Древнерусское искусство X – начала X в. С. 187–222.
- Стефанович П.С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008.
- Хрусталёв Д.Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002.
- Чекова И.* Фолклорно-эпические парадигмы в повествовании за князя Олега на староруских летописях // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». София, 1994. Факултет по славянски филологии. Кн. 2: Литературознание, т. 87. С. 182–251.

ОСВОЕНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОБМЕН В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАНДИИ*

Согласно распространенному мнению, переселенцы из разных стран Европы, главным образом из Норвегии, осевшие на острове Исландия в 870–930 гг., располагали всеми необходимыми ресурсами для обустройства и ведения хозяйства. Действительно, помимо благоприятного климата, они нашли там обширные пространства незаселенной земли, воду, леса и др. Исландское хозяйство (состоявшее, по данным на конец XI в., в среднем из восьми человек: муж, жена, один из их родителей, трое детей, двое работников. – Gunnar Karlsson 2000. Р. 11, 44, 50), особенно на первых порах, базировалось на том опыте, который был приобретен еще до эмиграции, – они умели обращаться с деревом, камнем, глиной, костью, кожей и др. материалами (Mehler 2007. Р. 228, 230). В условиях изолированности, обусловленной разрывом семейных и социальных связей, каждое хозяйство стремилось к самообеспечению. В то же время, хотя природные ресурсы Исландии и были достаточными для воспроизводства привычной системы хозяйственного уклада, от людей потребовались значительные усилия для адаптации к новым условиям.

Земля, пригодная для проживания, имела лишь на узкой полосе близ берега океана. Малая численность населения привела к тому, что отдельные хутора (в Исландии в этот период не было поселений, сравнимых с деревнями) располагались на большом удалении друг от друга. Бонд, взявший землю, имел возможность выделить участки для разных целей: для земледелия (на первых порах исландцы предпринимали попытки выращивать ячмень и просо); большие участки оставлялись под траву и для заготовки сена для скота; место для жилой постройки.

Леса, активно использовавшиеся первыми поселенцами для строительства жилищ и в качестве топлива, были в первые же десятилетия жизни на острове практически сведены (лишь на севере сохранялись массивы, для поддержки которых местными жителя-

ми, вероятно, предпринимались специальные охранные мероприятия. – Mehler 2007. Р. 230). Это заставило искать и активнее использовать другие источники топлива: торф, прибитый к берегу мелкий плавунец, а также высушенный навоз домашних животных.

Отсутствие строительного леса повлекло за собой перемены в конструкции длинных домов, типичных для Скандинавии эпохи викингов и основного вида жилищной постройки начального периода освоения острова. Из камней строился заглубленный фундамент, вместо несущей деревянной основы, характерной для богатой лесом Скандинавии, возводились грубые каменные стены, которые укреплялись блоками из торфа и дерна, пространство между которыми заполнялось землей; дерном же крылась крыша, пол был земляной. Единое (еще не разделенное перегородками) внутреннее пространство дома использовалось для сна, приема пищи, работы. Оно имело несколько хозяйственных зон, в частности рано стали выделять места для хранения пищевых припасов (позднее – клеть) и для содержания скота (со временем скот был выведен в отдельно стоящие постройки). В центре дома находился удлиненный, выложенный из камней очаг, служивший не только для обогрева помещения, но также для приготовления пищи и проведения различных видов работ, при которых использовался огонь. В последующее время конструкция жилища усложнилась, появились пристройки для различных хозяйственных надобностей (Mehler 2009. Р. 178–179; см. также: Vyock 2001. Р. 34–42).

На протяжении десятилетий рацион исландцев постепенно претерпевал изменения. Переселенцы, привезшие на остров на своих кораблях некоторое количество домашнего скота, убедились, что не все животные одинаково хорошо могут приспособиться к новым условиям. Наиболее подходящими они оказались для овец, численность которых непрерывно увеличивалась. Прижились коровы и лошади, в отличие от свиней, которые стали встречаться довольно редко. Благодаря неприхотливости домашнего скота исландцы обеспечивали себя продуктами питания (мясо, молоко и молочные продукты, особенно кислое молоко и сыворожка, которые были распространенными повседневными напитками; см.: Mehler 2009. Р. 173) и одеждой (шерсть, кожа, овчина; вместо обуви ноги обматывались кусками кожи).

Скудость источников топлива потребовала, однако, внести изменения в рацион, способы приготовления пищи и заготовки продуктов на зиму. Практически вся пища употреблялась холодной (за исключением тех случаев, когда она была только что приготовлена). Молоко сквашивалось либо перерабатывалось, для кипячения в котлы бросали раскаленные камни (Mehler 2009. Р. 182). Мясо солили или мариновали. Из костей извлекали мозг, проделывая в кости отверстия и оставляя ее практически нетронутой, получая возможность использовать ее для дальнейшей переработки в какое-либо изделие. Невозможность выращивать злаковые в достаточном количестве привела к замене муки из зерна на высушенные и измельченные в порошок мох и водоросли. Важное место в рационе занимала, естественно, рыба, которая в больших объемах заготавливалась на зиму (вялилась, сушилась и др.), а также яйца дикой птицы.

Имевшаяся на острове глина не подходила для изготовления керамики. У исландцев не было своей глиняной посуды, ее заменяли изделия из пемзы, легко поддающейся обработке, камня, дерева; позднее – из импортированного «мыльного камня» (сланца) (Mehler 2007. Р. 235, 241; Harrison 2008. Р. 102). Ложки изготавливались из деревянной щепы. Широкое развитие получило бондарство. Кадки, бочки, ведра, кружки, кубки и т.п., скрепленные железными обручами, изготавливались, главным образом, из импортированной древесины, занесенного на остров льдами либо оказавшегося на берегу в результате кораблекрушений дерева (дуба и хвойных пород – лиственницы, ели, редко – из прораставшей в Исландии березы. – Mehler 2007. Р. 232–233).

Важным обстоятельством явилось наличие в отдельных частях острова возможности вести добычу болотной руды, выплавлять металл и заниматься изготовлением продукции из него и починкой сломанного инвентаря. Изделия из металла составляют значительную часть археологических находок. Обнаружено более ста мест добычи металла, датируемых ранним средневековьем – поселенцы предпринимали попытки добычи металла силами и для нужд отдельных хозяйств (Smith 2005. Р. 201; Mehler 2007. Р. 230). В дальнейшем, как показывает материал раскопок в Хаулсе, расположенном в Боргарфьорде на западе страны (существовавшем с

конца X в.), возникали более крупные, специализированные комплексы, работавшие периодически на протяжении нескольких лет и производившие металл для нескольких хозяйств либо для обмена или на продажу (Smith 2005. P. 197, 200–201). Кузнечные мастерские, где велась обработка металла и производились изделия, были отнюдь не в каждом хозяйстве. Ограниченность собственного производства металла и возможностей импорта вели к тому, что практически все пришедшие в негодность изделия из него шли на переработку (Mehler 2007. P. 227).

В Исландии не было своих цветных металлов; ремесленники-ювелиры, работавшие с медью, серебром и золотом, вынуждены были надеяться на поступление импортного металла (в монетах или изделиях), часть которого переплавлялась и перерабатывалась (Ibid. P. 231).

Фермеры по большей части обладали навыками различных специальностей и, в зависимости от сезона, рыбачили, заготавливали сено, работали в кузнице, строили, занимались ремеслами, такими, например, как выделка кож. Хотя косторезное искусство не было развито на острове (все найденные костяные гребни импортного происхождения), из кости изготавливали иглы (Ibid. P. 233–234). Женщины, помимо повседневных домашних работ, пряли (особенно ценился вадмаль – шерстяная ткань саржевого плетения), ткали и шили (Ibid. P. 239), нередко на продажу. Торговля также была сезонным занятием, равно как и выполнение ремонтных работ и оказание услуг (Ibid. P. 228–229). Например, согласно положениям «Серого Гуся», строители и кузнецы, проживавшие на хуторе, в определенные сроки могли работать на бондов с других хуторов (Grágás. Vol. 1. P. 130; Vol. 2. P. 267)

Услуги наемных работников и товары, произведенные в других хозяйствах, оплачивались по-разному. Новейшие данные археологии свидетельствуют о том, что вплоть до первой половины XI в. на острове в обращении находились преимущественно англо-саксонские и немецкие монеты (Gullbekk 2009. P. 177). Со времени начала чеканки собственной монеты в Норвегии конунгом Харальдом Суровым Правителем (1046–1066) в Исландию поступают и начинают преобладать норвежские монеты, однако к концу XI в., в связи с общим недостатком серебра в Северной Ев-

ропе, их поток иссякает (от XII в. найдена всего одна монета, от XIII – две и ни одной – от XIV в. – см.: Ibid. P. 178). В качестве денег повсеместно используется шерстяная ткань – вадмаль (vaðmál), а также домашний скот определенного возраста и качества и некоторые товары, сравнимая с серебром стоимость которых закреплалась законодательно (Grágás. Vol. 2. P. 207–210). Обмен товарами происходил как повседневно, так и на местных тингах и сезонных ярмарках.

Уже в раннее средневековье выявился круг товаров, которые производились в стране в количестве, достаточном не только для удовлетворения нужд населения Исландии, но и для экспорта. Основными статьями экспорта в этот период были шерсть, вадмаль, шкуры животных, моржовая кость, рыбий жир, сушеная рыба. На севере Европы Исландия была исключительным экспортером серы, которая имела особое значение как дезинфицирующе и консервирующее средство (см.: Mehler 2007. P. 235–236). Саги отмечают также исландских ловчих соколов как особый экспортный товар; дрессировка этих птиц, очевидно, также проводилась на острове (Harrison 2008. P. 103).

Относительная однородность методов хозяйствования в раннесредневековой Исландии позволяет предположить, что имел место – особенно на ранних этапах освоения острова – интенсивный обмен информацией между жителями разных территорий. Стимулом для раннего возникновения (уже, вероятно, в начале X в.) такого специфически исландского общественного института, как хрепп, предназначенный для оказания содействия членам прикрепленных к нему семейных общин в трудных ситуациях (Byock 2001. P. 138; см. также: Birgir Solvason 1993. P. 110), как представляется, могла быть необходимость доводить до жителей страны информацию о практике приспособления переселенцев в новых экономических условиях.

Примечание

- * Работа выполнена по проекту «Становление государственной инфраструктуры и идеологии в Античности и Средневековье (компаративное исследование)» в рамках программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Источники и литература

- Birgir T.R. Solvason.* Institutional Evolution in the Icelandic Commonwealth // Constitutional Political Economy. 1993. Vol. 4, N 1. P. 97–123.
- Byock J.* Viking Age Iceland. L., 2001 (пер. на рус. яз: *Байок Дж.* Исландия эпохи викингов. М., 2012).
- Grágás.* Laws of Early Iceland. The Codex Regius of Grágás with Materials from Other Manuscripts / Tr. by A. Dennis, P. Foote, R. Perkins. Winnipeg, 1980. Vol. 1; 2000. Vol. 2.
- Gullbekk S.* Money and its Use in the Saga Society: Silver, Coins and Commodity Money // Viking Settlements and Viking Society. Papers from the Proceedings of the Sixteenth Viking Congress. Reykjavík; Reykholt, 2009. P. 176–188.
- Gunnar Karlsson.* Iceland's 1100 Year. History of a Marginal Society. Reykjavík, 2000.
- Harrison R.* Gásir in Eyjafjörður: International Exchange and Local Economy in Medieval Iceland // Journal of the North Atlantic. 2008. Vol. 1. P. 99–119.
- Mehler N.* Viking Age and Medieval Craft in Iceland: Adaptation to extraordinary living conditions on the Edge of the World // Arts and Crafts in Medieval Rural Environment. Turnhout, 2007. P. 227–244.
- Smith K.P.* Ore, Fire, Hammer, Sickle: Iron Production in Viking Age and Early Medieval Iceland // De re metallica. The Uses of Metal in the Middle Ages. Aldershot; Vermont, 2005. P. 183–206.

А.В. Григорьев

О ВЕСОВОЙ СИСТЕМЕ У НАСЕЛЕНИЯ СУПРУТСКОГО ГОРОДИЩА

Весы и гири не являются характерной категорией находок для славянских памятников, расположенных к востоку от р. Днепр. Вероятно, потребность в приеме драгоценного металла на вес возникала лишь при условии достаточно мощных потоков монеты, связанных с транзитной торговлей. Дирхемы, в значительном количестве находимые на славянских поселениях IX – начала XI в., в большей мере служили для обеспечения потребностей внутреннего рынка и, очевидно, принимались на счет.

Небольшие «поселенческие» клады, содержащие, как правило, не более 20-ти монет, отражают денежное обращение периода их

формирования. Время их выпадения зачастую сильно разнится со временем формирования. Столь небольшие сбережения также не требовали существования стройной весовой системы. Необходимость последней могла возникнуть лишь при наличии регулярных и мощных потоков драгоценного металла. Донской путь, вероятно, вплоть до начала X в. служил для поступления арабского серебра на север и запад Европы.

Ключевым пунктом этого пути, при его разветвлении в междуречье Дона и Оки, могло являться поселение на городище у с. Супруты. Здесь торговый инвентарь представлен достаточно хорошо. С.А. Изюмовой отмечено несколько случаев находок весов и их деталей. В 1970 г. в заполнении медного котла был найден «деревянный округлый футляр... со складными бронзовыми весами для малых взвешиваний» (Изюмова 1971. С. 76). В настоящее время часть футляра находится в экспозиции ГИМ, часть в его фондах (Путь из варяг в греки 1996. С. 74, 75. № 607). Место находки весов неизвестно, но сохранился качественный рисунок предмета. Коромысло весов иного типа, не складных, длиной 20 см, было найдено в 1973 г. (Изюмова 1974. С. 53, 54, рис.). Кроме того, в коллекции ГИМ хранятся две бронзовые чашечки от весов из раскопа VI (1969 г.) и бронзовый футляр для весов (Путь из варяг в греки 1996. С. 74. № 605, 606). Сильно фрагментированная чашечка происходит из постройки XXVIII/4 (Григорьев 2009. С. 80). Таким образом, можно говорить о находках деталей от пяти различных весов.

Помимо весов, на поселении в разные годы было найдено 25 весовых гирек. Они представлены железными бочонковидными (22 экз.), бронзовыми четырнадцатигранными (2 экз.) и бронзовой монетообразной.

Характерной особенностью бочонковидных гирек Супрутского городища является наличие на большинстве из них знаков кратности. Отсутствие таких знаков на пяти экземплярах, вероятнее всего, объясняется сильными повреждениями в результате коррозии. Четыре из пяти гирек без обозначения кратности не имели бронзовой обтяжки, и потому даже небольшой слой хлоридов железа мог полностью уничтожить неглубокие изображения. Подтверждением тому могут служить три гирьки, которые также не имели обтяжки и знаки кратности на которых удалось

проследить лишь после обработки поверхности раствором Гейна. Еще одна гирька имела следы бронзовой обтяжки, но на обеих площадках она не сохранилась.

Гирьки, с достаточно хорошо сохранившимися обозначениями кратности позволяют попытаться определить весовое значение единицы, соответствующей одной точке. Первый вопрос, который при этом возникает, – каким образом производить подсчет точек? Большинство исследователей, вслед за Т. Арне (Arne 1914), принимают за число кратности сумму точек нанесенных на обе площадки сферической гирьки (Монгайт 1947. С. 66; Янин 1956. С. 175; Steuer 1973. S. 17–19, Abb. 4 и др.). Однако подобный способ счета представляется не бесспорным (Черепнин 1903. С. 141, 142). Во-первых, на подавляющем большинстве известных гирек значение кратности на обеих площадках одинаково. Случаи несовпадения количества точек на плоскостях единичны и не всегда достоверны (Назаренко 1996. С. 44). Во-вторых, на гирьках иных форм, в частности четырнадцатигранных и бипирамидальных, обозначение кратности наносилось на 4, 6, 8 сторон. Предположить, что в процессе взвешивания производился подсчет всех этих точек, крайне сложно. Логично предположить, что на бочонковидных гирьках, как и на четырнадцатигранных, обозначение кратности дублировалось на плоских поверхностях, и, следовательно, единицы считались лишь по одной стороне.

Казалось бы простейший арифметический подсчет осложняется значительными различиями в сохранности предметов. Значения, полученные в результате формального деления современного веса гирек на количество точек, колеблются в весьма широких пределах – от 6,5 до 8,1 г. Поэтому необходимо сделать соответствующие поправки на сохранность той или иной конкретной гирьки. Абсолютную сохранность имеют лишь две гирьки из коллекции ГИМ, значение точек на которых определяется как 8,0 и 8,1 г, а также крупная гирька с орнаментом в виде арабской вязи из коллекции Тульского областного краеведческого музея, имеющая совершенно иное значение точки, чего мы коснемся ниже. Для трех гирек из раскопок 90-х годов удалось установить объем утраченных частей и, следовательно, зная удельный вес данных предметов, с той или иной степенью точности реконструировать их изначальный вес. Полученные таким образом зна-

чения точек составили 7,8, 8,0 и 8,1 г. Близкие значения – от 7,8 до 7,9 г – имеют еще четыре наиболее сохранные гири. Очевидно, что одна точка соответствует весу ок. 8,0 г; имеющиеся отклонения как в большую, так и в меньшую сторону не превышают 2%. Подобное значение шага кратности отмечено для большинства гирек Скандинавии (Steuer 1973. S. 17, Abb. 4), Польши (Holubowicz 1956. S. 244, 245) и Древней Руси (Назаренко 1996. С. 45). В материалах Супрутского городища кратными приведенному значению были все гири весом до 40 г, а также две гири большего веса с обозначением 9-ти точек. Возможно, еще одна гиря без обозначения кратности, с весом 80,5 г, относится к той же группе.

Установив вес «точки» большинства, прежде всего «малых» бочонковидных гирек Супрутского городища, обратимся к вопросу о том, соответствовал ли этот вес некой счетной единице, являвшейся основой весовой системы, или представлял собой лишь дробную часть такой единицы. По мнению А.В. Назаренко, указанный вес (ок. 8 г) соответствовал величине «тяжелой» куны (Назаренко 1996. С. 52–55). Однако вес 2,5 дирхемов намного меньше 8 г – согласно вычислениям Назаренко, он составляет 7,2–7,5 г (Там же. С. 54). Если бы цена шкурки, выраженная в серебре, легла в основу местной весовой системы, основной единицей стал бы вес равный не 8 г, а 7,2–7,5 г, что не согласуется с реальным материалом.

Вычленение, на основе принципов нанесения значения кратности, группы Супрутских гирек с весом до 40 г находит подтверждение в материалах ряда памятников различных регионов. Так в представительных коллекциях разновесов из Гнёздова и Тимерёва нет ни одной гири, вес которой превышает 40 г (Пушкина 1991. С. 236–240; Недошивина 1963. С. 72, 73; Фехнер, Недошивина 1987. С. 74, табл. 3). Из почти 120 гирек, учтенных в Археологическом атласе Литвы, лишь одна имела вес 105 г, остальные не превышали 40 г (Atlasas archeologijos. P. 133, 134). То же наблюдается и в ранних материалах Белоруссии (Бектинеев 1987. Табл. 2, № 1–8). Четыре гири с весом немногим более 40 г происходят из Польши, но и там они являются «нетипичными» и датируются относительно поздним временем, XI–XII вв. (Wachowsky 1974. S.186, 196, tab. 1); две – из Рязани (Монгайт

1947. С. 66). Полнее всего тяжеловесные гири представлены на памятниках скандинавского круга, таких как Бирка, Хедебю и др. (Steuer 1973. S. 9, Abb. 11, 2, Thunmark-Nylen 1995. Abb. 275 20, 21; 388 12, 13), а также Старая Ладога (Давидан 1987. С. 124, № 8–10), но и здесь основную массу составляют разновески до 40 г. Очевидно, что гири с весом 8–16–24–32–40 г являются составляющими основы некой весовой системы, причем не только на Супрутском городище. В таком случае логично предположить, что основной единицей этой системы являлась не наименьшая величина (8 г), а наибольшая, равная приблизительно 40 г. Достоинство гирек меньшего веса выражалось в пятых долях этой «условной единицы». Исчисление в долях того или иного веса было весьма распространено на арабском Востоке.

Поскольку основным источником поступления драгоценного металла в Восточную Европу в рассматриваемый период был мусульманский Восток, можно предположить, что вместе с потоком серебра оттуда пришли и весы для его счета (Arne 1912. S. 123). Типы весов, как складные, так и с монолитным коромыслом, достаточно хорошо известны в восточных материалах предшествующего периода (Распопова 1980. С. 129. Рис. 86 2, 3). Основной монетой, ходившей на большей части мусульманского Востока, являлся серебряный дирхем; золотой динар играл в основном «репрезентативную роль» (Большаков 1984. С. 143). При разнообразии веса и качества дирхемов во времена правления Аббасидов, а монеты именно этой династии составляют большинство в материале Супрут, стабильный динар, точнее его стоимость, выраженная в серебре, мог служить единственной надежной единицей при совершении сколь-нибудь крупных сделок. Логично предположить, что выделенная «условная единица» весом ок. 40 г соответствует стоимости динара в серебре. В этом случае соотношение цены золота и серебра, при весе «мискалевого» аббасидского динара в 4,25 г, составит 1 : 9,3–9,4. О.Г. Большаков весьма убедительно доказал, что соотношение цены золота и серебра на арабском Востоке в течение VII–X вв. было достаточно стабильным и колебалось в пределах от 1 : 9,3 до 1 : 10 (Большаков 1984. С. 144–157), что на удивление точно совпадает с ценовым соотношением серебра в весе рассмотренных выше гирек и аббасидского динара.

Если все бочонковидные гирики с весом до 40 г, а также некоторые из более крупных с шагом кратности 8 г, могли использоваться для расчетов в серебре по золотому номиналу, то наиболее крупные экземпляры предназначались для каких-то иных целей. К сожалению именно на крупных разновесках из коллекции Супрут знаки кратности сохранились крайне плохо. На обеих площадках единственной полностью сохранившейся гирики нанесено по 24 точки, объединенных в сложный орнамент, отдаленно напоминающий арабскую вязь. Современный вес гирики – 102 г, и, следовательно, значение одной точки равняется 4,25 г. Близкая по весу гирика (101,2 г) имеет много худшую сохранность, но в ходе обработки раствором Гейна на ее поверхностях проявились фрагменты аналогичного орнамента. Точки, объединенные в «вязь», имеются на поверхностях еще одной гирики. Она на треть тяжелее отмеченных выше, и можно было бы полагать соответствие ее 32 единицам. Однако частично сохранившиеся изображения на площадках позволяют говорить о значительно меньшем количестве нанесенных точек – 16 или 18. Еще две гирики, близкие по весу, вообще не имели обозначений кратности.

Предположение о существовании шага кратности, равного 4,25 г для гирек весом более 40 г, высказывалось в отношении материалов скандинавского круга древностей. Но и там отмечается частое несовпадение количества точек, объединенных в «вязь», реальному весу (Steuer 1973. S. 18, Abb. 1). Возможно, постоянный пересчет большого количества точек на гириках был неудобен при их частом использовании. Кроме того, крупные гирики достаточно легко различаются между собой визуально. Поэтому, со временем, само наличие орнамента в виде арабской вязи стало достаточным для отнесения разновесков к определенной весовой системе, а именно к системе, основной единицей которой являлся вес близкий 4,25 г.

Интересно отметить, что к той же системе, к которой принадлежали наиболее крупные бочонковидные гирики, относились и небольшие бронзовые 14-гранные. На Супрутском городище были найдены две таких гирики. На сторонах одной из них было нанесено по 6 точек. Как и в случае с бочонковидными гириками с 5 точками, эта гирика, вероятно, определяла основную единицу счета, соответствовавшую 4,25 г, т.е. являлась реальным выраже-

нием этой единицы. Отметим, что полная аналогия этой гирьке с весом 4,26 г имеется в материалах Haithabu (Steuer 1973. S. 10, Abb. 2). Указанная единица делилась на шестые части (арабские данги). Вторая гирька по весу близка к $4/6$ от первой, что подкрепляется 4 точками, нанесенными на каждую прямоугольную грань. Гирьки, соответствующие по кратности и весу приведенной системе, достаточно широко известны и на других памятниках (Пушкина 1991. С. 241, № 72, 73).

Таким образом, использование населением Супрут весовой системы, основанной на единице, близкой по значению 4,25 г, представляется весьма вероятным. Совпадение этой единицы с весом аббасидских динаров и экзагиев того же периода очевидно (Большаков 1986. С. 149, 150, рис. 21; Miles 1951. P. 82). Вероятно, золотой динар послужил основой не только для ценовой единицы стоимости серебра, но и единицы веса. В последнем качестве он мог использоваться для взвешивания золота, для чего предназначались малые 14-гранные гирьки. Кроме того, в динарах мог исчисляться вес менее ценных материалов, таких как сердолик, горный хрусталь, возможно, медь и олово. В этих случаях оправдано применение гирек большого веса. Интересно отметить, что оловянистые слитки, найденные в составеклада IX в. на мерянском городище Выжегша, по весу необычайно близки наиболее крупным гирькам Супрут (Леонтьев 1996. С. 206, 207).

На арабском Востоке динар имел три различных функции — реальная золотая монета, условная единица при расчетах в серебре и норма веса. В рассмотренных материалах Супрут отчетливо прослеживаются две последних функции. Данное обстоятельство указывает на прямое заимствование денежно-весовой системы. Никаких существенных дополнений и изменений, внесенных в указанную систему, не прослеживается.

Несколько особняком стоит гирька из раскопа XXIV (2001 г.). Она была изготовлена из бронзы в форме «монеты» и покрыта слоем олова. На сохранившихся участках лужения прослеживаются следы тончайших пересекающихся полос. Вес гирьки (4,48 г) сопоставим с весом византийской номисимы (4,54 г) или восточного «канонического» мискаля (4,48 г). Вероятно, наличие этого разновеса может указывать на связь с византийской весовой системой или с архаичной (до 697 г.) системой халифата. От-

метим, что подобные разновески известны в византийских материалах (Чуистова 1962. С. 97, 103, табл. 41 13; 44 60).

Литература

- Бектинеев Ш.И.* Весы и гирьки-разновесы X–XIV вв. из Белоруссии // С.А. № 1. 1987.
- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока (VII – середина XIII в.). М., 1984.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс.н.э. Тула, 2005.
- Григорьев А.В.* Постройка XXVIII/4 городища Супруты // Археология XXI века: Синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области. Калуга, 2009.
- Давидан О.И.* Весовые гирьки Старой Ладogi // АСГЭ. 1987. Вып. 28.
- Изюмова С.А.* Раскопки городища у с. Супруты // АО, 1970 г. 1971.
- Изюмова С.А.* Раскопки городища у с. Супруты // АО, 1973 г. 1974.
- Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Монгайт А.Л.* Рязанские гирьки // КСИИМК. 1947. Вып. 14.
- Назаренко А.В.* Происхождение древнерусского денежно-весового счета // ДГ, 1994 г.: Новое в нумизматике. М., 1996.
- Недошивина Н.Г.* Торговый инвентарь // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.
- Путь из варяг в греки и из греки... Каталог выставки. ГИМ. Май 1996 г. М., 1996.
- Пушкина Т.А.* Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово. М., 1991.
- Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Черепнин А.И.* Кулаковский могильник и городище Старой Рязани // Тр. Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1903. Т. 18, вып. 1.
- Чуистова Л.И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. 2.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
- Archeologijos atlasas Lietuvos TSR.* Vilnius, 1978. Т. 4.
- Arne T.J.* Ein persisches Gewichtssystem in Schweden // Orientalisches Archiv. Leipzig, 1911/1912. Bd. 2.
- Arne T.J.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.
- Holubowicz W.* Opole w wiekach X–XIII. Katowice, 1956.
- Miles G.C.* Early Arabic glass weights and stamps. N.Y., 1951.

- Steuer H.* Gewichte aus Haithabu // *Haitabu-Bericht*. 1973. Bd. 6.
- Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. I. Abbildungen der grabfunde. Stockholm, 1995.
- Wachowski K.* Wagi i odważniki Śląsku wczesnośredniowiecznym na tle porównawczym // *Przegląd Archeologiczny*. 1974. T. 22.

Т.Н. Джаксон

О ЗОЛОТЕ, ВЛАСТИ, ПИРАХ И ДАРАХ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ НОРВЕГИИ*

Мне уже доводилось на Чтениях памяти В.Т. Пашуто (Джаксон 2000) говорить о том, как в 1046 г. норвежский конунг Магнус Добрый, сын Олава Святого, передал своему родичу Харальду Сигурдарсону «половину Норвежской державы со всеми налогами и поборами и со всей собственностью» (Msk 16), получив в ответ половину несметного богатства, накопленного Харальдом за годы странствий. В том докладе я стремилась показать, что рассказы саг о богатстве Харальда были в значительной степени основаны на традиции. Сейчас я хочу особо подчеркнуть, что в основном речь при этом в скальдических стихах и сагах идет о золоте (причем не монетном). Прежде всего, его упоминают скалды-современники конунга Харальда: Бёльверк Арнорссон, до 1066 г.: «Зеленые земли были позднее дарованы тебе, [Харальд,] когда ты встретился с Магнусом и дал ему золото» (PKS 2. P. 292); Тьодольв Арнорссон, ок. 1066 г.: «Дубовый киль, круто вздымаясь, резал море с востока из Гардов... Тяжелый корабль Харальда шел с большим грузом золота...» (Ibid. P. 121–122); Стув Слепой, ок. 1067 г.: «Он взял много золота и дочь конунга» (Ibid. P. 354); Вальгард из Вёлла, XI в.: «Харальд, без сомнения, ты вывез золото с востока из Гардов» (Ibid. P. 304–305).

Надо отметить, что о золоте Харальда говорит в 1070-е годы, т.е. практически в то же время, что и скалды, немецкий хронист Адам Бременский, нередко прибегавший к услугам датских информантов и много сведений почерпнувший от датского конунга Свена Эстридсена, с которым Харальд был с определенного времени в состоянии войны «во все дни жизни их» (Адам III, 13. С. 379). Адам рассказывает, как Харальд «покинул родину [и]

изгнанником отправился в Константинополь», где «он сделался рыцарем императора [и как предводитель] участвовал во многих битвах с сарацинами на море и [со] скифами на суше, прославившись храбростью и весьма разбогатев» (Там же). Но кроме того, в схолии к тексту Адама говорится о «слитке золота, привезенном Харальдом из Греции», вес которого был таков, «что его едва [могли] поднять на плечи двенадцать юношей», и что после гибели Харальда слиток перешел к Вильгельму Незаконнорожденному (Адам III, 52, Schol. 83. С. 403). Слиток золота, кстати, будет позднее фигурировать и в сводах королевских саг (см. ниже).

У придворного скальда Харальда, Вальгарда из Вёлла, находим, помимо упоминания золотого груза на корабле конунга, также описание корабля, декорированного золотом: «Когда ты вел свои корабли с юга, казалось, что это пламя вырывается из пасти дракона. Боевой корабль гордо нес свою красную голову; она сияла чистым золотом; долгий день плыл дракар; волны бились под корпусом корабля» (PKS 2. Р. 308–309). Строфа приводится в «Гнилой коже» (Msk) и «Красивой коже» (Fask) в рамках истории отношений Харальда и Свена Эстридсена, в то время датского ярла. Здесь рассказывается о возвращении Харальда из Византии и его встрече с Магнусом Добрым, о его просьбе разделить власть между ними двумя, об ответе Магнуса, что он послушает совета своих людей, и о словах Эйнара Брюхотряса, что пока Харальд был вдаль, они отвоевали страну у Кнута и его сыновей, они привыкли служить одному конунгу и будут служить только Магнусу, покуда тот жив и правит страной. Недовольный таким положением дел, Харальд заключает со Свеном Эстридсеном союз, основывающийся не только на обоюдных претензиях Харальда и Свена на подвластные Магнусу Норвегию и Данию, но и на установившихся через брак Харальда и Елизаветы Ярославны родственных связях (Джаксон 2001). После серии совместных грабежей на Зеландии и Фюне Харальд и Свен расстаются (согласно Msk, Харальд получает от Магнуса секретное письмо с предложением возобновить переговоры, хитростью разрывает союз со Свеном и плывет из Дании в Норвегию). Вот тут-то и появляется в обоих сводах искомая строфа Вальгарда (Msk 16; Fask 52). Впрочем, если в Fask приводятся эта (10-я) строфа песни о Харальде и второй хельминг 11-й строфы, то в Msk присутствуют

обе строфы полностью, и велика вероятность того, что первый хельминг 11-й строфы («Пена летела бурунами; вздущееся море играло золотом; и волны лизали устрашающие головы боевых кораблей» – PKS 2. P. 309–310) мог послужить источником того описания сияющего золотом корабля Харальда, которое помещено много раньше – в том месте, где сага рисует первую, заочную, встречу будущих соправителей: «Той же осенью, когда конунг Магнус привел свои корабли на Сконе, он и его люди увидели как-то раз, что вдоль берега проплывает с востока корабль. Он был весь покрыт золотом выше уровня воды, и на нем были красивые драконьи головы [на носу и на корме]» (Msk 10). Тем более, что за 11-й строфой следует комментарий: «Здесь указывается, что таким образом Харальд пришел к власти и [вернулся] в страну из своего путешествия в чужие земли» (Msk 16). Да и золото здесь выглядит гораздо уместнее, поскольку речь идет о возвращении Харальда из Византии и Руси, а не из грабительского похода.

Золотом, согласно Msk, одаривает Харальд и того человека, который первым в Норвегии назвал его конунгом. Сага донесла имя этого человека: «И был это Торир из Стейга, который позднее стал большим вождем. Но тогда Ториру было пятнадцать лет, когда он дал Харальду королевский титул. А Харальд подарил ему чашу из кленового дерева, и была она опоясана серебром, и с ручкой из позолоченного серебра, сама же чаша была полна чистого серебра. Он также дал ему два золотых обручья, которые вместе весили марку, и свой плащ, и был он темно-пурпурный. Он также обещал ему большие почести, если придет к власти в стране» (Msk 16; ср.: Fask 52).

Именно золото Харальд вручает конунгу Магнусу в обмен на половину державы. Обратим внимание на то, как описан этот обмен и сопровождающие его ритуалы в сагах. Основным для нас послужит текст самого раннего из трех больших компендиумов королевских саг – «Гнилой кожи» (Msk 16), – поскольку Fask 52 воспроизводит интересующие нас сцены почти дословно, а Снорри Стурлусон, напротив, сокращает текст, опуская весьма примечательные детали (Hkr: 99–102).

Как сообщает Msk, расставшись со Свеном Эстридсеном, Харальд отправился в свои родовые поместья в Упланде, требуя от

бондов, чтобы те называли его конунгом. Однако при живом конунге Магнусе никто не осмеливался так его величать. Тут сага рассказывает о Торире из Стейга (см. выше), а о Харальде говорит, что тот продолжил ездить со своей дружиной по Упланду и завоевывать себе имя конунга. По рекомендации друзей и советников Харальд и Магнус объявили перемирие и встретились, дабы достичь соглашения. Был организован роскошный пир в местечке под названием Скьяльдаракр. Конунг Магнус должен был быть хозяином в течение трех дней и принимать Харальда с шестью десятками людей. К вечеру первого дня Магнус одарил всех людей Харальда: мечами, щитами, другим оружием, золотом и одеждой. Чем знатнее был человек, тем весомее был подарок. После этого Магнус протянул Харальду два побега тростника со словами: «Родич, который из них ты хочешь получить от меня в дар?». Выбрав один из них (а именно тот, что был к нему ближе), Харальд получил вместе с ним «половину Норвежской державы со всеми налогами и поборами и со всей собственностью». Итак, раздел Норвегии представлен в Msk как дарение на пиру. Это — не дар при расставании, поскольку все происходит к вечеру первого дня, а пир трехдневный. Скорее, дар мог бы выглядеть как знак гостеприимства, если бы он не отличался столь разительно от подарков, сделанных остальным гостям. Дар являлся этикетным элементом пира, который, по формулировке А.Я. Гуревича, был «важнейшим институтом социального общения и сплочения» (Гуревич 2003. С. 132). Хозяин должен был одарить всех гостей (и особенно знатных), присутствовавших на торжестве. Анализируя сюжетно-семантические особенности употребления мотива дарения в сагах, мы заметили, что наиболее регулярно он встречается в контексте завязывающихся отношений и/или поддерживаемой дружбы (Глазырина, Джаксон 2013). Перед нами ситуация, в которой правящий конунг Магнус, напуганный союзом Харальда и Свена, сначала прилагает усилия, чтобы этот союз разрушить, а затем стремится защитить свою власть от притязаний Харальда. Дарение со стороны Магнуса, оставшееся на данной точке рассказа без ответного дара, есть на самом деле ожидание отдарка. Это можно утверждать, во-первых, потому, что, по наблюдению М. Мосса, архаическим обществам присуща одна глубинная, но специфическая черта: «добровольный, внешне, так

сказать, свободный и безвозмездный и, однако, в то же время принудительный и небескорыстный характер этих поставок. Они почти всегда облекались в форму подношения, великодушно вручаемого подарка, даже тогда, когда в этом жесте, сопровождающем сделку, нет ничего, кроме фикции, формальности и социального обмана, когда за этим кроются обязательность и экономический интерес» (Мосс 1996. С. 85). Во-вторых, та сцена, где Магнус и его люди наблюдают покрытый золотом корабль Харальда (см. выше), дает понять читателю, что Магнусу известно о несметном богатстве Харальда и он, скорее всего, рассчитывает на золото в качестве ответного дара – золото, которого у него почти не осталось (см. ниже).

И действительно, по прошествии трех дней последовал ответный пир, устроенный на этот раз Харальдом. Его гостями были Магнус и шесть десятков его мужей, каждый из которых получил от Харальда ценные подарки. Когда без подарка остался только Магнус, Харальд велел принести в зал все то золото, которое он привез из своей поездки (в количестве никогда не выданном в Северных странах), и обратился к Магнусу с такими словами: «И сейчас мы поделим всё это золото на две части, и ты, родич, получишь во владение половину моего золота, поскольку ты пожелал, чтобы я владел половиной земли вместе с тобой». Итак, на ответном пиру произошло вручение ответного дара и как бы закрепление дружественных отношений, однако сага незамедлительно дает понять, что все это не привело к большой дружбе и любви между двумя правителями. «Затем внесли слиток золота величиной с человеческую голову». Харальд тут же поинтересовался у Магнуса: «Где то золото, родич, которое ты мог бы поставить против этого слитка?». Магнус сказал, что все золото и серебро было израсходовано во время многочисленных военных действий и что всего золота осталось только одно обручье. В ответ Харальд произнес – с явной издевкой – следующие слова: «Немного золота, родич, – сказал он – для конунга, который правит двумя державами, и кое-кто может усомниться, что это обручье принадлежит Вам». Но когда Магнус сообщил, что обручье принадлежит ему по праву, ибо его дал ему при расставании его отец Олав Святой, Харальд вновь не сдержал эмоций и прокомментировал этот ответ далеко не в дружественной манере: «Это

правда, господин. Конунг Олав действительно дал Вам обручье, но это самое обручье он забрал у моего отца, имея для этого мало оснований. И несладко жилось мелким конунгам в этой стране, когда отец Ваш был настолько могуществен». На этом их разговор закончился. Дальше в саге не один раз идет речь о стычках между двумя конунгами и о том, как трудно им было соблюдать сдержанность.

Весь рассказ завершается ссылкой на источник информации, точнее на одного из шести названных в Msk устных информантов: «Так это было рассказано Торгильсом, мудрым человеком, и он сказал, что ему эту историю рассказала Гудрид, дочь Гутхорма, сына Стейгар-Торира, и еще он сказал, что видел ту кленовую чашу и тот плащ, которые конунг Харальд дал Ториру. Плащ был тогда разрезан [и превращен] в алтарный покров». Т.М. Андерссон и К.Э. Гаде (Morkinskinna 2000. P. 60) так видят тот путь, которым эта история, случившаяся в 1046 г., дошла до автора Msk: Стейгар-Торир (известно, что он был повешен конунгом Магнусом Голоногим в 1094 г.), первым признавший Харальда конунгом, мог быть очевидцем описываемых событий; он мог поведать об этом своему сыну Гутхорму, тестю конунга Эйстейна Магнуссона (1103–1122), а тот – своей дочери Гудрид, которая могла прожить до второй половины XII в. и могла рассказать Торгильсу (и многим другим) об этих событиях. Последний, как уточняется в Fask и Hkr, – Торгильс Сноррасон, исландец, умерший в 1201 г. Нам не дано знать, что связывало знатную норвежку Гудрид и исландца Торгильса, но перед нами раскрывается механизм передачи в Исландию традиции, связанной с норвежским королевским домом. И в этой традиции раздел державы представлен как обмен дарами на пиру.

Примечание

- * Работа выполнена по проекту «Становление государственной инфраструктуры и идеологии в античном и средневековом мире (компаративное исследование)» программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории» и по гранту РФФИ № 12-06-00210а «Следы устной традиции в ранних письменных памятниках средневековой Скандинавии: выявление формальных показателей, классификация, создание базы данных».

Источники и литература

- Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012.
- Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Дар дружбы // *Stratum plus*. 2013 (в печати).
- Гуревич А.Я. Дары. Обмен дарами // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 129–134.
- Джаксон Т.Н. *Var þat svá mikit fé, at engi maðr norðr í lönd hafði sét í eins manns eigu*. О природе исторической памяти в исландских королевских сагах // ВЕДС-ХП: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 149–154.
- Джаксон Т.Н. *Mágar* Харальд Сигурдарсон и Свен Эстридсен (о брачных связях и политических альянсах в средневековой Скандинавии) // ВЕДС-ХП: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 74–80.
- Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 85–111.
- Fask – Fagrskinna – Noregs konunga tal / Bjarni Einarsson. 1984. (ÍF; 29). Bls. 55–364.
- Нкр – *Snorri Sturluson*. Heimskringla 3 / Bjarni Aðalbjarnarson. 1951. (ÍF; 28).
- Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157) / Tr. by Th.M. Andersson and K.E. Gade. Ithaca; L., 2000. (Islandica; 51).
- Msk – Morkinskinna I / Ármann Jakobsson, Þórður Ingi Guðjónsson. 2011. (ÍF; 23).
- PKS 2 – Poetry from the Kings' Sagas 2 / K.E. Gade. Turnhout, 2009. Part 1.

Д. Домбровски

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЯ XIII в. В СВЕТЕ ЕГО ПРИДВОРНОЙ ЛЕТОПИСИ (ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬКОВИЧ)

Предметом настоящего исследования являются: функция, которую выполняют сведения экономического характера в летописном нарративе; механизмы, определяющие фиксацию сведений такого рода; оценка их подлинности, а также возможности реконструировать их исходя из экономического потенциала русского правителя. Этим правителем является Владимир-Иван Ва-

силькович (ок. 1247/9–1288), сын Василька Романовича, племянник короля Руси Даниила (Dąbrowski 2002. S. 187–196; Назаренко 2004).

Прежде чем перейти к сути работы, я хотел бы представить несколько вводных замечаний. Владимира следует отнести к категории Рюриковичей, обладавших средним политическим влиянием. После смерти отца (ок. 1269 г.) он являлся правителем Владимиро-Волынского княжества, небольшого по территории, но важного с точки зрения престижа, довольно населенного и имевшего весьма разветвленные торговые связи, в том числе с польскими княжествами и государством крестоносцев. В то же время это был всего лишь осколок, хоть и значительный, владений Романовичей, разделенный к тому же на уделы Льва Даниловича, Юрия Львовича и Мстислава (II) Даниловича (о дроблении Галицко-Волынской Руси после смерти Даниила Романовича см.: Dąbrowski 2011. С. 296–305).

С другой стороны, Владимира следует признать Рюриковичем, которому исключительно повезло, если речь идет о месте в историографии. Ведь именно в его окружении создавалась одна из редакций Галицко-Волынской летописи (см., например: Пашуто 1950. С. 109–130; Ерёмин 1957. С. 102–117; Генсьорский 1958. С. 5–7, 31–54; Котляр 1993. С. 133–146). Этот факт весьма существенно влияет на оценку значения князя. Напомним, что он удостоился от хрониста эмоциональной и насыщенной подробностями, в том числе относительно интересующей нас сферы, апологии. Кроме того, следует отметить, что у автора этой части упомянутого памятника древнерусской письменности отчетливо прослеживается желание преуменьшить роль нелюбимого при владимирском дворе Льва Даниловича и подчеркнуть политическое значение самого князя Владимира. Разумеется, такие действия, впрочем, обычные для придворных летописей, не были вовсе лишены оснований. Действительно, князь владимирский был, скажем, покровителем правителя восточной Мазовии Конрада II. С другой стороны, он явно обладал меньшим влиянием, чем упомянутый Лев, с которым как с политическим партнером считался не мелкий мазовецкий Пяст, а правители такого уровня, как короли Венгрии Штефан IV и Андрей III или король Чехии Вацлав II, не говоря уже о князьях малопольских (Dąbrowski

2001. S. 42–69; недавно о Льве писал Л. Войтович [2012]). Можно даже говорить о состоянии определенной зависимости владимирского князя от своего двоюродного брата. Это подтверждает хотя бы его вынужденное участие в организованных Львом походах.

Больше всего сюжетов экономического характера обнаруживается в пространном некрологе и похвале Владимиру. Часть из них имеет огромное значение для изучения материальной и духовной культуры князя и его окружения. Вот перечень этих сведений:

- раздача смертельно больным князем своего имущества бедным. При этом нельзя упускать из виду, что речь в этом отрывке идет, к примеру, о серебряной и золотой посуде, выполненной по заказу князя и полученной по наследству от отца, а также о больших золотых ожерельях («монистах») его матери и бабушки. Все эти ценные предметы были на глазах Владимира разбиты и перелиты в гривны. Кроме драгоценных металлов, он раздал также категориям нуждающихся, названным в тексте, свои стада, вероятно, прежде всего, своих непосредственно упомянутых коней (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 914);

- использование бархатных, украшенных вышивкой или тесьмой с ажурным узором («круживом») одежд;

- забота о духовных лицах, особенно о монахах (этот мотив появляется дважды), упоминание фактов основания многочисленных монастырей и содержания людей церкви;

- «возведение» Берестя;

- основание «на пустом месте» за Берестьем крепости Каменец (Литовский), в котором была построена каменная (в действительности кирпичная) башня высотой 17 саженей (более 30 м – независимо от того, о какой сажени идет речь);

- возведение и украшение (иконами, книгами и литургической утварью) церкви Благовещения в Каменце;

- пожертвование икон и книг церкви в Бельске;

- заказ на роспись фресками церкви св. Димитрия во Владимире-Волынском и пожертвования в пользу этого храма (икона Богородицы в богатом окладе, литургическая утварь и ценные ткани);

- преподнесение в дар собору Богородицы во Владимире иконы Спасителя в окладе, утвари и литургических книг;

- пожертвование своему монастырю св. Апостолов [?] литургических книг, из которых «апостол сам списа»;
- пожертвование Евангелия-апракоса в богатой оправе епископствам Перемышльскому и Черниговскому, а Луцкой епархии – креста для процессий;
- возведение многих церквей без указания места и посвящения;
- основание и богатые пожертвования для церкви св. Георгия в Любомле, что детально и подробно описано в похвале;
- возведение в Берестье каменной башни, по высоте аналогичной той, что в Каменце, а также возведение в той же крепости церкви св. Петра и пожертвования для нее (Евангелие-апракос в богатой оправе, литургическая утварь, кадильница и распятие) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 914–927).

Как сказано выше, уже одно перечисление представленных сюжетов свидетельствует об их огромной ценности. Достаточно подчеркнуть, что хронист назвал по меньшей мере 24, а согласно Я. Запаско, минимум 47 книг, пожертвованных Владимиром восьми святыням (Запаско 1993. С. 186). Автор обоснованно допускает, что книг было 47, поскольку каждый из Прологов и Менологиев, составлявшихся на отдельные месяцы, состоял из 12 отдельных томов. Отметим также, что в одном случае, а именно в случае дара в пользу церкви в Бельске, летописец применил не конкретную, а обобщающую формулировку, написав, что князь пожертвовал «книги» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 925). Выводя на основе данных из отрывка об основании и обустройстве церкви в Любомле усредненный показатель и принимая за таковой тот факт, что Владимир заплатил 8 гривен кун за один молитвенник (Там же. Стб. 926), мы могли бы подсчитать, что стоимость подаренных книг составляет минимум 192 или даже – что более правдоподобно – 376 гривен.

Помимо некролога и апологии, различного объема и степени конкретизации сведения, освещающие экономические проблемы, рассеяны по всему своду Владимира. Три сообщения заслуживают особенного внимания в силу богатства их содержания.

Прежде всего, речь идет об интересном рассказе, посвященном обстоятельствам основания Каменца. Здесь говорится о том, как Владимир Василькович выслал экспедицию, которая должна

была найти место для строительства новой крепости. Ее возглавил прославленный строитель многих крепостей времен Василька Романовича мастер Алексей. Его люди отправились вверх по речке Лесне на лодках. Найдя подходящее место, Алексей вернулся к князю, который сам в окружении бояр и слуг туда отправился. Рекогносцировка удалась. Владимир «улюби место то» и распорядился на берегу реки поставить крепость (Там же. Стб. 876).

Второй из этих отрывков говорит о просьбе голодающих ятвягов к Владимиру продать и прислать им провизию. В отношении этой эскапады, окончившейся трагично в Мазовии, важно отметить, что интересующий нас правитель обладал резервом провизии, которой мог располагать в кризисных ситуациях, а чужой, хотя и поддерживавший с владимирским княжеством разнообразные отношения, народ об этом знал. Во-вторых, ясно, на что именно был спрос у голодающих. В-третьих, мы имеем дело со списком средств оплаты, которыми располагали ятвяги, стремившиеся оплатить присланное Владимиром зерно. В-четвертых, мы получаем информацию о путях и средствах сообщения и бандитизме в Мазовии, несшем смертельную угрозу перевозчикам. Наконец, отметим комплекс отмеченных в проанализированном фрагменте сведений из экономической истории (Там же. Стб. 879).

И третий, возможно, самый интересный отрывок – это включенное в летописный текст завещание жене. Из него мы узнаем, например, о существовании конкретных повинностей населения, о цене конкретного села, о существовании частной земельной собственности бояр, которую можно было пускать в торговый оборот (Там же. Стб. 903–904).

Перейдем к выводам. Значительное влияние на характер и количество интересующих нас упоминаний имеет факт их включения в некролог и похвалу князю. Стремление представить Владимира как исключительно набожного правителя вызвало необходимость перечислить его пожертвования в пользу церкви и достаточно подробно описать его благотворительность. А поскольку составитель текста входил в княжеское окружение, он наполнил свой рассказ множеством известных ему из первых рук деталей. Близость автора к Владимиру и к его вдове (что, может быть, даже важнее) предопределила, как можно полагать, и то,

что в летописный свод была занесена дарственная умирающего правителя его жене.

Нет ни малейших оснований сомневаться в достоверности анализируемых сведений. Во-первых, это был список, составленный современником из окружения Владимира. Во-вторых, все данные было легко проверить современникам. Вместе с тем не исключено, что автор упоминаний одновременно представлял сторону получателей какой-то части даров.

Оставшаяся экономическая информация представлена в своде Владимира мимоходом и носит фрагментарный характер. Впрочем, это соответствует обычной практике летописания. На основе этих данных, таким образом, невозможно, например, реконструировать состояние и структуру собственности в государстве, установить состав и уровень доходов казны или же попытаться оценить весь запас финансовых средств, которыми располагал князь. Однако в сравнении с данными, относящимися к другим современным ему Рюриковичам, нам известно очень многое.

Пер. К.Ю. Ерусалимского, О.А. Остапчук

Литература

Войтович Л. Князь Лев Данилович, Львів, 2012.

Генсьорський А.І. Галицько-Волинський літопис (процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958.

Ерёмин И.П. Волынская летопись 1289–1290 гг. // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 102–117.

Запаско Я. Скрипторий волинського князя Володимира Васильковича // ЗНТШ. 1993. Т. 225. С. 185–193.

Котляр Н.Ф. Галицько-Волинський літопис XIII ст. Київ, 1993.

Назаренко А.В. Владимир (Иоанн) Василькович // ПЭ. М., 2004. Т. 8 (<<http://www.pravenc.ru/text/159128.html>>).

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950.

Dąbrowski D. Stosunki polityczne Lwa Daniłowicza z sąsiadami zachodnimi w latach 1264–1299/1300 // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001. С. 42–69.

Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich, Poznań; Wrocław, 2002. (Biblioteka Genealogiczna, pod red Marka Górnego; Т. 6).

Dąbrowski D. O zgonie Daniela Romanowicza i jego następstwach dla Rusi halicko-wołyńskiej // Actes testantibus. Ювілейний зб. на пошану Л. Войтовича. Львів, 2011. С. 289–305.

ОДИН ИЗ СТЕРЕОТИПОВ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ О ВАРВАРАХ

История культурно-исторических и этнографических экскурсов восходит к началу развития греческой литературы. Уже у Гомера в «Одиссее» были основные характеристики, составлявшие этническое существо народа (Od. IX. 106–115). Модель описания, выработанная впервые в эпосе Гомера, развивалась дальше логографами, оказалась весьма продуктивной и применялась уже Геродотом в более полном виде, а затем не только во всей античной, но и в последующей европейской специальной литературе. Целью повествования, как правило, было противопоставление описываемого народа грекам, и чем больше было элементов в рассказе, тем оно было нагляднее.

В античной литературе, в том числе и историографии, образовалась схема, содержащая приемы и характеристики, с помощью которых описывались внешние племена и народы. Таким образом, типологичность в греко-римской историографии проявилась особенно сильно в изображении ранних ступеней развития общества и культуры. Следующие темы прочно вошли в научный обиход: происхождение народа; объяснение его имени; физические свойства; вооружение и способ ведения войны; одежда; жилище; пища; образ жизни; способ правления; социальное устройство; обычаи; религиозные верования (Зельин 1954. С. 194).

Важной отличительной чертой античной традиции о варварах является представление о различных первобытных племенах Центральной и Восточной Европы как о народах очень похожих, ведущих одинаковый образ жизни, а то и генетически связанных друг с другом.

В основе недифференцированного подхода к различным народам, вероятно, лежит выделение античными авторами главного, по их мнению, признака, который отличает эти племена от цивилизованных греков и римлян, – степень их культурного развития. Поэтому неудивительно, что древние писатели стремились подчеркнуть грубость и неразвитость соседних племен (Поплинский 1980. С. 139).

Подобные рассуждения, а также акцентирование античными писателями некультурности северных варваров имели под собой реальную почву. Греки и римляне познакомились с племенами скифов, сарматов, гетов, фракийцев, кельтов, германцев в то время, когда они находились на гораздо более низком уровне общественного развития, на стадии родового строя или в период его разложения. Своеобразие, присущее доклассовому обществу, находило свое отражение в литературных произведениях.

В античной традиции сложился целый комплекс характеристик, которые постоянно встречаются в экскурсах о различных племенах.

Совпадения отдельных черт не могут быть отнесены только за счет литературного штампа, они отражают реальное сходство определенных сторон жизни первобытных племен. Хотя не следует отрицать тот факт, что античные авторы, особенно те, которые в основу своих сочинений клали произведения предшественников, а не личные наблюдения, стилизовали действительность (Norden 1922. S. 139). Да и те, чьи сведения аутопсичны, отнюдь не пренебрегали традицией, не могли ею пренебрегать – таковы были в античности представления о том, каким должно быть серьезное добротное сочинение, особенно историческое.

Античные писатели особо подчеркивают воинственность и храбрость варварских племен, которые довольно часто ставятся в связь с дикостью. Вполне естественно, что древние авторы в первую очередь обращали внимание на агрессивность варваров, видели в них носителей разрушительного начала: Риму постоянно приходилось сталкиваться с народами, которые находились на стадии разложения первобытнообщинных отношений, когда война становится одним из основных занятий населения, а военная слава и награбленное богатство усиливают положение их вождей (Lenski 2002. P. 125).

И здесь мы как раз подходим к экономической составляющей такого образа жизни. Абсолютно все античные авторы считают ведущим мотивом войн и набегов варваров жажду добычи. Так, Полибий пишет, что Ганнибал «замечал недовольство кельтов тем, что война тянется долго в собственной их стране, видел также, с каким нетерпением ждут они вторжения в неприятельскую землю, по видимости, из ненависти к римлянам, а на самом деле

из жажды добычи» (Polyb. II. 19. 3). Позже Тит Ливий вторит Полибию: «...галлы, которых раньше подстрекала надежда пограбить и нажиться... перенесли свою ненависть с римлян на Ганнибала» (Liv. XXII. 1. 2). Цезарь также отмечает данное качество галлов: «...сюда сошлись во множестве со всей Галлии люди отчаянные и разбойники, которых отвлекала от земледелия и повседневного труда надежда на добычу и страсть к войне (*spes praedandi studiumque bellandi*)» (Caes. B. G. III. 17). Тацит пишет о германцах: «...та же страсть к грабежам, та же алчность и любовь к скитаниям (*libido atque avaritia et mutandae sedis amor*) всегда гнала германцев в галльские земли» (Tac. Hist. IV. 73).

Особенно это относится к кочевникам, которые вызывают еще большую ненависть, чем остальные внешние племена. Овидий жалуется в «Печальных элегиях»: «Дикие тут племена – не счастье их! – войной угрожают; / Мнят позорным они жить не одним грабежом (*sibi non rapto vivere turpe putant*)» (Ovid. Trist. V. 10. 15). Аммиан Марцеллин в экскурсах о номадах красочно описывает их тактику: «...сарацины, которых нам лучше бы не иметь ни друзьями, ни врагами, в своих налетах то там, то здесь в один миг опустошали все, что им попадалось, словно хищные коршуны, которые, если завидят сверху добычу (*praedam*), похищают ее стремительным налетом, а если удастся схватить, летят прочь» (Amm. Marc. XIV. 4. 1). Он сообщает, что гунны «пламенеют дикой страстью к золоту (*auri cupidine immensa flagrantes*)... Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жадой грабежа (*externa praedandi aviditate flagrans*), двигаясь вперед среди грабежей (*rapinas*) и убийств, дошел до земли аланов» (Amm. Marc. XXXI. 2. 11–12).

При этом, по мнению римлян, именно такая форма эксплуатации территорий, подвергшихся завоевательным набегам, как грабеж, была основным источником существования племен, с которыми они контактировали. Тацит замечает: «...вскоре жажда добычи (*praedae cupidine*) заставила их (германцев. – И.Е.) забыть о неудачах» (Tac. Hist. IV. 23). Аммиан Марцеллин пишет, что «германцы, потратив все, что награбили (*diripuerunt*), и чувствуя снова голод, бросались снова на добычу (*praedas*)» (Amm. Marc. XVI. 5. 17).

С ярко выраженным осуждением описывая страсть варваров к обогащению, античные авторы довольно часто противоречат сами себе. С одной стороны, они неоднократно упоминают об отваге, храбрости, воинственности и значительных познаниях в военном деле северных народов (Polyb. II. 18. 1; 20. 7; Caes. B. G. I. 36; 39; II. 15; 24; 27; V. 54; Liv. VII. 23; Strabo. IV. 1. 2; 4. 2; Plut. Cam. 18; Caes. 19; Mar. 11; Tac. Hist. IV. 20; Ann. XIII. 54; Agr. 21; Germ. 6; 14; 31–32; Flor. I. 7. 4; 38. 17). С другой стороны, когда речь заходит о жажде добычи, римские писатели, явно лукавя, противопоставляют ее военному делу, как будто можно было что-то награть, не воюя, и забывая, что римские победоносные войска никогда не возвращались из военных походов без добычи. Видимо, по их представлениям, для римлян естественным было храбро сражаться и обогащаться за счет побед, а для варваров эти действия были несовместимыми.

Так, Тацит сообщает, что «варвары, обрадованные возможностью грабежа и не расположенные к бранным трудам, обходя стороной крепости и гарнизоны, накидывались на то, что сулило особенно богатую добычу и недостаточно охранялось защитниками» (Tac. Ann. XIV. 33). «Сарматское племя роксоланов... вторглось в Мезию. Их конный отряд состоял из девяти тысяч человек, опьяненных недавней победой, помышлявших больше о грабеже, чем о сражении» (Tac. Hist. I. 79). С чувством превосходства он пишет: «...между тем армия, обложившая этот город (Могунциак. – *И.Е.*), которая состояла из хаттов, узипов и маттиаков, успела награть вдоволь добычи и сама сняла осаду» (Tac. Hist. IV. 37).

Более того, согласно утверждениям античных авторов, римлянам не раз удавалось избежать полного разгрома только потому, что их противники забывали о битве и начинали заниматься грабежом. Тацит свидетельствует, что в одной из битв во время восстания Цивилиса германцы «одержали было уже победу, но забыли о противнике и начали драться между собой из-за добычи» (Tac. Hist. IV. 78). Полибий сообщает, что дележ добычи варвары продолжали и после сражений, нанося себе большой вред: «...однако по возвращении на родину в среде кельтов возникли распри из-за нагрябленного добра, причем они потеряли и большую часть добычи и много собственного войска» (Polyb. II. 19. 3).

Таким образом, в исторических экскурсах о различных народах большое место занимает характеристика их жадности; целью всех их набегов и войн античные авторы единодушно считают жадность, настолько сильную, что иногда она мешала варварам сохранить награбленное или даже одержать победу над римлянами. Греки и римляне видели в этом одно из проявлений неорганизованности и неупорядоченного образа жизни, свойственного варварам.

Безусловно, данное положение стереотипно. Но, с другой стороны, нельзя отрицать, что у него есть вполне реальные основания. Экономика римских провинций была гораздо более развитой, нежели у их первобытных соседей, и манила самыми разнообразными возможностями, которыми и стремились овладеть ближние и дальние племена античной периферии.

Литература

- Зельин К.К.* Помпей Трог и его произведение «История Филиппа» // ВДИ. 1954. № 2.
- Поплинский Ю.К.* Принципы этнографических описаний в античной научной литературе // Африканский этнографический сборник. Л., 1980.
- Lenski N.* Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D. Berkeley; Los Angeles, 2002.
- Norden E.* Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Leipzig; Berlin, 1922.

Н.Ю. Живлова

ОВЦА ВМЕСТО СОБАКИ И ПИВО, «ОТ КОТОРОГО ТОШНИТ»: ОБМАН КЛИЕНТАМИ ЛОРДОВ ПРИ ВЫПЛАТЕ ПРОДУКТОВОЙ РЕНТЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИРЛАНДИИ

Законы, предусматривая обязанности клиента по отношению к лорду, подробно предписывают как точное количество, так и качество продуктов, иногда в подробностях изображая технологию изготовления пищи. Очевидно, что юристы были хорошо знакомы с фактами обмана и даже фальсификации продуктов клиентами и старались избежать этого. Так, текст «Канон несвободной

клиентелы» (Cáin Aicillne) предусматривает, что еда, предоставляемая лорду, должна быть «с хорошим вкусом, здоровой для желудка (cona sláine do bru)» (Thurneysen 1923. S. 346). Законы уточняют не только количество сыпучих продуктов (зерна, солода), но и точные размеры предоставляемых клиентами кусков мяса (определяя их толщину в «пальцах» и «кулаках» как в тонких, так и в толстых местах куска).

Законы говорят о «предъявлении» (taisbénad) продуктов и других предметов, входивших в состав ренты, лорду. Судя по всему, речь идет о формальной процедуре: клиент мог быть наказан за то, что унес свечу после ее «предъявления» (DRS, 341). Для определения качества продуктов предусматривалась «проба» (focal: в неюридических текстах focal означает просто 'слово'). Например, качество теленка определяется так: «Теленок ценой в три мешка [пшеницы], двенадцать кулаков в обхвате, столь же здоровый [как и другие предоставляемые животные]; он пасся вместе с дойными коровами с начала лета до предъявления (taisbénad) его лорду в зимнее время: его предъявление со всем подобающим, с его ценностью, с его измерениями, с подобающими пробами (foclaib)» (Thurneysen 1923. S. 353). Животное не должно было быть умершим от «колдовства (fithnaisi) или болезни», но «той смертью, для которой оно было вскормлено» (Thurneysen 1923. S. 347). «Канон несвободной клиентелы» содержит исключительно подробное описание приготовления солода, качество которого проверяется на трех стадиях технологического процесса (Ibid. S. 347–348; DRS. P. 148).

Технология производства молочных продуктов также излагается с упором на качество: так, при описании сливок уточняется, что «про них говорят, что сегодня они не более горькие, чем завтра»; проба сливок снималась в середине технологического цикла (Thurneysen 1923. S. 356; Чехонадская, 2009. С. 82). Пиво должно было быть «без пены, без осадка» (cín huan, cín descad: DRS, 361–362). Комментарии к тексту «О правах, имеющихся у господина относительно лена и дохода», описывают последствия случая, когда лорду попало в доме клиента плохое пиво (míchuirm). В «приличном» (dligtech) доме лорд мог начать пить пиво без предварительной пробы (fromad); в «неприличном» (inndligtech) доме лорд даже после предварительной пробы (fromad a hairigi) мог

получить испорченное пиво. Если добросовестный хозяин ошибся, подав лорду неудачное пиво (в тексте используются производные от прилагательных *seirb* «горький» или *sceithach* «такой, от которого тошнит»), он мог возместить ущерб, безвозмездно поя лорда и его свиту пивом в течение пятнадцати дней. Если же со стороны клиента это была какая-то «проделка» (*geb*; наверное, ближе к смыслу был бы перевод «фокус»), наказание было очень тяжелым – выплата полной цены чести лорда (DRS. P. 341).

Выразительный случай обмана монастыря клиентами описан в житии св. Адамнана:

Однажды в воскресенье Адамнан был в северной части Маг Брег, то есть в области Уи Мак Уайс. Там ему принесли сто вареных овец и среди них была одна вареная собака. Адамнан силой дара Духа Святого разглядел собаку среди овец. И он сказал крестьянам (*bi-ataigh*):

– Кто из вас принес нам собаку среди овец?

Каждый из них по отдельности принес клятву, что это не он.

Адамнан сказал собаке:

– Во имя Господа, встань быстро и покажи нам своего хозяина.

Собака тут же встала по слову Адамнана и прыгнула на своего хозяина, и повалила его на землю. Адамнан спросил у того человека:

– И сколько вас всех сотворили это дело?

– Четверо из рода Уи Корб, – сказал юноша.

И сказал Адамнан, проклиная их:

*Все на вас и вокруг вас
Проклинаю,
Вот что внукам Корба я
Оставляю.*

И сказал он, что никогда в их роду не будет больше четырех человек (Betha Adamnáin. P. 56–57).

Подобный эпизод в более поздней легенде связывается со святым Патриком (Vendryes 1914. P. 357–360).

Подобные сюжеты как в юридических, так и в агиографических текстах открывают интересный аспект жизни средневекового ирландского общества, давая нам редкую возможность почувствовать настроения его низших слоев. Обманывая как церковных, так и светских лордов, фальсифицируя продукты, рядовые ирландцы пытались выгадать что-то для себя.

Литература

- Чехонадская [Живлова] Н.Ю. Древнеирландская сага «Пир Брикрена и изгнание сыновей Дол Диармайда» о полюдье и продуктовой ренте // Кельто-Славика II. Мат-лы Второго коллоквиума междунар. общ. «Кельто-Славика» (Москва, 14–17 сентября 2006 г.). М., 2009. С. 75–92.
- Betha Adamnáin: The Irish Life of Adamnán / Ed. M. Herbert and P. Ó Riain. L., 1988.
- DRS – *Crigger B.-J.* “A Man is better than his Birth”: Identity and Action in Early Irish Law. Ph.D. The Univ. of Chicago. Chicago, 1991.
- Thurneysen R.* Aus dem irischen Recht I: 1. Das Unfrei-Lehen // *Zeitschrift für Celtische Philologie*. 1923. Bd. 14. S. 335–394.
- Vendryes J.* L'épisode du chien ressuscité dans l'hagiographie irlandaise // *Revue Celtique*. 1914. Vol. 35. P. 357–360.

М.О. Жуковский

НАБОРЫ ВЕСОВЫХ ГИРЕК ИЗ ДРЕВНЕРУССКИХ КЛАДОВ IX–XI вв.

Находки гирек для малых взвешиваний известны на памятниках северо-запада Руси начиная со второй половины IX в. – единичные экземпляры происходят из ранних слоев Старой Ладogi (Давидан 1987), Рюрикова городища (Носов 1990), городища Крутик (Голубева, Кочуркина 1991). К середине X в. весы и весовые гирьки получают широкое распространение на десятках древнерусских памятников, концентрируясь в крупных торгово-ремесленных центрах раннегородского характера и ассоциированных с ними могильниках. В общей сложности с территории Древней Руси происходит более 850 весовых гирек, зафиксированных в комплексах IX–XI вв. Наиболее распространенным типом находок (около 75% всех найденных экземпляров) являются сферические (бочонковидные) гирьки с уплощенными полюсами, изготовленные в подавляющем большинстве случаев из железного ядра, обтянутого оболочкой из медного сплава. Еще 15% находок представлены вторым «стандартным» типом – 14-гранными гирьками, как правило, – из медного сплава. Известны также свинцовые гирьки разнообразной формы, среди которых преобладают цилиндрические экземпляры.

Весовые гирьки указанных типов хорошо известны за пределами Древней Руси на североевропейских памятниках эпохи викингов во всем циркумбалтийском регионе. Согласно материалам современных исследований (Steuer 1987; Gustin 2004; Pedersen 2008) сферические и 14-гранные гирьки, унифицированные по весу, форме, орнаментации и маркировке, появляются на памятниках торгово-ремесленного характера и в связанных с ними могильниках примерно с третьей четверти IX в., т.е. практически синхронно с первыми находками на территории Древней Руси. Вслед за Х. Штойером, «стандартизированные» (gepogmt) сферические и 14-гранные весовые гирьки принято считать неотъемлемой частью весовой экономики IX–XI вв. (Gewichtsgeldwirtschaft), основанной на приеме фрагментированного серебра (обломки монет, украшений, слитков) на вес в торговых операциях (Steuer 1997; Kilger 2008; 2012). Работами последних двух десятилетий достоверно установлен факт производства миниатюрных весов и гирек стандартных типов на целом ряде памятников Северной Европы: Хедебю (Steuer 1987), Бирке (Kyhlerberg 1980; Söderberg 1996), Сигтуне (Söderberg 2008). Свинцовые гирьки, разнообразные по форме и весу, появляются в Северной Европе в погребениях еще римского времени и известны на памятниках Скандинавии в течение всего I тыс. н.э. (Pedersen 2008. Р. 132). Гирьки из свинца, аналогичные находкам из Старой Ладogi (Давидан 1987) и Гнёздова (Пушкина 1992), широко представлены в слоях VIII–IX вв. таких памятников как Рибе (Feveile and Jensen 2006), Каупанг (Pedersen 2008), Бирка (Gustin 2004). Начиная со второй половины IX в. свинцовые гирьки вытесняются «стандартными» сферическими и 14-гранными типами, однако продолжают сосуществовать с ними вплоть до позднего средневековья. Таким образом, весовые гирьки, происходящие с территории Древней Руси, безусловно, необходимо рассматривать в общеевропейском контексте находок инструментов для взвешивания.

Несмотря на значительное количество находок весовых гирек на территории Руси, изучение материала, особенно, в отношении реконструкции их весовой системы, встречает ряд трудностей. В первую очередь, это связано с плохой сохранностью подавляющего большинства экземпляров – не более 10% всех находок могут быть надежно привлечены для этих целей. В связи с этим

важнейшим источником информации для изучения весовой шкалы гирек являются находки наборов разновесов из закрытых комплексов – в первую очередь, кладов.

В состав I Неревского клада восточных монет, датируемого 70-ми годами X в., входили 9 весовых гирек: шесть сферических железных с оболочкой из медного сплава, одна бронзовая плохой сохранности и две свинцовые (Янина 1956. С. 207). Гнёздовский денежно-вещевой клад 1993 г. (датируется 50-ми годами X в.) содержал в своем составе набор из 11 сферических железных с оболочкой из медного сплава и 3 свинцовых гирек (Пушкина 1996. С. 184–186). Еще один небольшой клад, найденный в Гнёздове в 2001 г., состоит из бронзовых складных весов, мотка тонкой серебряной проволоки, 6 фрагментов дирхемов и 7 сферических железных гирек с омеднением и 2 свинцовых (Пушкина 2009. С. 525–532). Брилевский клад конца IX в. содержал в своем составе 10 гирек: шесть сферических и четыре 14-гранные (Плавинский 2012). Особое место среди кладов с весовыми наборами принадлежит Подборовскому кладу рубежа X–XI вв. в силу отличной сохранности большинства из 10 входящих в его состав сферических гирек. Краткие (и не совсем точные) сведения о наборе гирек из этого клада были опубликованы В.Л. Яниным (Янин 1956. С. 175).

По характеру комплекса к этой же категории находок можно отнести кошелек со складными весами, 20 разновесами (17 сферических, 1 биконический, 2 четырнадцатигранных), бронзовым дирхемом-подвеской и рядом мелких предметов, найденный в новгородском кремле в 1938 г. в слоях первой половины XI в. (Строков, Богусевич, Мантейфель 1939; Монгайт 1951. С. 135–137).

На территории Северной Европы находки весовых наборов в кладах также немногочисленны. В состав денежно-вещевого клада из Стурку (Южная Швеция), датирующегося первой четвертью XI в., входили 10 сферических гирек из железа, обтянутых оболочкой из медного сплава, и 3 свинцовых разновеса (Hårdth 1976. S. 23, Taf. 11, II, № 10). Также в Южной Швеции, в Боргебю, был найден клад западноевропейских монет середины XI в., включавший бронзовые весы и 10 гирек плохой сохранности (определимы одна омедненная сферическая и одна свинцовая. – Hårdth 1976. S. 36–37, № 39; Kilger 2012. P. 265). Сферическая омед-

ненная гирька из железа также входила в состав клада первой половины X в., найденного в Дании (Skovmand 1942. S. 115–116).

Из Бирки происходит еще одна редкая находка, аналогичная новгородской, – в слое середины X в. был обнаружен кошелек с 6 гирьками: четырьмя сферическими и двумя 14-гранными (Pedersen 2008. P. 134).

При сравнении составов приведенных комплексов отчетливо прослеживаются их общие черты: преобладание сферических гирек в наборе и наличие нескольких дополнительных разновесов, чаще всего – свинцовых. В Подборовском кладе свинцовых гирек нет, однако необходимо учитывать неодинаковую сохранность свинца в разных условиях залегания и отсутствие археологического контекста случайной находки. Сферические гирьки, входящие в состав перечисленных кладов, типологически очень похожи. Все они изготовлены из железа, обтянутого медной оболочкой, имеют круговую орнаментацию по периметру плоских граней, выполненную пуансоном, и, что наиболее важно, близкие, а в ряде случаев – полностью аналогичные, шаблоны нанесения кратности, основанные на соединении точек, выбитых пуансоном, тонкими линиями по определенной схеме.

Шаблон нанесения знака кратности гирьки № 2 Подборовского клада, в котором 3 точки образуют трискелий, а еще 2 соединены линией (суммарная кратность = 5), находит себе аналогии в двух гирьках Гнёздовского клада 2001 г. и гирьке из Новгородского кошелька (Монгайт 1951. С. 135, № 3). Гирька № 5, на которой 4 пуансонные точки кратности соединены попарно параллельными линиями, аналогична гирьке из Новгородского кошелька (Монгайт 1951. С. 135, № 7). Гирька № 6 из Подборовского клада со знаком кратности в виде перекрещивающихся s-образных линий, соединяющих попарно 4 пуансонные точки (соллярный символ свастика), совершенно аналогична двум гирькам из Гнёздовского клада 1993 г. (Пушкина 1996. С. 185, № 3, 4) и одной гирьке из южношведского клада из Стурку (Hårdth 1976. Taf. 11, II). Знак кратности гирьки № 7 Подборовского клада в виде трискелия, соединяющего 3 пуансонные точки, аналогичен знакам на одной гирьке из Гнёздовского клада 1993 г. (Пушкина 1996. С. 185, № 6) и одной гирьке из Гнёздовского клада 2001 г. Плохая сохранность большинства гирек ограничивает число сов-

падений орнаментальных схем в рассмотренных наборах, однако учитывая общую морфологическую близость находок, можно предположить, что таковых было больше.

Однако существует ли корреляция между совпадением шаблонов нанесения кратности на гирьках, входящих в состав весовых наборов из кладов X–XI вв., и их весом? Принимая во внимание разную степень сохранности находок, при которой мы не вправе ожидать точного весового соответствия, на этот вопрос можно ответить утвердительно – гирьки с одинаковой кратностью образуют единые весовые группы: кратность = 3, знак – трискелий: 21 – 24 г; кратность = 4, знаки – попарное соединение точек в виде свастики или параллельных линий: 30 – 32 г; кратность = 5, знак – трискелий и s-образная линия: 39 – 40 г. Границы весовых интервалов размыты в силу плохой сохранности большинства находок.

Обращаясь к весу гирек из Подборовского клада, необходимо отметить очень хорошую сохранность находок – 8 из 10 разновесов имеют минимальные утраты веса и могут быть использованы для анализа весовой шкалы набора. Для сравнения, хорошую сохранность имеют лишь 2 из 9 гирек I Неревского клада, 2 из 14 гирек Гнёздовского клада 1993 г., 2 из 8 гирек Гнёздовского клада 2001 г., менее половины гирек из Новгородского кошелька. Крайне плохая сохранность гирек из Брилевского клада не позволяет привлечь этот набор для анализа.

Шкала веса экземпляров хорошей сохранности из набора гирек Подборовского клада имеет следующий вид (по убыванию веса): 39,84 – 39,48 – 32,70 – 32,08 – 23,97 – 23,86 – 16,50 – 8,28 г. Очевидно, что наибольшая весовая единица, кратная всем гирькам набора, составляет ок. 8 г. Взяв это значение за основу и округлив вес гирек, приведенную шкалу можно представить в виде: $5 \times 8 - 5 \times 8 - 4 \times 8 - 4 \times 8 - 3 \times 8 - 3 \times 8 - 2 \times 8 - 1 \times 8$ г, что полностью соответствует нанесенным на гирьки знакам кратности. Подтвердив соответствие между знаками кратности, нанесенными на гирьки, и их весом, мы можем получить точное значение весовой единицы для каждого экземпляра. Шкала примет следующий вид: 8,28 – 8,25 – 7,95 – 7,99 – 8,02 – 8,175 – кратность не ясна – 7,97 г. Очевидно, что полученные значения распадаются на две группы – около 8 г и около 8,2 – 8,25 г, причем обе весовые единицы сосу-

ществуют в одном наборе. К сожалению, плохая сохранность гирек из наборов, входящих в состав упомянутых выше кладов из Новгорода и Гнёздова, не позволяет полноценно сравнить их с набором из Подборовского клада. Отметим, что одна хорошо сохранившаяся гири́ка из Гнёздовского клада 1993 г. дает значение весовой единицы, равное 7,75 г. При этом необходимо учитывать, что даже лучшие экземпляры из Гнёздова имеют утраты веса не менее 5–10%. Гири́ки из Новгородского кошелька предоставляют больше возможностей. Семь хорошо сохранившихся экземпляров дают единицу веса в 7,88 – 8,14 г, одна – 8,35 г и еще одна бронзовая гири́ка – 8,8 г. Очевидно, что за исключением бронзовой гири́ки, морфологически выпадающей из рассматриваемого ряда, значение весовой единицы рассмотренных наборов сферических гирек ориентировано на 8 г.

Этот вес соответствует эрту́гу североευропейской весовой системы эрту́г–эре–марка, впервые зафиксированной рунической надписью на территории Скандинавии в XI в. и упоминающейся в англо-саксонских источниках с конца IX в. (Rasmusson 1966. S. 420–421). Усилия к реконструкции веса эре и эрту́га, являющегося его третьей, приложили многие исследователи (Arne 1914; Brægger 1921; Kyhlberg 1980; Lundström 1973; Steuer 1987; Wallace 1987). В зависимости от использованного материала (гири́ки, украшения или слитки) и географии исследования весовое содержание эре устанавливается в диапазоне от 24 до 26,5 г. Вес эрту́га, соответственно, составляет 8 – 8,8 г. Существует несколько интерпретаций ширины этого весового интервала. Например, А. Брёггер видел хронологическое различие в весе раннего (24 г) и позднего (26,5 г) эрту́га, однако преобладает мнение о локальных вариациях базового веса в различных регионах североευропейской общности (Kruse 1988).

Весовая единица набора гирек Подборовского клада укладывается в диапазон значений веса эрту́га, приближаясь к его нижнему порогу. С учетом двух поврежденных экземпляров, вес которых может быть теперь реконструирован в системе эрту́г–эре–марка, гири́ки набора по своему весу образуют следующую комбинацию: одна гири́ка в 1 эрту́г, одна – в 2 эрту́га, две – в 3 эрту́га (или 1 эре), три – в 4 эрту́га, две – в 5 эрту́гов и одна гири́ка, вероятнее всего, – в 10 эрту́гов. Невозможно достоверно устано-

вить, учитывал ли владелец набора выделенную вариацию веса базовой единицы-эртуга (8 и 8,2 – 8,25 г), однако отметим, что на двух гирьках из Подборовского клада с идентичной кратностью (№ 7 и 8), дающих при этом разные значения веса базовой единицы (8,02 и 8,175 г), использованы разные шаблоны маркировки.

Литература

- Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь (по материалам посещения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991.
- Давидан О.И. Весовые гирьки Старой Ладogi // АСГЭ. 1987. Вып. 28.
- Монгайт А.Л. Рязанские гирьки // КСИИМК. М.; Л., 1947. Вып. 14.
- Монгайт А.Л. Новгородские гирьки. Археологические заметки, III. // КСИИМК АН СССР. М.; Л., 1951. Вып. 41.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Плавинский Н.А. Находки весов и гирек-разновесов на территории Полоцкой земли (конец IX – XI в.) // Банкаўскі веснік. 2012.
- Пушкина Т.А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово. Смоленск, 1992.
- Пушкина Т.А. Новый Гнёздовский клад // ДГ, 1994 год: Новое в нумизматике. М., 1996.
- Пушкина Т.А. Новые монетно-вещевые клады из Гнёздова // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию акад. В.Л. Янина. М., 2009.
- Строков А.А., Богусевич В.А., Мантейфель Б.К. Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 году // НИС. Новгород, 1939. Вып. 5.
- Черепнин А.И. Древние Рязанские гирьки // Тр. Рязанской ученой архивной комиссии за 1892 г. Рязань, 1893. Т. 7.
- Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Янина С.А. Неревский клад куфических монет X века // МИА. М., 1956. № 55.
- Arne T.J. La Suède et L'Orient. Uppsala, 1914.
- Brøgger A. W. Ertog og Øre. Den gamle Norske vegt. Kristiania, 1921.
- Gustaf I. Mellan gåva och marknad. Handel, tillit och materiell kultur under vikingatid. Lund, 2004. (Lund Studies in Medieval Archaeology; 34).
- Hårdth B. Wikingerzeitliche depotfunde aus Südschweden. Katalog und Tafeln. Bonn; Lund, 1976.
- Kilger C. Wholeness and Holiness. Counting, Weighing and Valuing Silver at Kaupang in the Early Viking Period // Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age. Århus, 2008. (Kaupang Excavation Project Publication Series; Vol. 2).
- Kilger C. Hack-Silver, Weights and Coinage: the Anglo-Scandinavian Bullion Coinages and their Use in Late Viking-Age Society // Silver Economies, Monetisation and Society in Scandinavia AD 800–1100. Århus, 2012.

- Kruse S.* Ingots and weight units in Viking Age silver hoards // *World Archaeology*. 1988. Vol. 20, N 2.
- Kyhlberg O.* Vikt och värde // *Stockholm Studies in Archaeology*. 1980. Vol. 1.
- Lundström L.* Silverringar som pengar under vikingatiden // *Numismatiska meddelanden*. 1973. Vol. 31.
- Pedersen U.* Weights and balances // *Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age*. Århus, 2008. (Kaupang Excavation Project Publication Series; Vol. 2).
- Rasmusson N.L.* Mark // *Kultuhistorisk Leksikon for Nordisk Middelalder fra Vikingetid til Reformationstid*. 1966. Vol. 11.
- Skovmand R.* De danske Skattefund fra Vikingetiden og den ældste Middelalder indtil omkring 1150. København, 1942.
- Söderberg A.* Schmelzkugeln – Identifikation av en hantverksprocess. Fyndmaterial från Birka och Sigtuna // *C-D uppsats i laborativ arkeologi* 95/96. Stockholm, 1996.
- Söderberg A.* Metall- och glashantverk // På väg mot Paradiset – arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006. Meddelanden och rapporter från Sigtuna Museum. 33. Sigtuna, 2008.
- Steuer H.* Gewichtsgeldwirtschaften im frühgeschichtlichen Europa // *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse*. 1987. Dritte Folge, Nr. 156.
- Steuer H.* Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis 13. Jahrhundert als Quellen zur Handels- und Währungsgeschichte // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. Köln, 1997. Bd. 10.
- Wallace P.F.* The economy and commerce of Viking Age Dublin // *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse*. 1987. Dritte Folge. Nr. 156.

М.В. Земляков

КАТЕГОРИИ ЗАВИСИМОСТИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ПРАВОВЫХ ИСТОЧНИКАХ VII – НАЧАЛА X в. (АНАЛИЗ *TEXTUS ROFFENSIS*)

Объектом нашего интереса послужит один из самых сложных источников по истории англо-саксонской Англии, содержащих королевские установления конца VII – начала X в. – *Textus Roffensis*, или Рочестерский кодекс начала XII в. (далее: TR; полнотекстовая версия и факсимиле TR доступны на сайте:

http://cityark.medway.gov.uk/query/results/?Mode=Search&SearchMode=explorer&SearchWords=DRc_R1&DateList>; подробное описание кодекса было составлено Н. Кером: Ker 1957. Р. 443–447; дипломатическое воспроизведение f. 1r–8v TR приведено в работе: Oliver 2000. Р. 183–194). В настоящем исследовании будут проанализированы социально-экономические категории, дающие нам представление о различных формах господства и подчинения, закрепленных в англо-саксонской правовой культуре.

Рукопись состоит из двух частей, изначально независимых друг от друга. Первая часть представляет собой сборник законодательных установлений, дополненных постановлениями по конкретным судебным процедурам, генеалогическими таблицами с именами уэссекских и англских королей, списками римских пап, патриархов и императоров, английских архиепископов и епископов (л. 1–116v); вторая часть включает картулярий Рочестерского кафедрального приората, богослужебные записи и книжные перечни местной библиотеки (л. 119r–230r). Формат листов кодекса колеблется в пределах 225–230 × 150–155 мм, формат текста – 170 × 95 мм; многие глоссы и дополнения на полях утеряны при позднейшем обрезании листов. Текст написан в 24 строки (кроме нескольких листов с 25 строками). По мнению Н. Кера, кодекс был написан одним писцом вскоре после 1122 г. Впрочем, на протяжении всего текста неоднократно встречаются вставки, сделанные другими почерками.

На 32 листах, содержащих законы интересующего нас периода, обнаруживается значительное число исправлений, добавлений, вставок значительных фрагментов. Условно разделим данные законы на две части: 1) древнейшую – законы кентских королей Этельберта (601–604), Хлотхере, Эадрика (685–686) и Вихтреда (695–696), л. 1–8, и 2) более позднюю – законы уэссекских королей Инэ (688–695) и Альфреда (после 890–901), л. 9–31. Кропотливая редакторская работа, безусловно, не могла быть предпринята без практической потребности. В древнейших законах и альфредовском прологе количество дополнений и исправлений на порядок меньше, чем на протяжении основной части законов Альфреда–Инэ.

Исправления и дополнения очень часто касаются различных социальных категорий англо-саксонского общества. Мы полага-

ем, что это было связано как с фонетическими изменениями в языке, так и с различием в написании интересующих нас терминов в разных частях TR, которые могли иметь самостоятельное происхождение (об источниках TR см.: Wormald 1999. P. 249–252). Например, все исправления в слове *ealdeþman* относятся только ко второй части TR. Для корня *seorl-* единственным вариантом написания в первой части является вариант с сочетанием *-eo-*, тогда как во второй части нам встретятся *seorl*, *cyrlisc man*, *cierlisc man*, *ciorl/ciorlisc man*. *Deow* как лексическая норма характерна как для первой, так и для второй части рукописи, однако в законах Вихтреда в корне слова встречается сочетание *-eu-* (Wi. 13, 15, 23, 27. Здесь и далее нумерация титулов представлена на основе издания: Liebertmann 1903. S. 3–123). В обеих частях TR присутствуют вполне устойчивые формы написания терминов, обозначающих социальные категории (*gesid*, *esne*). Помимо этого, той же руке в манускрипте принадлежат описки, демонстрирующие слабое знание общественных отношений IX–X вв. (Ine. 23,1; 30; 50 – *sege sid[mon]*).

Изучение социальной роли зависимых категорий в VII–X вв. мы начнем с анализа источников пополнения зависимого населения. Жители Кента, Уэссекса или иноплеменники могли попасть в зависимость несколькими путями. В качестве основных источников рабства называются работорговля (Wi. 26; Ine. 11) и обращение в наказание за преступление (Ine. 3,2; 7,1; 54,2 – *witeðeow* «раб, обращенный по закону [в качестве кары]»); в связи с военной активностью на границе с Уэльсом можно предположить обращение в рабов пленных. Законы Инэ указывают нам на присутствие среди живущих в Уэссексе валлийцев (Ine. 23,3; 24,2; 32–33; 46,1; 74) определенного числа рабов, причем некоторые из них занимали высокое социальное положение (Ine. 33). Исследователи указывали на то, что категории зависимости могли сформироваться при определяющем влиянии этнической специфики (*wealh* – «уил» стал синонимом терминов *laet* «зависимый» и даже *ðeow* «слуга, раб». – см., например: Шервуд 1988. С. 135–146, 148–152). Мы не можем согласиться с этим. Древнеанглийские законы не дают возможности проследить такую эволюцию на протяжении 300 лет, поскольку дихотомия *wilisc*–*englisc*, а равно и этносоционим *wealh/wilisc*, впервые фиксируются только в за-

конах Инэ. Также, на наш взгляд, в этих законах недостаточно информации для того, чтобы четко разделить *esne* от *þeow* как наемного работника-должника от лично зависимого человека или назвать *lэта Halbfreie* подобно Ф. Либерману (Abt. 26).

Для кентского общества была характерна множественность терминов, обозначавших рабский труд; часто они отражали сферу занятости. В законодательных памятниках упоминаются мастера по металлу и златокузнецы (Abt. 7; 10–11); послы и другие представители местной администрации (Abt. 7; Нl. 16; 16, 2; Ine. 63); женщины – виночерпии (Abt. 14, 16), кормилицы, няньки и простые служанки (Abt. 10–11; 82–83; 85; Ine, 63); слуги – «нахлебники» (Abt. 25). Наличие слуги не было обязательным атрибутом привилегированного статуса: виночерпии были и у эрлов (родовой знати), и у общинников – кэрлов. В конце VII – начале X в. квалификация отдельных работников стала определяться социальным положением их хозяина: текст законов Альфреда–Инэ не всегда проясняет статус хозяина, однако у владельца собственного кузнеца и герефы (Ine. 63) он должен был приближаться скорее к положению знатного или короля (Нl. 16; 16, 2, Af. 1,3 и Ine. 73 – *супinges gerefа*), нежели к кэрлу.

Правовое положение зависимого населения Англии VII–VIII вв. было неоднозначным. С одной стороны, рабский труд (*þeow-*, *esneweorc*) считался не слишком престижным как для лично зависимого человека, так и для того, кто сохранял номинальную свободу (*freo-*, *frigman*). В древнейших правовых установлениях сохранялось сильное влияние патриархального рабства. Законы Этельберта приравнивали к рабам все категории слуг и зависимых людей (*mægð*, *byrele*, *esne*, *þeow*, *laet*), однако компенсация за слуг наивысшего ранга (королевских) обозначалась как *leodgeld* или *halsfange*, т.е. цена вергельда, в то время как «средний» вергельд за жизнь свободного составлял 100 шилл. (Abt. 21; 86–87; ср. Wi. 13–15). *Esne* могли состоять в законном браке (Abt. 85), а плата за соращение королевской служанки равнялась мундебурду «лучшей из вдов эрла» (Abt. 75). Кроме того, рабы могли вплоть до конца VII в. лично отвечать за ряд правонарушений (Abt. 89–90; Wi. 13, 15).

Уже в законах Хлотхере, Эадрика и Вихтрета статус зависимых людей значительно падает, что выражается в окончательном

возложении законодателем ответственности за преступления *esne* на их господ (Hl. 1–3). Если в древнейшей части TR ничего не говорилось о зависимом труде в земледелии, то уже к началу VIII в. натуральные повинности были жестко регламентированы (Ine. 59,1; 70,1). В отношении рабов, начиная с законов Этельберта, зафиксированы самые жестокие виды наказаний – убийство за совершенное деяние, бичевание и кастрация (например, Abt. 64; Af. 25,1). Однако в отношении применения альфредовского установления возникают обоснованные сомнения: в рукописях E (Cambridge, Corpus Christi College 173) и B (Cambridge, Corpus Christi College 383) записано: «наказывается кастрацией», а в TR: «страдает его шкура, а по-другому, наказывается кастрацией». Таким образом, неясно, какая мера наказания казалась писцу XII в. более правильной в случае изнасилования рабом рабыни другого господина, а также понимал ли он разницу между двумя терминами (*hyd* и *eowend*).

Однако общественное бесправие рабов и зависимых не означало того, что господин имел полную власть над жизнью и судьбой своих людей. Королевская и церковная политика милосердия в отношении обездоленных уже в конце VII в. привела к определенному улучшению участи рабов. Если господин принуждал раба к труду в поле в «день господень», он наказывался серьезным штрафом (при Вихтрере – 80 шилл., при Инэ – 30 шилл. при условии последующего освобождения раба, Wi. 9; Ine. 3). Церковь добилась применения бичевания как позорной кары также против тех людей, которые обвинили *esne* прихода или епископа в каком-либо правонарушении; та же процедура соблюдалась при обвинении королевского *esne* (Wi. 22–23). Вихтрер санкционировал отпуск рабов на волю перед алтарем. Однако освобождение было неполным: господин сохранял мундебурд и контроль над местом поселения *folcsfrý* (либертина), а также получал его вергельд в случае совершения преступления (Wi. 8). При короле Альфреде под влиянием церкви законодательно был рекомендован отпуск на волю «любимых» рабов в четыре среды года (*Ember days*) (Af. 43).

Даже тех людей (как валлийцев, так и англо-саксов), которые находились в полной зависимости, можно было обвинить только при наличии определенного достатка на стороне заявителя, кото-

рым он мог поклясться в качестве доказательства вины рабов (Ine. 54,2). По сравнению с древнейшим списком (E), в редакции TR изменяются сами источники пополнения рабской прослойки: для начала VIII – начала IX в. характерно появление альтернативы бичеванию – *hydgylde[s]*, т.е. «платы (за нарушение вместо) бичевания» (Ine. 3,1); а в качестве альтернативы порабощению свободного указан штраф в 60 шилл., сопровождаемый пояснением: «А священник будет дважды повинен [в уплате штрафа]» (Ine. 3,2). Те же установления встречаем и в рукописи В.

Таким образом, в эволюции положения зависимых людей данного периода можно выделить три основные линии: 1) сохранение на протяжении VII–X вв. приблизительной эквивалентности категорий зависимости при наличии вариаций в их написании, что обусловлено орфографией TR; 2) постепенное исчезновение пережитков патриархального рабства и остаточных прав, одновременное расширение наказаний в отношении неимущих свободных, связанных с порабощением; 3) проведение королевской и церковной политики милосердия, расширение возможностей откупиться от порабощения и освобождения от личной зависимости.

Источники и литература

Шервуд Е.А. От англосаксов к англичанам (К проблеме формирования английского народа). М., 1988.

Ker N.R. Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon. Oxford, 1957.

Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Tübingen, 1903. Bd. 1.

Oliver L. The Beginnings of English Law. Toronto etc., 2002.

Wormald P. The Making of English Law. King Alfred to the XIIth century. Oxford, 1999. Vol. 1.

А.Ю. Золотарёв

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ РАБСТВА И ХАРАКТЕРЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОВ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Поскольку средние века устойчиво ассоциируются с феодальными формами эксплуатации, а раннее средневековье – еще и с пережитками родового строя в виде крестьянской общины и слоя

свободных мелких землевладельцев, рабство как важнейший экономический и социальный институт и культурный феномен, как правило, выпадает из поля зрения медиевистов – при том, что работ, посвященных рабству в раннем средневековье, не так уж мало (обзор см.: Золотарёв 2012. С. 6–7). Данная работа посвящена (в той мере, в какой это позволяет ее объем) раскрытию масштаба и характера эксплуатации рабов в одной из стран ранне-средневековой Европы – в Англии.

Вряд ли можно утверждать, что рабство в Англии сохранилось со времен римского владычества над Британией. В целом, археологические данные говорят не в пользу преемственности между виллами римского времени и англо-саксонскими *tun*'ами и *burh*'ами (The Oxford Handbook 2011. P. 538, 1010–1111). Оно выросло из патриархального рабства, свойственного всем варварским народам Европы, и развилось под влиянием весьма специфической ситуации, сложившейся в Северной Европе раннего средневековья, которая характеризовалась высокой интенсивностью работорговли, а также пиратства и грабежей, обеспечивавших ее функционирование.

Вероятно, захват пленных в ходе войн и пиратских набегов был главным источником рабов в раннесредневековой Европе. Как Англия повергалась атакам со стороны жаждавших захватить невольников соседей – викингов, ирландцев, шотландцев, валлийцев, – так и сами англо-саксы устраивали рейды в Уэльс (Holm 1986. P. 336–337; Pelteret 1995. P. 71–73; Wyatt 2009. P. 123–130), во владения викингов на острове (см., например: The Anglo-Saxon Chronicle 1998. P. 86, 94–97, s.a. 894, 909) и против своих же соплеменников, причем последнее имело место как в эпоху гептархии (Беда IV, 22), так и после образования единого Английского королевства. Захват и продажа соотечественников эрлом Годвином и его сыном Гарольдом в XI в. упоминаются в Англо-Саксонской хронике (The Anglo-Saxon Chronicle 1998. P. 158, 179). Там же описывается произведенное в 1065 г. норманнскими опустошение Нортгемптоншира, выразившееся в утоне скота и «многих сотен людей», «так что это графство и другие графства, что поблизости, захудали на много лет» (Ibid. P. 193).

Кроме того, ряды рабов пополнялись за счет естественного воспроизводства (рабам позволялось иметь имущество и семьи:

Золотарёв 2012. С. 4–5), порабощения за преступления (Ine 3.2; 7.1; II Ew. 6; VI As. 12.2; EGu. 4; 7.1; Grið 16. – Liebermann 1903. S. 90, 92, 144, 183, 130, 132, 471), порабощения за долги или из-за какой-либо нужды (об этом весьма ярко писал архиепископ Йоркский Вульфстан [ум. 1023] в «Проповеди Волка англам». – EHD-1. P. 856–858).

Живой товар реализовывался путем продажи «за море» «язычникам». Эта практика порицалась законодательством (Ine 11; V Atr. 2; VI Atr. 9; II Cn. 3. – Liebermann 1903. S. 94, 238, 250, 310) и иерархами церкви (Three lives 1984. P. 126; EHD-1. P. 856–858), но продолжала существовать. Вероятно, ирландцы были главными покупателями на невольничьем рынке в Бристоле (Three lives 1984. P. 126), а фризы (возможно, впоследствии франки и викинги) – в Лондоне (Беда IV, 22). Сами англо-саксы также занимались заморской работорговлей, о чем сохранилось недвусмысленное свидетельство документа «*Honorantiae civitatis Rariae*», относящегося, вероятно, ко времени правления Альфреда Великого (871–899), который регулировал взимание пошлин рабами с англо-саксонских купцов, когда те на пути в Италию миновали проходы в Альпах (текст источника был мне недоступен, поэтому сошлюсь на: Pelteret 1995. P. 74–76). В связи с этим следует вспомнить и о существовании в Риме еще в VI в. крупнейшего невольничьего рынка, на котором, по преданию, папа Григорий Великий впервые увидел англов (Беда II, 1). Разумеется, в Англии существовали и местные рынки, где покупали и продавали рабов для нужд самих англо-саксов. Правда, свидетельства она этот счет единичны (например, единственное упоминание о работорговле в Винчестере: *Miracula Sancti Swithuni* 1719. P. 334).

Возникает вопрос: в каком качестве англо-саксы использовали своих рабов? Во-первых, они были земледельцами. О тяжелом труде несвободного пахаря говорит аббат Эльфрик в своем «Диалоге о занятиях» (*Ælfric's colloquy* 1947. P. 20–21). В завещании одной знатной дамы по имени Этельгифу (ок. 990–1001 гг.) упомянуты несколько упряжек с людьми, которые после смерти хозяйки отходили новым владельцам (*Will of Æthelgifu*). Наконец, о рабах (*servi*), занятых на господской пашне, есть обильные сведения в Книге Страшного суда (Moore 1988. P. 191–220; Pelteret

1995. P. 194–195). Несмотря на то, что, согласно этому источнику, рабское население английских графств было относительно невелико, колеблясь в пределах 10–15% (за исключением некоторых аномальных случаев: например, Глостершир – 26% или Йоркшир – 0%), и далеко не все рабы были землепашцами, эти цифры позволяют говорить о том, что рабский труд не носил патриархального характера, а в ряде маноров (как, например, в принадлежавших епископу Вустерскому и монашеской общине при церкви св. Марии) был важной производительной силой, составляя 20,5% всего отраженного в переписи населения (Pelteret 1995. P. 221–225).

Во-вторых, рабы использовались и в более привычном для архаического общества качестве: они были пастухами, ремесленниками, мельниками, охотниками, а также составляли домашнюю челядь владельца, о чем говорят те же самые завешание Этельгифу («женщина-пекарь», а также еще три рабыни-певчие) и Книга Страшного суда (профессиональные занятия рабов там не обозначаются, но исходя из того, что их количество во многих случаях превышало то, которое могло быть занято на указанном там же числе упряжек волов, остаток должен был быть занят в животноводстве, ремесле и домашнем услужении; например, в хозяйстве Вустерского монастыря таких должно было быть 35 человек из 141 невольника обоих полов: Ibid. P. 223), а также один из самых ранних англо-саксонских источников – правда Этельберта (мукомольщица – Abt., 11, рабыня-виночерпий – Abt., 14; 16. – Liebermann 1903. S. 3–4). Завешание Этельгифу примечательно тем, что там упомянуты не только сельскохозяйственные работники, ремесленники и домашняя прислуга, но даже раб-свясщенник!

Наконец, рабыни, да и юноши-рабы тоже, подвергались сексуальной эксплуатации. Вульфстан Йоркский пишет об этом в таких словах: «Они складываются и приобретают женщину как общую вещь и совершают с ней отвратительный [грех] один после другого, как собаки, которых не заботит нечистота, а затем продают за деньги за пределы страны во власть врагам [эту] тварь Божью и свою собственную вещь, так задорого купленную» (EHD-1. P. 857). Ему вторит Уильям Мальмсберийский в житии другого Вульфстана, епископа Вустерского: «Видишь [их] и

вздыхаешь, глядя на ряды несчастных, связанных веревками молодых людей обоих полов, чьи прекрасная внешность и юная невинность могли бы вызвать сострадание у варваров, но [которых] ежедневно [заставляют заниматься] проституцией, ежедневно [выставляют] на продажу» (Three lives 1984. P. 126). О существовании рабынь-наложниц говорит одна из норм кодекса короля Кнута Великого, запрещающая подобную практику (II Сп. 54. – Liebermann 1903. S. 348).

Таким образом, рабство в раннесредневековой Англии было явлением не только экономического характера. С одной стороны, рабы были заняты в домениальном хозяйстве как земледельцы, пастухи, мельники и ремесленники, работая бок о бок со свободными различных категорий (бовариями, коттариями, вилланами, если пользоваться терминологией Книги Страшного суда), как в свое время римские рабы работали в латифундиях наряду с колонами. Отсюда следует, что англо-саксонский манор еще в XI в. сохранял многоукладный характер. Однако никаких данных, позволяющих говорить о какой-либо конкуренции между укладами, у нас нет. Представляется, что угроза насилия, с одной стороны, и перспектива заслужить свободу (а манумиссии были явлением нередким: Pelteret 1995. P. 103, 110–163) – с другой, заставляли рабов трудиться не менее эффективно, чем свободных. Да и по образу жизни рабы, имевшие возможность заводить семьи и какое-то имущество, не слишком от них отличались. Возможно, в итоге владельцам маноров стал безразличен рабский или нерабский статус работников, и рабы были постепенно записаны как принадлежащие к той или иной категории феодально зависимых, тем более, что после 1066 г. их господами стали выходцы с континента, где рабство к тому времени уже практически исчезло. Начало этой тенденции прослеживается уже в Книге Страшного суда (Ibid. P. 206–213).

С другой стороны, немало рабов и рабынь составляли домашнюю челядь, а также служили объектами сексуальной эксплуатации. Их существование вряд ли можно назвать фактором, влиявшим на производственные отношения, однако именно в качестве домашних слуг, наложниц и проституток рабы и рабыни были практически незаменимы. Невольники этих категорий не имели широких возможностей для естественного воспроизводства, их

количество пополнялось за счет набегов и работорговли. Причины ее развития и последующего упадка – предмет отдельного исследования. Традиционно ее активизацию связывают с существовавшей в исламских странах потребностью в рабах и рабынях (Ibid. P. 70–71; там же ссылки на ранее вышедшую литературу). В последние годы акцент делается на то, что захват рабов, особенно женщин, был неотъемлемой частью архаической воинской культуры, а обладание рабами – скорее вопросом социального престижа, чем экономической выгоды (Wyatt 2000. P. 335–336, 341–343). К сожалению, мы не можем привести в пользу первого даже иллюстративных примеров экспорта в Испанию или Африку рабов из Англии. Вторая точка зрения не освобождает от поиска ответа на вопрос, что послужило причиной изменений указанных установок и ценностей. Однако мы можем констатировать, что упадок работорговли, проявившийся, в частности в законодательном запрете на продажу рабов в 1102 г., совпадает по времени с исчезновением рабства в Англии. Можно предположить, что прекращение притока рабов положило конец существованию и этой формы их эксплуатации, а в итоге – и рабства вообще.

Литература

- Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов / Пер., вст. ст. и коммент. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001.
- Золотарёв А.Ю.* Правовой статус раба в раннесредневековой Англии // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер. 2012. Т. 12. Сер. История. Международные отношения. Вып. 3. С. 3–9.
- Ælfric's colloquy* / Ed. G.N. Garmonsway. 2nd ed. L., 1947.
- The Anglo-Saxon Chronicle* / Transl. M. Swanton. N.Y., 1998.
- EHD-1. – English historical documents. N.Y., 1968. Vol. 1: 500–1042 / Ed. D. Whitelock.
- Holm P.* The slave trade of Dublin, ninth to twelfth centuries // *Peritia*. 1986. Vol. 5. P. 317–345.
- Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Tübingen, 1903. Bd. 1.
- Miracula Sancti Swithuni* // *Acta Sanctorum*. Iulii. Antwerpen, 1719. T. 1.
- Moore J.S.* Domesday slavery // *Anglo-Norman studies*. Woodbridge, 1988. Vol. 11. P. 191–220.
- The Oxford handbook of Anglo-Saxon archaeology* / Ed. H. Hamerow, D.A. Hinton, S. Crawford. Oxford, 2011.
- Pelteret D.* Slavery in early medieval England. Woodbridge, 1995.
- Three lives of the last Englishmen* / Transl. and intr. by M. Swanton. N.Y., 1984.

- Will of Æthelgifu // Anglo-Saxon charters. An annotated list and bibliography / Ed. P.H. Sawyer (<<http://www.esawyer.org.uk/charter/1497.html>>).
- Wyatt D. The significance of slavery: alternative approaches to Anglo-Saxon slavery // Anglo-Norman studies. Woodbridge, 2000. Vol. 23. P. 327–347.
- Wyatt D. Slaves and warriors in medieval Britain and Ireland, 800–1200. Leiden, 2009.

Т.М. Калинина

ЕЩЕ РАЗ О СЛАВЯНСКОЙ ДАНИ ПО ИНФОРМАЦИИ ИБН РУСТЕ*

«Анонимная записка» о народах Восточной Европы» давно известна исследователям. Оригинал и имя автора не сохранились. В более или менее обширных цитатах она представлена у многих арабо-персидских авторов X–XVII вв. Полнее всего сводка передана в написанной по-арабски «Книге дорогих ценностей» персидского географа Ибн Русте (первая треть X в.) и в труде «Краса повествований» на персидском языке персидского же автора Гардизи (XI в.).

Особое внимание всегда привлекали рассказы о славянах и русах. Данные Ибн Русте о славянах, восходящие ко второй половине IX в. (Marquart 1903. S. 470–472; Lewicki 1977. S. 124–125, № 225, 226; Новосельцев 2000а. С. 401; Новосельцев 2000б. С. 302; Мишин 2002. С. 51, 57–58), часто использовались учеными.

В сведениях Ибн Русте о дани славян в рукописи стоит слово *йаджи'ухим* («прибывает к ним»). Издатель текста М. де Гье изменил одну букву: вместо *йаджи'ухим* поставил *йаджбихим* – «собирает с них налоги». Д.А. Хвольсон дал перевод «объезжает их». Последний вариант присутствует в книгах большинства ученых, хотя словари не дают такого значения.

Хвольсон 1869. С. 33–34: «Царь *объезжает* (выделено мной. – Т.К.) их ежегодно. Если у кого из них есть дочь, обязан он давать (царю) по одному из платьев ее в год. Таким же образом обязан давать ему в год по одежде из платьев сына его, если есть сын. У кого нет ни сына, ни дочери, тот обязан давать по платью в год от жены или служанки». Почти аналогичные переводы см: Гаркави 1870. С. 267; Новосельцев 2000б. С. 295; Древняя Русь 2009. С. 47.

Более точный перевод с конъектурой М. де Гье предпочли

другие исследователи.

Гараева 2006. С. 705: «Их царь *взимает с них подать* (выделено мной. – *Т.К.*) каждый год. Если у человека из них есть дочь, то [царь] берет из ее одежды [в подарок] себе раз в год. Если у него есть сын, то [царь] берет из его одежды [в подарок себе] еще раз в год. Если у него нет ни сына, ни дочери, то [царь] берет [в подарок себе] из одежды его жены или наложницы». См. также: Marquart 1903. S. 496; Lewicki 1977. S. 38. Позднее А.П. Новосельцев тоже предпочел значение «собирать подать, дань» (Новосельцев 2000а. С. 403).

Предметом дани служила, по Ибн Русте, одежда. Д.А. Хвольсон отмечал, что «подобного показания о налоге, состоящем из платья, сколько мне известно, нет в славянских источниках. Но известно, что славянские князья получали вместо подати – материи, так называемые “паволоки”. Это, может быть, и дало повод к показанию Ибн-Даста» (Хвольсон 1869. Примеч. 89). Относительно «паволок» Хвольсон, вероятно, все же ошибался: паволоки, т.е. шелковые ткани, были предметом роскоши и товаром в обмене с Византией (Арциховский 1951. С. 252), что едва ли могло касаться обыкновенных жителей. «Одежда», «платье» – это перевод арабского *хил’а*. Однако слово имеет значение не только «одежда», но и «подношение», «подарок», что уже было отмечено (Заходер 1967. С. 124; Новосельцев 2000а. С. 403).

Большинство исследователей как одного, так и другого перевода полагали, что имеется в виду не что иное, как полюдь, знакомое по описанию Константина Багрянородного, когда русы собирали дань с подвластных славян (видимо, по этой причине Д.А. Хвольсон и перевел «объезжает их», и это значение предпочли множество исследователей) (Хвольсон 1869. С. 34; Westberg 1899. P. 213; Рыбаков 1982. С. 277; Kmietowicz 1976. S. 184, № 48; Новосельцев 2000а. С. 403).

Однако перевод *без конъектуры* М. де Гье (т.е. с глаголом *йаджи’ухим*) фразы из книги Ибн Русте таков: «Их царь прибывает к ним каждый год. Если у человека из них есть дочь, то [царь] берет от нее подношение (возможно, одежду. – *Т.К.*) себе раз в год. Если у него есть сын, то [царь] берет от него подношение (возможно, одежду. – *Т.К.*) себе еще раз в год. Если у него нет ни сына, ни дочери, то [царь] берет подношение (возможно, одежду. – *Т.К.*) себе от его жены или наложницы» (*Kitab al-A‘lak an-nafisa*. P. 145).

А.П. Новосельцев провел параллели свидетельства Константина с данными Мутаххара ибн Тахира ал-Макдиси (60-е годы X в.) и Гардизи (XI в.) из фрагмента о неизвестно где находившемся острове русов.

Ал-Макдиси: «Граничит их (русов. – *Т.К.*) страна со страной славян, и они нападают на них (славян. – *Т.К.*), кормятся их состоянием и пленяют их» (*Le Livre de la Création* 1919. Р. 66; Древняя Русь 2009. С. 51). Перевод А.П. Новосельцева: «Страна их граничит со страной славян, и они нападают на последних, поедают (расхищают) их добро и захватывают их в плен» (Новосельцев 2000б. С. 304). Заметим, что упоминание стран славян и русов как пограничных в составе повествования об острове русов встречается только у этого автора (Древняя Русь 2009. С. 51, примеч. 15).

Гардизи: «Всегда 100–200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся» (Новосельцев 2000б. С. 305). Перевод В.В. Бартольда: «Они постоянно в числе 100 или 200 человек приходят в страну славян и силой отнимают у них полезные предметы, чтобы они находились у них [русов. – *В.Б.*]» (Бартольд 1973. С. 59). А.П. Новосельцев полагал, что отмеченные выше материалы говорят о полюдьё и относятся к эпохе более ранней, нежели рассказ Константина Багрянородного. Сведения же Ибн Русте о славянской дани, как писал Новосельцев, «самое раннее восточное известие, которое Б.А. Рыбаков справедливо связал с полюдьём: Рыбаков, 1982. С. 277» (Новосельцев 2000а. С. 403). Б.А. Рыбаков этот тезис подтвердил и позднее: «Полюдьё как объезд отдаленнейших славянских земель было известно восточным авторам задолго до появления норманнов на Руси. Его можно считать характерным для всего IX века (может быть, и для конца VIII века?) и для первой половины X века» (Рыбаков 2003. С. 40).

Во фрагменте об острове русов труда Ибн Русте: «Они [русы] нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. У них нет пашен и живут они лишь тем, что привозят из земли славян» (*Kitab al-A'lak an-nafisa* 1892. Р. 145; Древняя Русь 2009. С. 48; почти аналогичный перевод: Новосельцев 2000б. С. 303). В книге Гардизи тоже есть известие, что русы «постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабство, отвозят в Хазаран и Булгар и там продают. У них

нет посевов и пашен, а пользуются они обычно славянскими посевами» (Новосельцев 2000б. С. 305; В.В. Бартольд не переводил специально этот отрывок).

По моему мнению, сведения Ибн Русте, ал-Макдиси и Гардизи о нападениях русов на славян речь повествуют об обычных грабежах, здесь нет никаких намеков на добровольную дань, получаемую русами от славян, т.е. о полюдьё речь не идет.

Однако приведенные тексты Ибн Русте, ал-Макдиси и Гардизи относятся к сюжету *об острове русов*, а не о славянах; эти рассказы отчетливо разделены в «Анонимной записке».

Ибн Русте в том тексте, где находится фраза о дани, повествует о территории, городах, правителях, обычаях только славян. Исследователи относят эти данные к полянам, вятичам, белым хорватам (Хвольсон 1869. С. 145; Marquart 1903. S. 471; Рыбаков 1982. С. 274–278; Заходер 1967. С. 108; Новосельцев 2000б. С. 299; Мишин 2002. С. 60), хотя есть и иные точки зрения.

Информация Ибн Русте о дани не содержит сведений о полюдьё, которое собиралось бы русами со славян, он ничего не говорит об *объезде подвластной территории*. Речь идет о содержании только славянских владык (*малик-ов*), т.е. о виде полюдьё на собственной территории, не об отношениях чужеземных захватчиков и подвластного населения, а о налаживании социально-административных отношений внутри однородного племени или государственного образования.

Примечание

* Статья написана в рамках работы по проекту «Становление государственной инфраструктуры и идеологии в античном и средневековом мире (компаративное исследование)» по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Литература и источники

Арциховский А.В. Одежда // История культуры древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 1.

Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»>

Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с Научною целью». 1983–1984 гг. // Бартольд В.В. Соч. М., 1973. Т. 8.

Гараева Н.Г. Арабские географы и путешественники о Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен. В 7 т. Казань, 2006. Т. 2.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. 3: Восточные источники.

- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2.
- Мишин Д.Е.* Ас-Сакалиба (славяне) в исламском мире. М., 2002.
- Новосельцев А.П.* Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // ДГ, 1998: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. (а)
- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Там же. (б)
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Рыбаков Б.А.* Рождение Руси. М., 2003.
- Хвольсон 1869 – Известия о Хозарах, Бургасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста... по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон. СПб., 1869.
- Kitab al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1982.
- Kmietowicz F.* Tytuły władców Słowian w tzw. «Relacji Anonimowej», wschodnim źródle z końca IX wieku // Slavia Antiqua. Poznań, 1976. Т. 23.
- Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. Т. 2, cz. 2.
- Le Livre de la Création et de l'histoire de Motahhar b. Tahir el-Maqdisi attribué à Abou-Zéïd Ahmed b. Sahl el-Balkhi / Publié et traduit d'après le manuscrit de Constantinople par Cl. Huart. Paris, 1919. Т. 4.
- Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
- Westberg F.* Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St-Petersbourg. Saint-Pétersbourg, 1899. Т. 11, № 4.

С.М. Каштанов

ЗАГАДКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ (ТЕЗИСЫ)

1. По источникам XII–XIII вв. хорошо видно, что экономически наиболее развитым районом Древней Руси был Северо-Запад, и прежде всего его городские центры: Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк. Практически это территория, которая составила в середине IX в. Древнерусское государство. Вероятно, уже тогда земли словен, кривичей, чуди и веси, объединившихся в одно государство, существенно отличались от других древнерусских земель своим сравнительно высоким уровнем экономического развития, что объясняет, почему именно здесь произошел переход от родоплеменного строя к государственному.

2. Можно полагать, что в данном регионе активнее, чем где-либо, развивалась торговля и происходило накопление богатств в виде денег и другого движимого имущества. Накопление богатств способствовало ускоренному ходу классового образования. Между свободными усугубляется разделение на бедных и богатых, формируется прослойка купцов – «гостей». Вместе с тем в доваряжский, т.е. догосударственный, период «бояр» еще не было. Этот термин приходит, скорее всего, с варягами и употребляется для обозначения крупных ското- и рабовладельцев.

3. Рабы (холопы, челядь), напротив, существовали и при родоплеменном строе. Основным источником пополнения их рядов являлись, вероятно, военнопленные. Рабы употреблялись в сельском и домашнем хозяйстве, использовались для хлебопашества. Значительная часть их становилась объектом торговли. Летом русские работоторговцы вели по днепровскому пути караваны рабов для продажи их в Византии («путь из Варяг в Греки»).

4. Значительную роль в экономике Древней Руси играли смерды. Это были рабы, организованно посаженные на землю, вероятно, властями. Их задачей было заниматься хлебопашеством. Сведения о смердах содержатся в источниках, созданных после возникновения государства, – в «Русской Правде», летописях, грамотах. Смерд не был вольноотпущенником. Он являлся холопом, которого наделяли конем и правом обрабатывать землю, т.е. это был уже не раб, а прикрепленный к земле крестьянин, крепостной. Согласно «Русской Правде», его выморочное имущество («задница») шло князю. Тут мы находим полную аналогию с французскими сервами, на выморочное имущество которых распространялось право «мертвой руки» (*main morte* – отсюда определение этой категории людей как *мэнмортаблей*).

5. Интересно, что наследником имущества смерда «Русская Правда» признает не частного владельца, а князя, т.е. смерд рассматривается как княжеский, или государственный, крепостной. Такое же отношение к смердам было в Новгороде и Пскове. Они считались крепостными всего Новгорода или всего Пскова как их хозяина или сюзерена.

6. Раньше я полагал, что институт смердов – изобретение княжеской власти, которая в целях обеспечения хлебом правящей военной элиты создала такое сословие посаженных на землю хо-

лопов. В этом я видел начало развития феодального способа производства на Руси – возникновение государственного феодализма, при котором князь и его дружина – коллективный собственник отдаваемой смерду земли, а смерд – ее крепостной владелец.

7. Теперь я хотел бы высказать предположение о том, что сословие смердов могло образоваться еще в докняжеский период усиления местных вождей. Все племя становилось коллективным хозяином этих пашенных холопов. Коллективное право господствующего класса свободных рабовладельцев нашло логическое продолжение в отношении к смердам властей Новгорода и Пскова.

8. Таким образом, накануне образования государства обществу словен уже могло быть разделено на антагонистические классы свободных, рабов и крепостных.

9. Попытки найти истоки феодальных отношений в разложении земледельческой общины и выделении аллода не подкрепляются источниками – по крайней мере, касающимися Древней Руси. Попытки же увидеть явные признаки феодального способа производства в эксплуатации смердов вполне соответствуют той картине, которая воссоздается по источникам.

10. Мы приходим к заключению, что экономической подоплекой процесса образования Русского государства было сочетание и развитие трех способов производства – первобытно-племенного, рабовладельческого и феодального.

11. Современные российские историки часто пытаются вернуться к старому пониманию «феодализма» как определенного варианта сюзеренно-феодальных отношений. Однако они не предлагают нового термина для определения производственных отношений того типа, когда владелец и пользователь земли является фактически подданным земельного собственника (феодала) и вынужден платить ему ренту. Надо признать, что в науке термин «феодализм» употребляется в двух смыслах. Одни ученые усердно стараются выяснить, что же понималось в средневековых источниках под «феодализмом», и, естественно, находят ответ, который не соответствует принятому в науке пониманию «феодализма» как типа производственных отношений. Средневековое понимание «феодализма» при этом противопоставляется научному и признается единственно верным. Другое использование этого термина объявляется неправомерным. Совершается типичная логическая ошибка: подмена одного тезиса другим. Одни говорят о существо-

другие – о форме. Я не считаю плодотворным сводить содержание термина «феодализм» к его средневековой этимологии.

Е.Н. Кириллова

ТОРГОВЫЕ ПОШЛИНЫ В ПАРИЖЕ XIII в.

Один из самых известных источников по истории ремесла и торговли в средние века – парижская «Книга ремесел» – содержит массу сведений о торговых пошлинах, взимавшихся в Париже в XIII в. Тонлье, шосье, пеаж, аляж, шантеляж, конжье и другие пошлины сопровождали транзитную и розничную торговлю, перевозку товаров по реке и по суше, составляя довольно непростую систему. Сведения о разных пошлинах и повинностях содержатся преимущественно во второй части «Книги ремесел», в статутах о торговых пошлинах, которые, в отличие от «100» ремесленных и торговых уставов (первой части «Книги ремесел»), почти не пользовались вниманием исследователей. Статуты подробнейшим образом описывают размеры пошлин в разных ситуациях, разбирают поводы к уплате той или иной пошлины, исключения для разных категорий (или объемов) товаров или продавцов. «Книга ремесел» представляет «моментальный снимок» Парижа времен Людовика IX Святого и одновременно дает возможность изучать эволюцию «налоговой» системы: сочетание и соотношение пошлин, имевших натуральное и денежное выражение, возможности замены одной пошлины на другую, формирование представлений о традиционности разных пошлин (пошлины как «обычай») и о системе пошлин и повинностей в целом (обобщающие термины: *redevances, droitures, coustumes*).

Каждая из этих тем и многие из упомянутых в источнике пошлин заслуживают особого внимания, однако в данном случае можно обратиться к одной из особых пошлин – обану (*hauban/haultban*). Первоначально обан был натуральной повинностью и уплачивался вином, а при Филиппе II Августе был приравнен к сумме в 6 парижских су. Обан отменял многие другие повинности и потому считался привилегией. Право платить обан можно было купить или получить в дар у короля, но тот, кто не принадлежал к ремеслу, имевшему обан, не мог его платить и пользоваться привилегиями. Обан оказался выгоден для ремеслен-

ников и торговцев, поскольку избавил их от ряда других платежей королю. Одновременно он был выгоден для властей: в отличие от торговых пошлин, уплата которых определялась тем, как идет торговля – где, когда и в каком объеме товар привозится и выставляется на продажу, – обан не зависел от рыночной конъюнктуры, от торговли вообще, он уплачивался в строго определенном срок и в установленном, а потому – известном заранее размере. Обан представлял собой гарантированный доход королевской казны, при этом он выглядел как особая привилегия для особых профессий, добавлял им престижности и в целом выступал ярким примером удачного и взаимовыгодного компромисса между интересами власти и интересами ремесленно-торговой среды.

Литература

Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетии. Казань, 1911.

Кириллова Е.Н. «Книга ремесел» Этьена Буало: аутентичный текст или логика издателей // СВ. 2006. Вып. 67.

Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. Л.И. Киселёвой; под ред. А.Д. Люблинской // СВ. 1957. Вып. 9; 1958. Вып. 10.

Le Goff J. Saint Louis. P., 1998 (рус. пер: *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001).

Le Livre des métiers / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. P., 1879.

Règlements sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIIIe siècle et connus sous le nom du Livre des métiers d'Étienne Boileau / Publ. par G.-B. Depping. P., 1837.

С.Г. Кляшторный

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ЕЕ СВЯЗЬ С ИМУЩЕСТВЕННЫМ СТАТУСОМ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПЛЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МОНГОЛИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ)

Становление государственности на территории Центральной Азии в раннем средневековье связано с образованием Тюркского каганата (551–744), традиции которого были унаследованы Уй-

гурским каганатом (745–840). Ни в этнокультурном, ни в социально-экономическом отношении не отличалось от них Кыргызское государство на Верхнем Енисее, на короткий срок ставшее гегемоном Центральной Азии (середина IX в.). Единство общественного устройства, этнокультурное родство и сходство политической организации всех трех государств позволяет рассматривать время их существования и преобладания в Центральной Азии как относительно цельный историко-культурный период.

Определения социальной природы древнетюркских государств, обладавших одинаковыми общественными институтами, до сих пор весьма разноречивы. Их определяют как военные демократии, как родо-племенные государства, как военнорабовладельческие империи, как феодальные или патриархально-феодальные государственные образования. Общеизвестная скудость источников побуждает многих исследователей руководствоваться скорее генерализованными представлениями, чем результатами анализа немногочисленных и не всегда ясных свидетельств.

Особое значение для выявления социальных связей и зависимостей имеют памятники, созданные в древнетюркской среде. В 582 г., в год Зайца по степному календарю, среди громадных курганов скифских царей, что в Оленьем урочище на р. Баин-цаган в центре Хангайской горной страны, над погребением тюркского кагана Таспара была воздвигнута стела с согдийской надписью о деяниях первых тюркских каганов, распространивших свою власть от Желтой реки до Боспора Киммерийского. Именно с этой стелы, получившей название Бугутской, начинается отсчет древнетюркских памятников на согдийском и тюркском языках. Полтысячелетия воздвигались на погребальных курганах высшей знати тюрков, уйгуров и кыргызов каменные стелы с надписями, где апология усопших вождей соседствовала с царским хроником и актуальной декларацией, а дидактика окрашивалась политическими эмоциями. Заупокойные эпитафии становились средством монументальной пропаганды. Они отражали, формулировали и формировали видение и картину мира, отстаивали и навязывали жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели.

Через несколько столетий в столице Караханидской державы, уже включившейся в систему стран мусульманской культуры, но

еще сохранившей архаичные институты древнетюркского времени, была написана дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Ее автор, государственный деятель и политический теоретик, хасхаджиб Юсуф Баласагунский, обрисовал идеальные формы общественного и политического устройства, во многом коррелирующие с социальными реалиями, запечатленными руническими текстами. Общество, конструируемое Юсуфом, строго иерархично. Личность в нем, полностью лишенная индивидуальности, выступает только как воплощение сословных черт, ее поведение запрограммировано и определено исключительно сословными функциями. Все, что делает или может сделать человек в мире, воспетом Юсуфом, сводится к двум категориям – должного и недолжного. Конечно же, должное и недолжное совершенно различны для людей из разных сословий и покушение на сословные разграничения считаются абсолютным злом, нарушением божественной воли и заветов предков. Вряд ли какой-либо из памятников тюркского средневековья столь же полно отражает образ мышления караханидской аристократии. И ни один из памятников средневековья не перекликается столь же живо с древнейшими тюркскими текстами – камнеписными памятниками Центральной Азии. И здесь, и там на первом плане политическая доктрина, отражающая взгляд на мир тюркской военно-племенной знати, для которой абсолютным императивом было стремление к подчинению иноплеменников и господству над ними.

Те же мотивы звучат в декларациях тюркских каганов и полководцев VIII в., запечатленных орхонскими стелами в Монголии и таласскими эпитафиями на Тянь-Шане. «Я постоянно ходил походами на ближних и на дальних!» – повествует эпитафия Бегчора, одного из таласских князей 30-х годов VIII в.

Структура древнетюркской общины веками складывалась и приспособлялась к целям и задачам военного быта. Тюркский племенной союз (*тюрк кара камаг бодун*), состоявший из племен (*бод*) и родов (*огуш*), был политически организован в имперскую структуру (*эль*). Родо-племенная организация – бодун, и военно-административная – эль взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. Хан, по формуле одной из енисейских надписей, «держал эль и возглавлял бодун».

Он осуществлял функции главы управления внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен, выступая там в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Возглавляя же военнополитическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял также функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате даней и податей. Поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их экономических и военных ресурсов – таковы функции древнетюркского эля, который возглавлялся каганом, в свою очередь опиравшимся на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служилое сословие», т.е. военно-административное руководство и личное окружение кагана.

Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («слушайте хорошенько эту мою речь!») – требует Бильге-каган), тюркские каганы и их приближенные выделяют среди «внимающих» им два сословия – знать и народ. В Бугутской надписи эти два сословия именуются *курканыны*, т.е. «обладающие саном», и «сородичи и народ», стоящие ниже их. В надписях второго Тюркского каганата имеется равноценный стереотип обращения – беги и народ (*тюрк беглер бодун* – «тюркские беги и народ»). Беги и «простой народ» фигурируют в памятниках енисейских кыргызов. Наиболее резкое противопоставление знати и народа содержится в терминологии древне-уйгурских рунических памятников середины VIII в.: *атлыг* «именитые» и *игиль кара бодун* «простой народ».

Высшим сословием древнетюркской общины были беги, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, в государстве уйгуров – род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархическое положение которых было общеизвестно и общепризнано, они составляли верхушку своих общин, особое, наиболее привилегированное сословие.

Положение знатных родов зиждилось как на праве руково-

дства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу – тюркскую, уйгурскую, кыргызскую – связывали идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоеванные земли, на долю в доходах от военной добычи, эксплуатации побежденных и покоренных племен. Во всех надписях тюркских каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каганы с помощью своих родичей и свойственников способны «вскормить народ».

Единство внутри общины, которого требуют каганы, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятие такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно, и богатство, добываемое путем внеэкономического принуждения, войной и угрозой войны, принадлежали бы аристократам по крови, выделявшим остальной общине установленную традицией долю добычи и дани. Свое социальное и правовое проявление единство общины находило в применении ко всем ее членам единого наименования *эр* («муж-воин»).

Получив «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывавшие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата; однако во всех случаях он оставался прежде всего эром – «мужем-воином», т.е. полноправным членом тюркской общины.

Вместе с тем тюркский эль, как и любое из племен, входивших в него, был детально ранжированным сообществом, где положение каждого эра определялось прежде всего степенью привилегированности его рода и племени. Строгая иерархия родов и племен была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства.

Для положения и престижа эра немалое значение имело его богатство, благосостояние его семьи. Понятие собственности в отношении движимого имущества, включая юрты (*эв*) и постройки (*барк*), но прежде всего собственности на скот, проявляется в орхоно-енисейских надписях со всей определенностью. Имущее

ственная дифференциация внутри тюркских племен, как и у других кочевников Центральной Азии, была весьма значительной. Богатство становилось предметом гордости и похвалы тюркской аристократии. Особенно яркие имущественные характеристики содержат кыргызские надписи. «Я был богат. У меня было десять загонов для скота. Табунов у меня было бесчисленное [множество]!», – этими словами эпитафии определен социальный вес в мире Кутлуг бага-таркана, знатного кыргызского бега, жившего в Северной Монголии во второй половине IX в. Другой кыргызский бег упоминает о шести тысячах своих коней. Если взять соотношения между количеством лошадей и другого скота, которым обычно владели беги, то легко подсчитать, что кыргызский бег имел более 20 тыс. голов скота. В других надписях упоминаются также верблюды и разный скот «в бесчисленном количестве». Счастье, которое просит человек у божества, оно дарует ему обычным благопожеланием – «да будет у тебя скот в твоих загонах!».

Богатым (*бай, байбар*) противопоставлены в надписях бедняки, неимущие (*чыгай, байсыз*). Для автора Кошоцайдамских надписей бедный люд, «не имеющий пищи внутри, не имеющий платья снаружи», – «жалкий, ничтожный, низкий народ». Бедность не вызывала сочувствия, более того, была презираема. Настоящий «муж-воин» оружием добывает себе богатство: «В мои пятнадцать лет я пошел [походом] на китайского хана. Благодаря своему мужеству... я добыл [себе] в [китайском] государстве золото, серебро, одnogорбых верблюдов, людей (вар.: жен)».

Малоимущие эры неизбежно попадали в личную зависимость от бегов. Именно о них пишет Махмуд Кашгарский: «Эр стал на колени перед бегом». Только у знатных и богатых бегов они могли получить в пользование скот за отработку и службу или стать пастухами громадных табунов и стад своих богатых сородичей. Из обедневших эров формировались постоянная дружина бега и его челядь, ходившие с ним в набеги и походы, защищавшие его стада и имущество, прислуживавшие бегу в повседневном быту. Махмуд Кашгарский называет каждого из них *кулсыг эр* («эр, подобный рабу»).

Содержать большое количество зависимых сородичей могли только богатые беги. В свою очередь, от числа дружинников и

челяди зависела способность бега приобрести и сохранить богатство, престиж и положение. Махмуд Кашгарский приводит поговорку-двустишие, бытовавшее в древнетюркской среде:

У кого приумножается имущество, тому и подобает быть бегом.
Оставшись без богатства, бег страдает из-за отсутствия эров.

Бег не может сохранить свой престиж без зависимых от него эров. Лишившийся скота и обедневший эр не может прожить без материальной помощи и защиты бега. Но даже самый бедный из эров, не брезгающий подаванием, сохранял известную независимость и свободу по отношению к бегу-сородичу. И какими бы противоречиями ни характеризовались отношения между бедными и богатыми, между бегами и «простым человеком», бодун в целом противостоял другой группе населения, входившей в древнетюркский эль, – полностью зависимым от эров невольникам, которые, даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины. Именно невольники были бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

В.П. Коваленко

«СЕВЕРСКИЙ» УЧАСТОК ПУТИ «БОЛЬШОГО ПОЛЮДЬЯ»

Роль и значение полюдя, описанного в отечественных письменных источниках, в сочинении византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» и у ряда арабских авторов, много раз анализировались историками. Едва ли не наиболее детально эти известия рассмотрел Б.А. Рыбаков (1982. С. 318–336). Изучив ставший уже хрестоматийным отрывок из трактата Константина, Рыбаков попытался реконструировать сам путь «большого полюдя» на всем его протяжении, с определением конкретных остановок-становищ на нем. Однако без учета новых археологических материалов и конкретной исторической ситуации на различных участках пути ученому, естественно, не удалось избежать некоторых ошибок, что позволяет нам заново вернуться к этому вопросу.

Для детального анализа пути «большого поллюдья» остановимся на его черниговском, или, точнее, на его «Северском» участке.

Итак, напомним еще раз фрагмент из трактата Константина Багрянородного: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно – в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию» (Константин Багрянородный 1991. С. 51). Количество участников полюдья Гардизи определяет в 100–200 русов (Новосельцев и др. 1965. С. 400); Б.А. Рыбаков добавляет, что «вместе с дружиной должны были ехать в полюдые конюхи, ездовые с обозом, различные слуги, “кормильцы”-кашевары, “ремесвенники”, чинившие седла и сбрую, и т.п.». По его мнению, «полюдые состояло из нескольких сотен дружинников и “надежных людей”» (Рыбаков 1982. С. 321–331).

Судя по составу погребального инвентаря Гнёздовского, Гущинского, Седневского и других дружинных некрополей, состав «надежных людей» следует значительно сократить: многие из перечисленных Б.А. Рыбаковым функций «русы» выполняли своими силами, а в одном из погребений Шестовицкого могильника (№ 36 по Д.И. Блифельду, или курган II 1925 г. по классификации П.И. Смоличева) найден, кроме стандартного комплекта вооружения, едва ли не полный набор кузнечно-слесарных инструментов: железные кресало и кремь, достаточно большой (длина 22 см) шиферный точильный брусок, железные тесло, небольшие по размеру кузнечные клещи (29 см) и наковаленка, шило, двусторонний молоточек, медорезка (?), лопатка (для чистки котлов и сковород?), 3 округлые весовые гирьки (Блифельд 1977. С. 129–131). Тем не менее в полюдые вместе с князем шли полторы–две–три сотни людей, которые должны были быть на несколько суток размещены в приспособленных для жизни в зимнее время помещениях, которые, следуя терминологии «Повести временных лет», принято именовать «становищами».

С точки зрения археологии представить себе модель становища можно в качестве достаточно крупного городища, способного вместить 100–300 человек с обозом (даже учитывая, что часть собранных в полюдь продуктов транспортировали в Киев жители самих «славиний», а часть складировали в становище до весны, когда их сплавливали на «моноксилах» до Киева). Городище было хорошо укреплено и имело небольшой, но профессиональный гарнизон (скорее всего, многонациональный, т.к. вряд ли было реально обеспечить все становища варяжскими гарнизонами). На городище имелись встроенные в стены жилища-казармы для прибывавшей дружины, жилище для князя или его представителя – предводителя дружины; свободный от строений центр городища был предназначен для размещения лошадей и обоза. Подобные укрепленные становища известны на территории Южной Руси – в Листвене, Оргоще и Гушине на Белоусе, Звеничеве – в проходе между Южным и Северным Замглаем и др. На ранних этапах окняжения племенных территорий роль становищ могли, по мнению А.П. Моци, исполнять «старые племенные центры разной степени значимости» (Моця 2003. С. 199), однако, по нашему мнению, после известных событий 945 г. в земле древлян, княгиня Ольга, в ходе своих реформ, предприняла попытку прекратить подобную практику, начав ставить по маршруту полюдя становища и погосты.

Анализируя маршрут полюдя по землям разных «славиний», Б.А. Рыбаков предпринял попытку восстановить конкретные населенные пункты, в которых, по его мнению, останавливался княжеский эскорт для сбора дани, свершения правосудия, выполнения определенных ритуальных магических действий и т.п. Среди таких пунктов в Подесенье Б.А. Рыбаков называет Вщиж, Дебрянск, Трубчевск, Новгород-Северский, Радогощ, Хоробор, Сосницу, Блестовит, Сновск, Чернигов, Моровийск, Вышгород. Оставим в стороне вопрос о правомочности включения в состав подлежащих объезду в ходе полюдя земель северян Верхнего и Среднего Подесенья (до Снова): как неоднократно отмечалось, до походов Святослава и Владимира вхождение этих территорий в состав подлежащих юрисдикции киевских князей владений – вопрос дискуссионный. Тем более, что часть из перечисленных выше городов на момент описываемых событий либо вообще не

существовала, либо стояла неподалеку от летописных центров (что, впрочем, в данном случае несущественно).

Итак, в зоне безусловной юрисдикции Киева на середину X в. на очерченной территории мы видим лишь Сновск, Чернигов, Моровийск и Вышгород. Последний как пункт сбора «моноксидов» сомнению не подлежит: он непосредственно упомянут Константином Багрянородным. Сновск расположен в 14 км от Десны, но в свете изложенных выше соображений вполне вписывается в схему полюдя, хоть это и достаточно существенно изменяет его маршрут. Гораздо сложнее ситуация с Черниговом. Как неоднократно отмечалось, на протяжении практически всего раннесредневекового периода Чернигов и его население демонстрируют ничем не прикрытую оппозицию Киеву, что вполне объяснимо коренным перераспределением доходов от восточной торговли после включения города в орбиту влияния киевских князей. Не зря в это время в городе фиксируется такая концентрация дружинных погребений. В этих условиях представляется маловероятным использование Чернигова как пункта концентрации собранной со всей округи дани. Гораздо более реальным кажется использование с этой целью Шестовицкого комплекса, расположенного в 2-х часах езды от Чернигова, но лишенного многочисленной туземной элиты. Кроме того, выгодное расположение в точке максимального сближения водного и сухопутного путей, близость к истокам р. Белоус, на берегах которой находились городища летописных Листвена, Оргоща и не упомянутого в летописях Гущина (но имевшего достаточно сильный дружинный гарнизон), принадлежность которых к категории княжеских становищ сомнений практически не вызывает, значительно увеличивает шансы Шестовицы считаться узловым пунктом полюдя в Нижнем Подесенье.

Вопрос об участии в указанных мероприятиях Моровийска подлежит дополнительному изучению. С одной стороны, наличие в культурном слое Моровийска археологических материалов X в. вроде бы вполне подтверждается материалами разведочных исследований; с другой – данные о наличии в округе города курганов с трупосожжениями на месте, судя по последним изысканиям, не вполне надежны. По нашему мнению, на роль «узлового» центра концентрации даней из региона Понизья Десны более все-

го подходит городище у с. Выползов, расположенное практически напротив летописного Городца Остерского, находящегося в устье р. Остер и датируемого, судя по данным новейших исследований, временем с конца IX в. (Коваленко, Скороход 2009. С. 66–81).

Таким образом, проблема реконструкции маршрута «большого полюдья» X в., равно как и границ юрисдикции киевских князей этого времени, несомненно, нуждается еще в дополнительном рассмотрении.

Литература

- Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1991.
- Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- Коваленко В.П., Скороход В.М.* Виповзів – дружинний табір у Нижньому Понесенні // Вісник Чернігівського держ. пед. ун-ту ім. Т.Г. Шевченка. Серія: Історичні науки. Чернігів, 2009. Вип. 73, № 6. С. 66–81.
- Моця О.П.* Погости в системі давньоруських населених пунктів // Археологічні студії. Київ; Чернівці, 2003. Вип. 2.
- Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

И.А. Копылов

PAX WANDALICA MARITIMA – ВАНДАЛЬСКАЯ МОРСКАЯ ЭКСПАНСИЯ И КОНТРОЛЬ ТОВАРООБОРОТА В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Задолго до того, когда, благодаря выступлению епископа Григория из Блуа во французском Конвенте, понятие «вандализм» прочно вошло в употребление и стало синонимом бездумного разрушения культурных ценностей, вандалы стали объектом формирования других исторических мифов. Один из них, получивший распространение в германской эпической поэзии средне-

вековья, ассоциировал вандалов с морскими властителями, благодаря которым Средиземное море получило наименование «вандальского» (Wentilseo в «Песни о Хильдебранде»). У этого исторического мифа было вполне реальное основание: вандалы были единственным германским народом IV–V вв., который смог не только обзавестись собственным флотом задолго до викингов, но и поставить под свой контроль торговые пути, по крайней мере в западной части Средиземноморья. Экономические аспекты вандалской экспансии ввиду скудости источников и неоднозначности интерпретации содержащихся в них данных изучены недостаточно. При изучении данного вопроса представляется насущно необходимым всестороннее привлечение не только данных письменных источников (исторической традиции, юридических памятников, данных эпиграфики), но и материалов археологических раскопок прибрежных городов Западного Средиземноморья.

Захват вандалами портов и гаваней в крупных городах – Русикады, Гиппон-Регий, Гиппон-Диарит, Табрака и Гадрумет – знаменовало собой начало установления контроля со стороны вандалов над товарооборотом в Западном Средиземноморье. Более того, на основании косвенных данных мы можем заключить, что вандалы не просто ограничились захватом торгового флота, пришвартованного в занятых портовых городах Проконсульской Африки и Нумидии, но и впоследствии сделали кораблестроение одной из основных отраслей экономики королевства. Виктор Витенский повествует об ортодоксальных епископах Африки, которые, будучи сосланными на Корсику, отбывали трудовую повинность на лесоповале, распиливая бревна и брусья для строительства кораблей, находившихся в ведении самого короля (*naves dominicae*. – Vict. Vit. III.20; см. также: Zucca 1996. P. 169).

Уже вскоре после подписания договора в Гиппоне-Регии в 435 г., подтверждавшего статус вандалов как федератов, Гейзерих начинает совершать регулярные пиратские рейды на сицилийские города. Приблизительную дату позволяет уточнить новелла Валентиниана III (Nov. Valent. IX), датированная июнем 440 г., в которой говорится о возмещении ущерба, нанесенного вандалским флотом. По мнению некоторых исследователей (например: Giunta 1956. P. 122–123), здесь имеются в виду последствия вандалской морской экспедиции, предпринятой в 438 г., т.е.

еще за год до утверждения Гейзериха в Карфагене в качестве полновластного правителя. Как показывают данные хронистов V в. Идация (Hyd. Chron. 120) и Проспера Аквитанского (Prosp. Chron. 1330, 1032), вандалские набеги отличались основательностью и систематичностью. Гейзерих подвергал долгой морской осаде два основных сицилийских порта – Панорм (Gaisericus Siciliam depraedatus Panormum *diu* obsedit) и Лилибей. Ф. Джунта полагал, что эти рейды носили отнюдь не только грабительский характер. По мнению исследователя, конечная цель Гейзериха заключалась в стремлении взять под собственный контроль морские торговые пути, связывавшие италийские города (в том числе и Рим) с портами Проконсульской Африки, Нумидии и Бизацены (Giunta 1956. Р. 112). Именно по этим путям из Африки – житницы Рима – доставлялся в Италию хлеб, и любые затруднения, связанные с морской транспортировкой зерна, могли привести к перебоям с хлебом как в Риме, так и в других городах Италии. Панорм и Лилибей в этой торговой цепочке служили своего рода и опорными пунктами, и перевалочными базами, и поэтому осуществление контроля над ними, по всей видимости, было одной из первоочередных стратегических задач вандалского короля; подобные меры обеспечили бы быстрый приток ресурсов в экономику возникшего в 439 г. государства вандалов и аланов.

Однако эта экспансионистская политика рано или поздно не могла не быть стеснена довольно жесткими законодательными рамками. В 442 г. между Гейзерихом и представителями императора Валентиниана III был заключен мирный договор «на том условии, что каждый год будет посылать василевсу дань с Ливии, а одного из своих сыновей, Гонориха (Хунериха. – И.К.), отдал в качестве заложника за выполнение договора» (Proc. B.V. I. IV. 14, пер. А.А. Чекаловой). В этом договоре Гейзерих, хотя и признается подлинным «королем вандалов и аланов», тем не менее предстает как типичный правитель «клиентского государства» (в терминологии Д. Браунда), находящегося в подчиненном положении по отношению к Риму. Представляется интересной гипотеза, согласно которой употребляемый Прокопием термин *δασμός*, переведенный А.А. Чекаловой как «дань», не обозначает некий поземельный налог, как полагал в свое время Л. Шмидт (Schmidt 1942. S. 65). Вполне вероятно, что это понятие характе-

ризует обязательство со стороны Гейзериха своевременно экспортировать зерно в Рим, сохраняя, таким образом, положение Африки как «житницы» некогда единой империи (Hannestad 1962. Р. 100).

После похода Гейзериха на Рим в 455 г. экспансионистская политика вандалов в Средиземноморье существенным образом расширилась. Как сообщает Прокопий, Гейзерих «каждый год с наступлением весны совершал вторжение в Сицилию и в Италию и там одни города поработил, другие разрушил до основания и разграбил все; когда же страна оказалась лишенной людей и ценностей, он стал совершать набеги на области Восточного царства. Он подверг разграблению Иллирию, большую часть Пелопоннеса и остальной Греции, а также прилегающие к ней острова. Затем он вновь возвращался в Сицилию и Италию, разорял и грабил одну область за другой» (Proc. B.V. I. 5. 22–23; пер. А.А. Чекаловой). На первый взгляд, эти неоднократные нападения производят впечатление бессистемных грабежей и актов бесчеловечного разбоя, однако обращает на себя внимание тот факт, что эти набеги производились с определенной регулярностью, причем Сицилия всякий раз оказывалась объектом грабежей и разорения, когда Гейзерих возвращался после своих походов на Пелопоннес и материковую Грецию. Особое стратегическое положение Сицилии в данном случае не вызывает сомнений, но, если перед нами обычные грабежи, то вызывает удивление, почему Гейзерих производил свои рейды весной, а не осенью, во время сбора урожая (хотя, с другой стороны, весной меньше риска попасть в шторм и пострадать от кораблекрушения). С определенной степенью вероятности можно предположить, что нападения Гейзериха имели целью воспрепятствовать нормальному ходу земледельческих работ, а также реквизировать резервные запасы продовольствия, чтобы не только сохранить жесткий контроль над сицилийскими городами как опорными пунктами в транспортировке товаров, но не допустить возможности использования земледельческих ресурсов Сицилии римскими войсками в случае возможной войны против вандалов (в таком случае единственным плацдармом для нападения на Африку была бы Сицилия). Как мы видим, опасения Гейзериха в данном случае вряд ли были беспочвенны, на что указывают периодические военные экспеди-

ции против вандалов, предпринимавшиеся как восточными, так и западными римскими императорами, что видно на примере военных кампаний Льва и Майориана (Proc. B.V. I. VI, VII. 4–14). В этом смысле очень важным представляется замечание Ф. Джунты, считавшего, что мероприятия Гейзериха были не завоевательными, но оборонительными (Giunta 1956. P. 112). Что касается фактической блокады Италии, а также повторявшихся набегов на Иллирию, Пелопоннес и греческие острова, также служившие связующим звеном в торговых путях, то в данном случае, по всей видимости, перед Гейзерихом стояла задача по возможности отрезать данные регионы от средиземноморской торговли. Надо учесть, что в это время средиземноморский рынок был фактически наводнен африканскими товарами; в частности, в области экспорта керамической тары Африка на некоторое время вообще заняла лидирующее положение (Tortorella 1998). Таким образом, Гейзериху удалось не только взять под свой контроль основные опорные пункты средиземноморской торговли, но и создать основу для относительного экономического благоприятствования собственного государства, несмотря на непрочность собственной власти, рыхлость и аморфность созданной им государственной структуры и военную угрозу извне (Копылов 2006. С. 18–20).

Источники и литература

- Копылов И.А.* Церковь в системе организации власти и общества в Вандальской Африке (V–VI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Giunta F.* Genserico e la Sicilia // Kokalos. 1956. T. 2. P. 104–141.
- Hannestad K.* L'évolution des ressources agricoles de l'Italie du 4e au 6e siècles de notre ère. København, 1962.
- Hyd. Chron* – Hydatii Lemici Chronicon // MGH AA. T. 11.
- Modéran Y.* L'établissement territorial des Vandales en Afrique // L'Antiquité Tardive. 2002. T. 10. P. 87–122.
- Nov. Valent.* – Novellae Valentiniani III et Severi Imperatorum. Lipsiae, 1850.
- Proc. B.V.* – Procopii Caesariensis De Bello Vandalico // Procopii Caesariensis Opera Omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962–1963.
- Prosp. Chron.* – Prosperi Tironis Epitoma Chronicon // MGH AA. T. 9. P. 341–499.
- Schmidt L.* Geschichte der Wandalen. München, 1942.
- Tortorella S.* La sigillata africana in Italia nel VI e nel VII secoli d. C.: problemi di cronologia e distribuzione // La ceramica in Italia: VI–VII secolo. Firenze, 1998. P. 41–69.

А.В. Короленков

ПОМПЕЙ СТРАБОН И ЕГО БОГАТСТВА

Наверное, не будет преувеличением сказать, что без успехов Помпея Страбона не состоялась бы карьера его сына, прозванного с легкой руки Суллы Великим (см.: Seager 2002. P. 23). Очевидно, что он располагал немалыми финансовыми ресурсами, однако сведений о них очень мало. Как известно, еще до войны Помпей имел большие земельные владения в Пицене (Plut. Pomp. 6.1). И хотя о размере доходов с них сведений у нас нет, можно предполагать, что они были достаточно большими. Несомненно, состояние полководца увеличилось благодаря военной добыче, захваченной у повстанцев в ходе Союзнической войны. После взятия Аскула Помпей справил триумф (единственный у римлян за всю войну), однако, как сообщает Орозий, ничего не внес в казну (Oros. V. 18. 26). Нарушением закона это не являлось, поскольку вопрос о добыче (*praeda*) и доходов от нее (*manubiae*) регулировался обычаем, в соответствии с которым, естественно, немалую ее часть следовало отдать в эрарий и/или потратить на раздачи и строительство и украшение храмов (Mommsen 1887. P. 232, no. 5); да и значимость триумфа зависела во многом от того, какая сумма будет внесена полководцем в эрарий (см.: Liv. X. 46. 6). Однако Помпея Страбона интересовали явно не вопросы престижа. Все это происходило в условиях самого страшного после Второй Пунической войны финансового кризиса (Crawford 1974. P. 640), когда властям пришлось пойти на экстраординарную меру – распродажу земельных участков вокруг Капитолия, поэтому сенат весьма рассчитывал на доходы от добычи (Oros. V. 18. 26–27). Не приходится удивляться, что Помпей Страбон снижал у сограждан репутацию эгоиста и корыстолюбца (Plut. Pomp. 1. 4; Gran. Lic. 23F). Вряд ли полководец не предвидел такой реакции, однако она, очевидно, была для него меньшим злом, чем

сокращение находившихся в его руках материальных ресурсов. Однако исследователи не всегда отдают себе отчет в целях подобного поведения – так, Ж. Арман всерьез предполагает, что Помпей Страбон и не думал делиться с воинами, чем, надо полагать, и была обусловлена их неприязнь к нему (Harmand 1967. P. 411, no. 1). Однако эта неприязнь – плод измышлений враждебной полководцу пропаганды, творцы которой переносили ненависть к нему многих нобилей и римского плебса на его воинов. Сведения о ней некритически воспринял Плутарх (Rompr. 3. 4), однако контекст, в котором он сообщает эти данные, не оставляют сомнений в их ошибочности (Короленков 2007. С. 136–137). Судя по аскуланской надписи (89 г. до н.э.), Помпей Страбон не скупился на награды отличившимся воинам – он сделал римскими гражданами воинов целой турмы всадников-испанцев, а также подкрепил этот дар осязаемым материальным поощрением – торквесами, фалерами, двойным пайком (случай весьма редкий) (CIL. I². 709 = VI. 37045; Criniti 1970, 239). Надо думать, достаточно щедро жаловались за заслуги и собственно римляне. Поэтому прав был, как представляется, Г. Де Санктис, утверждая, что Помпей Страбон оставлял добычу не для одного себя, но и для воинов (De Sanctis 1976. P. 37).

Но не ошибался ли Орозий, утверждая, будто Помпей Страбон ничего не внес в казну? Прежде всего следует обратить внимание на то, что Орозий – наш единственный источник по данному вопросу, а писал он в V в. н.э., т.е. через пять веков после рассматриваемых событий. Несомненно, за это время изложение этого сюжета могло претерпеть значительную трансформацию. Вряд ли до начала гражданской войны Помпей Страбон чувствовал себя до такой степени уверенно, что решился бы бросить столь откровенный вызов сенату и народу. Поэтому есть серьезные основания предполагать, что он внес определенную часть добычи в эрарий, однако, учитывая неприязнь, которую к нему питали еще при его жизни многие нобили и римское простонародье, даже крупная сумма могла быть объявлена его недругами ничтожной, а в течение нескольких веков превратиться под пером риториков и вовсе в нулевую. Такая трактовка вполне укладывалась в концепцию самого Орозия, стремившегося обличить пороки язычников ради оправдания христиан (Wotke 1939. S. 1192–1193). (Следует

добавить, что в отношении Помпея Страбона Орозий не совсем точно излагает материал и в более «нейтральном» случае, называя его, в частности, применительно к 90 г. до н.э. претором, хотя тот был тогда легатом: Broughton 1952. P. 29).

Впоследствии за антипатию римлян к Помпею Страбону пришлось после его смерти отвечать сыну, будущему противнику Цезаря. Он был привлечен вместо отца после взятия Рима Цинной и Марием «к суду по делу о хищении государственных денег (δημόσια χρήματα)... Самого Помпея обвинили в том, что он присвоил охотничьи силки и книги из добычи, захваченной в Аскуле» (Plut. Pomp. 4. 1–2; пер. Г.А. Стратановского). В данном контексте нас не интересуют обвинения против сына полководца, важнее оценка действий его самого – как пишет М. Гельцер, речь шла о том, что Помпей Страбон, по мнению обвинителей (кстати, не названных), неподобающим образом распорядился общественным достоянием. Однако, как тут же отмечает Гельцер, свободное обращение военачальника с добычей не противоречило общепринятой практике (Gelzer 1942. S. 14–15). Речь могла идти о другом – процессе de peculatu, конкретно же – о присвоении Помпеем казенных денег, pecunia ex aerario attributa (Shatzman 1972. S. 195). Сейчас уже, конечно, невозможно установить, насколько обоснованны были подобные обвинения, однако, учитывая не в меру самостоятельное (с определенного момента) поведение полководца, исключить его весьма вольного обращения с государственными средствами никак нельзя.

Однако тут есть и другая сторона вопроса: получал ли Помпей Страбон деньги из эрария на содержание армии в условиях начавшейся с 88 г. до н.э. смуты? В этом можно усомниться, и в таком случае он оказывался предоставленным собственным возможностям, которыми, судя по всему, воспользовался весьма умело. Стоит напомнить, что Помпей не только вел боевые действия, но и проводил в жизнь lex Iulia и lex Plautia Papiria, принятые, кстати, в его консульство. Напоминанием о деятельности Помпея Страбона по распространению римского и латинского гражданства стали топонимы – Alba Pompeia, Laus Pompeia (см.: Короленков 2007. С. 133, примеч. 41). В состав его военного совета, судя по тускуланской надписи, входили представители верхушки некоторых итальянских муниципиев – Г. Тарквиций, Л. Ин-

стей, Л. Веттий и другие (CIL. I². 709; Criniti 1970. P. 74). Плутарх, в целом явно антипатизирующий Помпею Страбону, признает, однако, что тот пользовался немалой популярностью среди жителей Пицена (Plut. Pomp. 6. 1). Наконец, не вызывает сомнений преданность полководцу его солдат – когда сенат попытался в конце 88 г. до н.э. заменить Помпея Страбона на посту командующего пиценской армией его родственником Помпеем Руфом, воины убили последнего, подвергнувшись лишь словесному осуждению со стороны полководца (Val. Max. IX. 7 mil. rom. 2; App. BC. I. 63. 283–285; Liv. Ep. 77; Vell. Pat. II. 20. 1). Рассказ Плутарха о «мятеже» в армии Помпея Страбона основан на неправильном понимании событий (Короленков 2007. С. 136–137; прежняя точка сохраняет сторонников: Махлаюк 2008. С. 122 – без новой аргументации).

Все это позволяет прийти к выводу, что Помпей Страбон был не просто способным, удачливым и популярным полководцем, но и фактическим правителем значительной части Северной и Центральной Италии: он был патроном многих общин, в его распоряжении находилась преданная и боеспособная армия, которая не сохранила бы верности своему командиру, если бы он должным образом не обеспечивал ее материально. Стало быть, соответствующими средствами Помпей Страбон располагал. Их составляющими являлись военная добыча (в том числе, очевидно, и контрибуции), государственные средства и доходы с собственных владений. При этом эксплуатация вряд ли была слишком уж интенсивной, коль скоро местное население с симпатией относилось к нему (см. выше). Однако существование этого полусамостоятельного образования оказалось недолгим, прекратившись в 87 г. до н.э. со смертью Помпея Страбона в результате эпидемии.

Литература

- Короленков А.В. Помпей Страбон и его армия // *Antiquitas aeterna*. Саратов, 2007. Вып. 2. С. 128–140.
- Махлаюк А.В. Римский полководец в ситуации солдатского мятежа // ВДИ. 2008. № 4. С. 114–131.
- Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. N.Y., 1952. Vol. 2.
- Crawford M. *Roman Republican Coinage*. Cambridge, 1974. Vol. 1.
- Criniti N. *L'epigrafe di Asculum di Gn. Pompeo Strabone*. Milano, 1970.

- De Sanctis G.* La guerra sociale. Firenze, 1976.
- Gelzer M.* Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus. B., 1942.
- Harmand J.* L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 av. n.e. P., 1967.
- Seager R.* Pompey the Great. A Political Biography. Malden; Oxford, 2002.
- Shatzman I.* The Roman General's Authority over Booty // *Historia*. 1972. Bd. 21, Heft 2. S. 177–205.
- Wotke F.* Oros (4) // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung. Stuttgart, 1939. Hbd. 35. Sp. 1177–1195.

Н. Ф. Котляр

КНЯЖЕСКИЕ КЛАНЫ И УДЕЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ

В современной науке преобладает теория, согласно которой удельная (феодалная) раздробленность была следствием социально-экономического прогресса древнерусского общества. Она вызревала в его недрах начиная со времени Ярослава Мудрого. Но во второй половине X в. политическое и социально-экономическое развитие Руси, в особенности на местах, оказалось явно недостаточным для активизации центробежных сил. Они дали себя знать в полной мере лишь в 30–40-х годах XII в.

Историки признали исторически объективными процессы развития производительных сил и производственных отношений Руси, приведшие к подъему экономики и общественной жизни всех земель, княжеств и городов государства. Эволюция общества и производства стимулировала генезис и возрастание крупного и среднего землевладения, родила прослойку землевладельцев, коих летописцы обычно называют общим термином «бояре». Они приобрели большую экономическую и политическую силу, поддерживали стремление местных князей к независимости от верховной власти (Б.Д. Греков, В.Т. Пашуто и др.). Впрочем, мне представляется несколько преувеличенной роль боярства в наступлении раздробленности.

Думаю, что одной из причин раздробленности стало соперничество за земельные владения. О собственности для того времени говорить, вероятно, преждевременно. Именно борьба за «отчины» между князьями Рюриковичами решительно изменила Русь.

Она в значительной степени породила удельную раздробленность. На мой взгляд, вовсе не бояре «повинны» в приходе раздробленности на Русь. Они получали землю и имущество исключительно согласно «отчинному» праву, им не было нужды посягать на принятые в стране порядки получения земельных владений. Иное дело, князья, которые до поры довольствовались порядком «лествичного восхождения», отсекавшего младшее поколение от старшего: пока не вымрет старшее поколение, младшим не доставалось ничего. Так появлялись безземельные князь-изгои. Но до конца 70-х годов XI в. они не участвовали в соперничестве за «отчины». Первый изгой Ростислав Владимирович, внук Ярослава, выступил на социально-политическую сцену слишком рано (1064–1066 гг.).

Кончина Святослава Ярославича, занимавшего киевский стол с 1973 по декабрь 1076 г., превратила его девятерых сыновей в бесправных изгоев, поскольку Изяслав и Всеволод не дали им волостей. Изгоями стали и сыновья Вячеслава и Игоря Ярославичей. Особенно остро переживал свое общественное падение второй по времени рождения Святославич Олег. Он одним из первых среди изгоев своего поколения в 1077 г. взялся за оружие, дабы получить волость. При этом поднялся против самого великого князя Киевского. И Святославичи, и поддержавший Олега единственный сын Вячеслава Ярославича Борис стремились получить во владение волости, принадлежавшие их отцам.

Отчаянная борьба изгоев за отчины задала толчок событиям, знаменовавшим приход удельной раздробленности на Русь. Вижу одну из основных причин ее наступления в деструктивной деятельности изгоев-Рюриковичей, обделенных старшим поколением Ярославичей и не желавших ждать, пока перемрут дядя. Они не ограничивались требованиями волостей от киевского и земельных князей, а прибегали к силе, не останавливаясь перед наведением половецких ханов на Русскую землю. Поэтому занявший киевский престол после смерти Изяслава Ярославича его брат Всеволод в течение своего 15-летнего правления был, в сущности, вынужден отбиваться от изгоев руками сына Владимира Мономаха.

Кончина Всеволода в 1093 г. вызвала всплеск активности изгоев, прежде всего Олега Святославича, отнявшего в следующем

году Чернигов с землей у Мономаха и стремившегося к независимости от Киева. Олег был на время укрощен совместными действиями севшего в Киеве Святополка Изяславича и утвердившегося в Переяславле-Южном Владимира Всеволодича. Однако политическая обстановка в государстве оставалась беспокойной и неустойчивой. Это вынудило фактических соправителей Руси Святополка и Владимира пойти на компромисс с изгоями. В 1097 г. в городке Черниговского княжества Любече был собран княжеский съезд, куда с повинной головой прибыл главный мятежный изгой Олег Святославич. На съезде приняли важное для дальнейших судеб государства решение: «Нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце и блюдем Рускыѣ земли». Затем было принято важное решение: «Кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволождю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю, а им же [далее названным] роздаять Всеволодь города: Давыду [Игоревичу] Володимеръ, Ростиславичема: Перемышль Володареви, Тербовль, Василкови» (ПВЛ. С. 110). Принятые в Любече решения по сей день вызывают дискуссии среди историков.

Никто среди ученых, провозглашавших новаторство и судьбоносность постановлений Любечского съезда (вроде признания законности отчинного наследия), как будто не заметил, что они так и не были проведены в жизнь и сразу же были перечеркнуты феодальной смутой, развязанной недавним изгоем, волынским князем Давидом Игоревичем, решившим отнять Тербовльское княжество у Василька Ростиславича. Княжеский съезд в Любече не выработал твердого правила престолонаследия (В.О. Ключевский). Несколько стабилизировали социально-политическое положение в стране победоносные походы Мономаха в Половецкую степь в 1103–1116 гг., в которых приняли участие почти все изгои.

К сожалению, едва ли не все процессы и явления, имевшие место в стране в 20–30-х годах XII в., скрыты под спудом летописного текста. Это ограничивает возможности исследователей, поскольку в течение этих сорока лет произошли принципиальные изменения и в структуре феодального общества, и в отношениях внутри большого рода Ярославичей. Тогда начали складываться княжеские кланы, называемые летописцами по именам их основателей.

Следует подробнее остановиться на отношениях между князьями и княжескими кланами, в значительной мере основанных на древних традициях и обычном праве, которые выражались преимущественно в понятиях отчины и родового старейшинства. Благодаря этому, как мне кажется, можно лучше понять движущие силы, причины, обстоятельства, динамику и социально-политические пружины межкняжеской дипломатии. Опираясь на давние узаконения и обычаи, толкуя их в выгодном для себя смысле, князья и их кланы боролись за первенство, общерусскую власть и Киев – даже тогда, когда (с 60-х годов XII в.) обладание стольным градом Руси уже не могло гарантировать решительного перевеса над соперниками, да и не давало полноты власти.

Не нужно также преувеличивать слаженность действий членов тех или иных родовых кланов, обезличивать социальные и политические усилия составлявших их князей, уравнивать активных членов клана с теми, кто пассивно или просто добросовестно исполнял клановую дисциплину. Родовая солидарность вовсе не исключала личностных поступков отдельных князей. Да и сама клановая дисциплина оставляла желать лучшего в большинстве княжеских родов. Разве что черниговские Ольговичи всегда и во всех случаях выступали сплоченно. Но Ольговичи все же выделялись среди Ярославичей. Среди них долгие десятилетия, чуть ли не до Батыева нашествия, действовал родовой порядок замещения столов, так называемое «лествичное восхождение». В прочих же кланах с 40-х годов XII в. начинают придерживаться отчинного порядка. Важно отметить, что кланы и их главы далеко не всегда и не во всем руководствовались принципами «отчины» и родового старейшинства, не всегда соблюдали клановую солидарность и дисциплину. Личный интерес и сиюминутная выгода ставились выше всего большинством участников дипломатической и военной игры вокруг Киева.

В 70-х годах XI – начале XII в. укрепились в своих волостях галицкие Ростиславичи Володарь и Василько (Рюрик скончался в 1092 г.), с оружием в руках отстоявшие в 1097–1098 гг. свои волости от Святополка и Мономаха. В течение названного времени Ольговичи с Давидовичами постепенно овладели громадной Чернигово-Северской землей, но рассказ об этой их деятельности в конце XI – первом тридцатилетии XII полностью отсутствует в

«Повести временных лет» и других летописных сводах. Большие экономические и социальные ресурсы этой земли позволили им выступать на русской политической сцене единым фронтом уже в княжение Владимира Всеволодича Мономаха (с 1116 г.). Наиболее сильный клан потомков Владимира Всеволодича, Мономашичи, после смерти Мстислава Владимировича (1132 г.) начал расслаиваться, в нем возникали противоречия и несогласия. Младшее поколение Мономашичей составило земельные кланы, оформившиеся к середине 1140-х годов (Мстиславичи и Ростиславичи). Раздоры среди Мономашичей впоследствии позволили потеснить их черниговским Ольговичам и Давидовичам. В фундаменте складывания княжеских кланов лежала все та же сепаратистская деятельность князей-изгоев, которые не только пытались оттянуть у своих дядьев волости, но и сплачивали вокруг себя родичей, проявляя значительную солидарность в деле обзаведения волостями. Кланов утверждались в землях и волостях, стремясь к наибольшей независимости от киевского центра. Это и приводило к раздробленности.

Постепенно право отчинности входило в жизнь, его принимала часть господствовавшего слоя. Да и сам Владимир Всеволодич, сев на киевский престол в 1113 г., склонялся к этому порядку, намереваясь закрепить Киев за своими детьми. Однако впервые публично провозгласил принцип унаследования киевского стола от отца к сыну (т.е. по вертикали, а не по горизонтали, как было прежде) внук Мономаха. Изяслав Мстиславич, в 1146 г. овладевший главным русским престолом в обход своих дядьев Мономашичей Вячеслава и Юрия и решительно отрицавший права на него другой ветви Рюриковичей – Ольговичей. Началась первая на Руси гражданская война (1146–1151 гг.), ознаменовавшая наступление удельной раздробленности государства.

С.И. Кочуркина

ПРИЛАДОЖСКАЯ КУРГАННАЯ КУЛЬТУРА: ПОГРЕБЕНИЯ С МОНЕТАМИ, ВЕСАМИ И ГИРЬКАМИ*

Ареал приладожской курганной культуры на рубеже I–II тыс. включал Юго-Восточное Приладожье с бассейнами рек Сяси,

Тихвинки, Воронежки, Паши, Капши, Ояти, Свири, район Прионежья с речными системами рек Олонки, Тулоксы, Видлицы и северное побережье Онежского озера. Археологически исследовано более 700 насыпей. Найдено несколько кладов восточных и западноевропейских монет XI–XII вв.: на р. Паше – два в Колголеме и Вихмязи; на р. Ояти – один в Шириничах; на р. Свири – три клада в Лодейном Поле, два – в пос. Свирьстрой и шестой – в д. Озерки. Синхронны приладожской курганный культуре выявленные на территории Карелии три клада монет X–XI вв. в Петрозаводске близ впадения р. Неглинка в Онежское озеро, на берегах озер Сандал и Падмозеро.

Одновременны курганам Сясьское городище и селище Чёлмужи. Существует предположение, что Сясьское городище было одним из торгово-ремесленных поселений, возникших в VIII–X вв. на международных торговых путях Северной и Восточной Европы (Археология Карелии 1996. С. 287–288). Селище Чёлмужи X–XI вв. расположено на северном побережье Онежского озера, в 400 м от курганный группы. Связь между поселением и могильником не вызывает сомнений (Кочкуркина, Спиридонов 1988. С. 135–136).

Богатейший материал курганов Юго-Восточного Приладожья датирован относительно хорошо благодаря некоторым категориям предметов, имеющим четкие хронологические параметры, а также монетам. Коллекция из 194 монет включает английские (25), немецкие (96), чешские (7), византийские (6) и восточные (60). Кроме того, в погребениях встречены неопределенные западноевропейские монеты и их обломки (не менее 10) и более 25 неатрибутированных монет. Присутствие их в погребениях нельзя назвать массовым – они найдены в 91 кургане, что составляет примерно 13% от всех вскрытых насыпей¹.

Вопрос о датировке погребений по находящимся в них монетам всегда интересовал исследователей: дискуссии, иногда весьма активные, то возникали с разной степенью интенсивности, то затихали. Довольно остро стоял вопрос о датировке кладов, о скорости появления западноевропейских монет на Руси и длительности их обращения (см. подробнее: Потин 1993. С. 182 и сл.).

В погребениях монеты с приклепанными ушками вместе с бусами использовались в качестве шейных украшений. Монеты с

отверстиями, как полагают, могли нашиваться на одежду. У народов Поволжья, Кавказа, Сибири существовала традиция украшать национальный костюм монетами, имевшими хождение в течение несколько столетий (Народы европейской части СССР 1964. С. 617, 714, 717 и др.; Спасский 1970. С. 7). Использовались монеты и в качестве «обола мертвых» и таким образом дважды выступали в роли денег: в реальном и потустороннем мире (Потин 1993. С. 200). Нахождение монет в одном погребении с гирьками или весами, по мнению В.М. Потина (1971. С. 57), свидетельствует о занятиях погребенного торговлей и, следовательно, о его особом статусе.

На содержательных материалах курганов Юго-Восточного Приладожья вполне реально поставить вопрос о возможности или невозможности датировки погребений по монетам, особенностях их использования (в качестве платежного средства или украшения, в ритуальных или иных целях и т.д.).

Большинство монет приладожской курганной культуры приходится на женские погребения – 67, значительно меньше на мужские – 24, половая принадлежность 12 погребенных не определена. 78 целых монет (без отверстий и ушков) зафиксированы в 35 курганах (40 погребений: 22 женских, 14 мужских, 4 неопределенных) в области головы, шеи и груди погребенных, а также на поясе, у таза, в ногах. Иногда они находились в кошельках (заметим, вместе с монетами, имевшими ушки и отверстия) и в качестве дара умершему. Монеты с отверстиями и ушками отмечены в 46 курганах (116 экз.). Их положение относительно костяка не отличается от расположения монет без ушков и отверстий – большей частью они встречены в составе ожерелий, реже – в области таза, у ног, в одном случае – в кошельке. Что касается «обола мертвых», то убедительных доказательств этому явлению в отчетах исследователей получить не удалось.

Датировка 14 курганов, определенная по сопровождающему инвентарю, противоречит найденным в них монетам: Красная Заря-12; Красная Заря-14; Дрегли-10; Дрегли-14; Новая-3 (запаздывание почти в 200 лет); Новинка-9 (погребение моложе монеты по меньшей мере на 100 лет); Карлуха-12 (разница между последним годом чеканки западноевропейских и восточных монет составляет 43 года); Шангеничи-лес-4 (разница между последним

годом чеканки западноевропейских и восточных монет составляет 265 лет); Шангеничи-лес-14 (погребения не имеют выразительных вещей X – начала XI в., поэтому датировать их по монетам нет оснований); Шангеничи-село-3 (комплексы вещей датируются XI – началом XII в., что противоречит дирхему: разница между последним годом чеканки западноевропейских и восточной монеты составляет 147 лет); Акулова Гора-9 (по скромному инвентарю датировать нельзя, использование восточной монеты в качестве украшения свидетельствует о ее долгом использовании в быту); Кургино-2; Кяргино-Гарняки-2; Большие Горы (Нижний Конец)-4 (время чеканки монеты не совпадает с датировкой погребения по вещам XI–XII вв.).

В то же время в 12 погребениях даты восточных монет, независимо от того, целые ли они или имеют ушки и отверстия, не противоречат сопровождающему инвентарю. Это скандинавского происхождения фибулы, сердоликовые, стеклянные и бронзовые бусы, некоторые типы гривен и браслетов, односторонние гребни с орнаментированными накладками, изделия, изготовленные по технологии трехслойного пакета, мечи, наконечники копий, весы, лепная посуда. Но предметов скандинавского происхождения, подчеркнем это важное обстоятельство при датировке, нет в погребениях с западноевропейскими монетами; иными словами, период в несколько десятков лет, от X – начала XI в. до появления первых западноевропейских монет середины XI в., был безмонетным.

Следовательно, правы были те исследователи, которые полагали, что факт наличия дирхемов нельзя безоговорочно использовать для датировки погребений, но в большинстве случаев монеты, в том числе и западноевропейские, являются надежным временным определителем. Однако подчеркнем, что археологический метод датирования по ведущим категориям предметов необходимо использовать в первую очередь.

Находки весов и их деталей (5) отмечены в следующих курганах. В Вахрушево-116 зафиксировано несколько мужских трупосожжений и женское с богатым сопровождающим инвентарем и сожжением коня. В мужском находились кости лошади, медведя и сопровождающие вещи: меч (тип Т-2), кнутаовище, два топора (типы II и V), наконечник копья и три наконечника стрел, нож,

фрагмент витого серебряного браслета, два привесных замочка и ключ, обломок крупной подковообразной фибулы, две шарообразные гирьки, обломки чашки от весов и оселок. Монет нет. Датируется X в. Курган Шутозеро-1 содержал трупосожжение мужчины и вещи: два втульчатых наконечника копий (тип I), топоры (типы А и V), ромбический наконечник стрелы, длинный срезень, железная трубочка для трута, пластинчатое огниво с ушком, кресало с удлиненной петлеобразной рукоятью, два ножа, гирька и коромысло от весов и другие предметы X в. В поврежденном и плохо раскопанном кургане Ньюбиничи-10 сохранились весы, монеты и меч. В одном погребении Пирдойла-1 найдены 8 (9) гирек, обломки западноевропейских монет; в другом – бронзовые весы в деревянной коробке и обломки железных гирек (две почти целые), в погребении 4 этого же кургана – бронзовая чашечка от весов с остатками деревянной коробки и гирьки (9 экз.). Масса гирек 5–35 г.

Гирьки (36/37 экз.) без монет и весов сохранились в следующих погребальных насыпях. Самый ранний курган в Юго-Восточном Приладожье Усть-Рыбежно-19 содержал мужское сожжение скандинава в ладье, датирующееся концом IX – началом X в. Сопровождающий инвентарь – меч (тип E), втульчатый наконечник копья (тип I), нож, призматический замок, пять обтянутых бронзовым листом шарообразных весовых гирек, ножи, оселки, топор (тип IV), деревянное с железным покрытием ведро, остатки рога для питья с бронзовыми пластинками и т.д. Мужское трупоположение XI в. из кургана Сязнега (2)-10 сопровождалось подковообразной фибулой, топором, ножом. На левой стороне таза в остатках кожи (мешочек?) были три весовых гирьки (масса 18–27 г). Кроме того, найдены браслет и пластинчатое огниво с ушком. В области груди – кремь, в ногах – небольшой гончарный сосуд. В кургане Кирилино-89 выявлены мужское и женское трупосожжения X в. Женское сопровождалось скандинавскими фибулами, мужское (скандинавское) – атрибутами воина – умбоном от щита с заклепкой, бронзовыми деталями пояса, наконечником стрелы, замком, поясными бляшками, двумя гирьками и некоторыми другими предметами. Курган Кирилино-90 содержал четыре (?) трупоположения. В мужском захоронении, ориентированном на восток, наряду с предметами вооружения

найжены четыре шарообразные гиpьки, обломки саманидского дирхема X в., а также некоторые предметы украшения.

Итак, гиpьки могли находиться в погребениях и без монет, также необязательно их присутствие в погребениях с весами. Но найдены они только в мужских погребениях в сопровождении мечей, копий, боевых топоров, что свидетельствует о высоком статусе погребенных, об атрибутах профессии торговца-воина и о справедливости мнения В.М. Потина. Погребенные в этих курганах занимали ключевые позиции на водных артериях Юго-Восточного Приладожья: на р. Паше (большинство), Шугозере, реках Ояти и Видлице.

Примечания

- * Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории», проект «Истоки Карелии; время, территория, народы».
- ¹ Документированные определения западноевропейских монет принадлежат А.А. Марковой и В.М. Потину, некоторые уточнения – Т.В. Равдиной, восточных – А.А. Быкову, неопределенных по состоянию на 2007 г. восточных монет и единственной византийской – В.С. Кулешову.

Литература

- Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М. Поселения эпохи средневековья // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 121–142.
- Народы европейской части СССР. М., 1964. Т. 2.
- Потин В.М. Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Тр. Гос. Эрмитажа. 1971. Т. 12. С. 49–75.
- Потин В.М. Монеты. Клады. Коллекции. СПб., 1993.
- Спасский И.Г. Русская монетная система. Л., 1970.

Н.Н. Крадин

ДАНИ И ПОДАРКИ В ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ И РУСИ*

В источниках, посвященных русско-ордынским отношениям, часто встречается информация о «даниях», «дачах», «выходах»,

«пошлинах», «тешениях» и иных формах внешнеэксплуататорских отношений. В специальной литературе эти отношения обычно интерпретируются либо как дань кочевникам, либо как пережитки даннических отношений, либо дается достаточно неопределенное истолкование данных институтов, подчеркивается их уникальность.

Насколько правомерно отождествление этих отношений с данью? Под данничеством в научной литературе в общих чертах принято понимать особый способ эксплуатации, представляющий собой регулярные поборы с побежденного общества. При этом данники и взиматели дани не интегрированы в один социальный и этнический организм. Данники располагают своими собственными средствами производства и эксплуатируются посредством внеэкономического принуждения всего коллектива в целом. Данничество отличается от военной контрибуции регулярностью, а от податей и налогов тем, что взимается с чужого, подчиненного общества (Першиц 1973).

Более или менее наглядный пример навязывания кочевниками земледельцам даннических отношений – это институт баскачества на Руси в эпоху ордынского владычества. Однако помимо классических даннических отношений татары практиковали на Руси политику рэкетирования посредством угрозы совершения грабительских набегов, в чем достигли, по словам Н.И. Веселовского (1911. С. 7), значительной виртуозности. Смена ведущих форм эксплуатации Руси номадами произошла, по всей видимости, в десятилетия, предшествовавшие Куликовской битве, а через столетие, уже с 1473 г., так называемый «ордынский выход» по сути перестал соответствовать научному значению термина «дань».

Для решения данного вопроса целесообразно обратиться к более общим проблемам взаимоотношений номадов евразийских степей и земледельческих цивилизаций. В истории взаимодействия степного и оседлого миров существовало большое количество форм пограничной политики кочевников: 1) стратегия набегов и грабежей (сяньби II–III вв. и монголы XV–XVI вв. по отношению к Китаю, печенеги по отношению к Руси, Крымское ханство по отношению к России и др.); 2) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (Скифия и сколоты, Хазария и

славяне, Золотая Орда и Русь), а также контроль над трансконтинентальной торговлей шелком; 3) завоевание оседло-городского государства, размещение на его территории гарнизонов, седентеризация и обложение крестьян налогами в пользу новой элиты (тоба, кидани и чжурчжэни в Китае, монголы в Китае и Иране); 4) установление мирных обменных и торговых связей с соседними оседло-городскими обществами, а также участие в посреднической торговле и политических конфликтах между земледельческими цивилизациями (у многих народов в отдельные периоды их истории); 5) политика чередования набегов и вымогания дани в отношении более крупного общества.

Последняя стратегия полностью соответствует отношениям между Москвой и соседними кочевниками. Однако источники позволяют подробно рассматривать данную форму эксплуатации у кочевников евразийских степей начиная с хуннского времени. Правитель Хуннской кочевой империи (шаньюй) использовал набеги для получения политической поддержки со стороны племен – членов «имперской конфедерации». Далее, используя угрозы набегов, он вымогал от китайской династии Хань «подарки» (для раздачи родственникам, вождям племени и дружине) и право на ведение приграничной торговли (для всех подданных). Через определенный промежуток времени следовал новый набег, который завершался очередным перемирием и новым вымоганием «подарков» (Barfield 1989; Крадин 2002).

Чрезвычайно похожую на хуннский вариант ситуацию применительно к кочевникам «скифо-сакского» мира описывает Страбон (IX, 8, 3) (правда, видимо, не поняв до конца сути дела): «Эти племена [которые подвергались набегам] согласились платить апарнам дань; дань состояла в дозволении им в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу. Но когда они дерзко нарушали договор, начиналась война, затем опять примирение, а потом снова военные действия. Таков образ жизни и прочих кочевников; они постоянно нападают на своих соседей и затем примиряются с ними».

Придя в Европу, гунны практически воспроизвели старый хуннский механизм внешнеполитического преуспевания. Сначала совершался набег, после чего поступало предложение о заключении мирного договора, который предполагал богатые «по-

дарки» номадам. Только Византия платила Атилe до 700 фунтов золота в год. Но это было, вероятно, для Константинополя выгоднее, чем содержать большие гарнизоны на границе. Гунны Прикаспия практиковали ту же дистанционную модель в отношении соседей. Набеги, вымогание субсидий, раздача добычи воинам – вот ее основные составляющие.

При внимательном чтении источников в той или иной степени аналогичные механизмы политического поведения можно было обнаружить и в более позднее время в отношениях между древнерусскими княжествами и раннесредневековыми номадами Дешт-и-Кыпчака (печенегами, половцами), Московской Русью, Золотой Ордой и татарскими ханствами. Так, например, Константин Багрянородный (гл. 7, 13) описывает печенегов столь же «ненасытными и крайне жадными» до подарков. Но он сам подчеркивает, что ханы выпрашивали дары для своих родственников и соратников. «Когда василик (т.е. посланник императора. – Н.К.) вступит в их страну, он требует прежде всего даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просит подарков для своих жен и своих родителей».

Одним из важнейших элементов русско-ногайских отношений являлись «поминки» правителям степного общества. Не один раз ногайские лидеры обращались к русскому царю, мотивируя свои вымогания тем, чтобы «я бы из рук своих то твое царское жалование братье своей и племянником, и детем роздал», т.к. «они все у мене казны просят, а у меня казны нет, и дати им нечево» (цит. по: Трепавлов 2001. С. 600, 608). Вся история отношений между Москвой и Крымским ханством, по сути, это история постоянного рзкетирования своих соседей, вымогания от России и Литвы богатых *поминков* («подарков») и иных льгот. Эти дары ханы раздавали дружинникам, войску и представителям знатных кланов.

С какой целью кочевники нападали на земледельческие государства для вымогания «подарков»? Внутренняя экономика племен номадов основывалась на экстенсивном скотоводстве. Однако кочевники нуждались в земледельческих продуктах, ремесленных изделиях, шелковых тканях, изысканных диковинках для престижного потребления. Необходимость в престижных товарах заставляла их объединяться в племенные конфедерации, вожества и кочевые империи.

Манипулируя подарками и раздавая их соратникам и вождям степной конфедерации, правитель кочевой империи увеличивал свое политическое влияние и престиж «щедрого хана». Можно привести в пример забавный случай, который произошел в 1258 г. после взятия монголами Багдада. Хан Хулагу, ослепленный богатствами сокровищницы халифа, предложил ему съесть несколько золотых монет. На возражение последнего, что золото несъедобно, хан воскликнул: «Почему ты тогда это копил, вместо того чтобы отдать своим воинам!».

Исследования антропологов, начиная с М. Мосса, показали, что в доиндустриальных обществах дарообмен был универсальным средством установления отношений между индивидами. Причиной этого, согласно Моссу, является антропоморфизм – субъективизация внешнего мира, присущая сознанию первобытного человека. Он видел в подарке магическую силу, которая, с одной стороны, передавала с вещью частицу души дарителя (его «везение», магические способности и пр.) и, с другой стороны, в случае некомпенсации дара могла навредить обладателю первоначального дара. Открытия, сделанные субстантивистскими антропологами, подтолкнули к новым интерпретациям и историков. Особенно много в этой области сделали историки-медиевисты, начиная с классических работ М. Блока до трудов А.Я. Гуревича и его последователей в нашей стране. Историческая антропология открывает также значительные перспективы для нового прочтения важнейших страниц древнерусской истории.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта ДВО РАН № 12-1-11-33-03.

Литература

- Веселовский Н.И.* Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002.
Першиц А.И. Данничество. М., 1973.
Страбон. География. М., 1994.
Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Cambridge, 1989.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ И ДАТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ ПЕРИФЕРИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Суть проблемы. Экономике Хазарского каганата обычно рассматривают не как комплексное явление, а зачастую как отдельные отрасли: земледелие, скотоводство, ремесла, промыслы. Такой же подход применяется и к периферийным территориям, на которых пребывало подвластное каганату население. В суждениях о его хозяйстве в основном ссылаются на раскрытые постройки, приспособления, оружейные комплексы, относящиеся к тем или иным отраслям. Значительно меньше информации о хранении, утилизации продуктов; совсем мало данных о хозяйственном потенциале «приселищных хозяйственных зон», где создавали необходимые для жизнедеятельности населения продовольственные запасы и продукты дани (Колода, Горбаненко 2010. С. 54, 61, 73, 94 и сл.).

В письменных свидетельствах о Хазарии в общем виде упомянуты виноградники, сады близ городов, нивы в степях, но совершенно определенно сообщается о дани, собираемой с подчиненных каганату народов (Артамонов 1962. С. 171; Петрухин 2008. С. 52–61). Среди упомянутых данников названы и «булг-р», которые, по данным хазар, обитают в открытой местности (Плетнёва 1976. С. 9–10). Особенностью поселений степного Подонцовья являются размеры. Протяженность некоторых из них вдоль русел степных рек левобережья Северского Донца составляет 800–1000 м, вглубь до 200 м, площадь – от 150 до 180 тыс. м². На правобережье находится Донецкий кряж, его физико-геологические условия ограничивают земледельческую отрасль. Не случайно здесь видим поселения меньших размеров, площадью 30–35 тыс. м² и не более 50 тыс. м². Они обустроены на мысах-площадках в поймах рек среди скальных выходов и байрачных лесов. Такие природно-ландшафтные среды приемлемы для скотоводства.

Однако обстоятельства, влиявшие на отраслевую систему и на организацию хозяйства праболгар, следует соизмерять с экономическими интересами каганата с учетом востребованной продукции, взимавшейся им в виде дани (Артамонов 1962. С. 172;

Плетнёва 1976. С. 55–57). Плательщиками дани являлись не только праболгары степей, но и другие народы, обеспечивая при этом продуктовую стабильность каганата (Петрухин 2008. С. 52–61; Калинина 2010. С. 32). На факты зависимости населения степного Подонцовья от хазар впервые обратил внимание И.И. Ляпушкин, однако хозяйственные структуры его обитателей им не рассматривались (Ляпушкин 1958. С. 140). В настоящее время на поселениях степной зоны раскрыто более 115 строений различного назначения, с помощью которых удастся воссоздать хозяйственный уклад населения этих мест.

Хозяйственные структуры степных селищ. Памятники хазарского периода в бассейне р. Дон обозначили оседлость здешнего населения, наличие построек соответствующих отраслей хозяйства, а также индивидуальных дворов и усадеб (Ляпушкин 1958. С. 314). Эти же признаки характеризуют раскрытые в степном Подонцовье комплексы, состоящие из строений различного назначения и включающие в себя:

- жилища, бытовые постройки, хозяйственные ямы, иногда небольшие подсобные помещения;
- жилища и такие же постройки, обустроенные компактно, в сочетании с небольшими незастроенными участками;
- жилища, здесь же производственные, бытовые, подсобные строения, расположенные на различных пространствах.

Каждый из наборов строений соответствовал хозяйственному потенциалу семей. Обозначим типологию комплексов, идентифицировав свойственные им признаки.

Тип первый – закрытые комплексы в ограниченном пространстве, с набором строений, необходимых для хозяйственной адаптации небольшой семьи. Простейшие варианты комплексов включают: жилую постройку-полуземлянку, хозяйственную яму, тандыр, обустроенный в жилище или в пристройке 2–3 м². Общая площадь строений – не более 20–25 м². Усложненные варианты предполагают постройки (стойла, кухни, гончарные мастерские), соединенные с жилищем с помощью переходов. Площадь комплексов увеличивается до 30–35 м². Сложный вариант состоит из нескольких частей строений, соединенных проходами в комплекс площадью до 40 м².

Вторым типом хозяйственных структур являются дворы. Для них характерен набор строений, среди которых: кухни, стойла, гончарные мастерские, хозяйственные ямы, погреба. Все они на удалении от жилища. Такие комплексы обеспечивали социальную и хозяйственную индивидуальность семьи в сельской общине. Площади дворов – 200–250 м², общая площадь строений – 35–55 м². Постройки как бы оконтуривали, «закрывали» территорию двора. На незанятых строениями участках находились глинобитные обожженные площадки, навесы, очаги открытого типа, хозяйственные ямы, погреба.

Третий тип обозначим как «*подворья*», подразумевая под этим комплекс, который обеспечивал среду обитания, хозяйственную самостоятельность семьи, связанной с промыслами, земледелием и скотоводством. В набор строений подворий входят: амбары, стойла, навесы, обмолоточные и сушильные глинобитные площадки и др. Кроме того, они служили местом складирования и переработки продуктов, принадлежавших семье. Подворья, как хозяйственные подразделения с площадью от 250 до 450 м², маркируют горизонты хазарского времени на селище у с. Давыдо-Никольское на Северском Донце. Площадь раскрытия к 2013 г. составила более 4000 м². В этом пространстве изучено 6 подворий. Их центральным звеном являлись постройки хозяйственного назначения площадью 25–35 м². На незадействованных под строения пространствах обычно находилось 3–4 (до 10) хозяйственных ям, глинобитные площадки, площадки-вымостки, на которых выявлены кострища, ямы для выжигания древесного угля, святилища.

Палеоботанические образцы из ям степных селищ праболгар свидетельствуют о культивировании проса, ячменя, овса; заметно меньший процент составляет пшеница (Пашкевич, Горбаненко 2002. С. 133–146). Следовательно, земледелие праболгар в определенной степени было направлено на потребности животноводства, в частности коневодства: ячмень и овес принято относить к фуражным культурам.

Хранение зерна осуществляли четырьмя способами: 1) в ямах, обустроенных внутри построек, обычно в жилищах; 2) на территории дворов, за пределами строений, в ямах с навесами над ними; 3) на чердачных пространствах; 4) в корчагах, установленных

в постройках-хлевах. Однако хлев в хозяйственной практике населения – не только складское помещение, но и стойло для скота как в зимний, так и в летний период. Судя по размещению стойл у жилых построек либо на подворьях, их следует относить к числу строений, обеспечивавших содержание скота, принадлежавшего одной семье. Загонов и построек, рассчитанных на содержание значительного поголовья, проследить не удастся.

Коллективный уклад в сельских общинах прослеживается лишь по амбарам – строениям, предназначенным для хранения значительных объемов зерна. Их размещали на свободных участках, но непременно в черте селищ. Количество ям средних (2–3 м³) и крупных (5–7 м³) объемов в такой постройке от 4 до 10; следовательно, их суммарный объем составлял от 12 до 30–35 м³ и более. Масса зерна, необходимого для заполнения ямы с объемом 5–6 м³, с учетом того, что 1 м³ вмещает ок. 750–770 кг, могла составлять 3,5–5 тыс. кг. Амбарные комплексы, состоявшие из 4–6 и более ям, при одновременном их заполнении сосредотачивали бы 15–20 тонн зерна. Ямы меньших объемов (1–1,5 м³) обычны в жилищах, в пристройках к ним, т.е. во дворах и подворьях. Суммарная масса одновременного заполнения могла составить от 3 до 4 тыс. кг – примерно столько зерна необходимо для обеспечения семьи из 6–8 человек на период полеводческого межсезонья (Красильникова 2003. С. 73–84).

Амбарные системы складирования зерна являются индикатором организации его сбора и хранения до отправки в хазарские центры (например, в Саркел). Сбор зерна и его временное складирование, вероятнее всего, осуществляли крупные селища – центры, обозначенные хазарами. Вряд ли фискальная служба каганата обременяла себя действиями по взиманию повинностей из каждого отдельно взятого поселения. Методом сбора могла быть «круговая порука», распространяемая на население конкретного селища и обитателей окрестных поселков сельских общин в пределах так называемых «потенциально ресурсных земледелию приселищных зон» (Колода, Горбаненко 2010. С. 61, 77, 94 и др.).

Итак, дань была в известной мере связана с потребностями фуражного обеспечения конных военных контингентов. Хазарский каганат, видимо, не мог самостоятельно в необходимом объеме обеспечить себя продуктами питания и фуражом для кон-

ницы, составлявшей ядро его вооруженных сил, и нуждался в постоянных их поступлениях в виде дани с населения подвластных территорий. Соответственно, дань являлась одной из регулярных и стабильных статей экономики хазар. В таком случае даже хозяйственно развитые регионы степного Подонцовья вряд ли пребывали в достатке, т.к. основная масса продукта в виде дани уходила на обеспечение той части населения Хазарии, которая состояла на службе.

Литература

- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Гиппиус А.А. К хазарской дани // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011.
- Калинина Т.М. Три стадии существования и падения Хазарского каганата // Хазары: Миф и история. М.; Иерусалим, 2010.
- Колода ВВ., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев, 2010.
- Красильникова Л.И. Некоторые аспекты моделирования салтовской семьи VIII – начала X в. по жилищам из степного Подонцовья // Вісник Луганського держ. пед. ун-ту. 2003. № 6 (62).
- Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. М.; Л., 1958. № 62.
- Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А. К вопросу о земледелии племен салтовской культуры по материалам пос. Роголик // Історична наука: проблеми розвитку. Луганськ, 2002.
- Петрухин В.Я. Славянские данники хазар: К истории Восточной Европы в IX веке // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж, 2008.
- Плетнёва С.А. Хазары. М., 1976.

А.А. Кузнецов

ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В ОТНОШЕНИЯХ ВЛАДИМИРСКИХ КНЯЗЕЙ С МОРДВОЙ И ЕМЬЮ В 1220-е годы

Текстологический разбор сведений «Повести временных лет» (ПВЛ) о финно-угорских племенах-данниках Руси, позволил осветить в их числе чудь, мерю, мурому, весь (Петрухин 2012.

С. 214). Таким образом, из числа данников выводится ряд племен, в том числе мордва и емь. Анализ сведений о мордве в русских летописях в XI–XIV вв. показывает, что она упоминалась исключительно в конфликтном контексте отношений с Русью и русскими княжествами (Кузнецов 2012. С. 158–160).

Подобное можно сказать и о еми. В 1042 г. Владимир Ярославич совершил победоносный поход на емь (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 153–154; Т. 2. Стб. 141–142; Т. 3. С. 16). В 1123 г. Всеволод Мстиславич с новгородцами в великий пост успешно «ходи... на Емь» (Там же. Т. 3. С. 21, 205). В 1142 г. емь напала на новгородскую волость, но была избита ладожанами: участники нападения потеряли 400 человек. На следующий год карелы, дружественные Новгороду, совершили поход на емь (Там же. С. 26–27, 212–213). В 1149 г. емь с водью приходила ратью, но новгородцы «идоша по нихъ, и не упустиша ни мужа» (Там же. С. 28, 205). В 1186 г. на емь был совершен рейд «молodyцей» Вышаты Васильевича, завершившийся приводом большого полона (Там же. С. 38, 228). В 1190 г. новгородцы «с корелюю» напали на емь, повоевали и пожгли их землю, «исекоша» скот (Там же. С. 39, 230).

Ярослав Всеволодич и новгородцы в 1226/27 г. разорили земли еми за морем, привели большой полон (Там же. Т. 1. Стб. 449; Т. 3. 65, 270). Если Новгородская I летопись (НПЛ) фиксировала, что Ярослав с новгородцами повоевали всю землю еми, привели бесчисленный полон, то Лаврентьевская летопись (Лавр.) сделала акцент на том, что поход был совершен туда, «где же ни единъ от князей Руских не возможе бывати», что пленных было так много, что русские дружинники часть их посекали, но еще больше отпустили обратно. Действительно, это был беспрецедентный поход и для Новгорода.

В конце июля или уже в августе 1228 г. «придоша Емь воевать в Ладозское озеро в лодкахъ». Ладожане во главе с посадником Володиславом, не дожидаясь новгородцев, в лодьях устремились на врага. Емь была настигнута у Олонца, и с ней развернулось сражение на берегу и «исадах». С наступлением темноты воюющие разошлись: емь обосновалась на берегу с полоном, а новгородцы – в островах у Олонца. Ночью емь запросила мира, но посадник с ладожанами ответили отказом. Тогда налетчики уничтожили полон, бросили лодки и устремились в леса. При отступ-

лении ладожане побили многих спешившихся емян. Пробиравшихся лесами емян избивали ижоряне, вылавливали и уничтожали карелы. О масштабах набега и его разгрома свидетельствует число пришедших разбойников – 2000 (летопись говорит о них: «а то все мертво»).

В Новгороде о приходе еми узнали на Спасов день. Новгородцы с Ярославом через Ладожское озеро ушли в Неву. Расчет князя и новгородцев строился на том, что емь, придя на лодках, не будет их бросать, и при любом исходе акции ладожан будет уходить по Неве. Поэтому-то она и была блокирована. Однако, как следствие успеха рати Володислава, Ярослав Всеволодич с новгородцами зря прождали и врага, и ладожан (ПСРЛ. Т. 3. С. 65, 270–271).

В 1240 г. шведы вошли в Неву вместе с емью (Там же. С. 77, 291), и свой первый полководческий подвиг совершил Александр Ярославич. В 1256 г. он во главе суздальцев и новгородцев ходил на емь и вернулся с большим полоном (Там же. Т. 1. Стб. 474). НПЛ более подробно сообщает о событии. Шведы, емь, сумь начали возводить город на Нарове. Новгородцы, узнав об этом, направили просьбу о помощи «на Низь» и стали готовить полки. Явившиеся князь с дружиной и новгородцами, преодолевая трудности дороги, направились в земли еми, «овыхъ избиша, а другихъ изымаша» (Там же. Т. 3. С. 81, 308–309). В 1292 г. новгородцы повоевали землю еми (Там же. С. 327).

Все летописные упоминания еми в XI–XIII вв., подобно сведениям о мордве, исключительно конфликтны. Представленные в массиве они не позволяют говорить о даннической зависимости еми от Руси и Новгорода. Это подкрепляет тезис В.Я. Петрухина о том, что сообщение ПВЛ не подразумевает еми в числе данников Руси.

В изучении летописных сообщений о мордве и еми, несмотря на их географическую разнесенность, есть общий момент. Это период 1220-х годов, когда активными участниками отношений с мордвой и емью с русской стороны выступали владимирские князья. До этого времени мордва зафиксирована летописями под 1104 г. (нападение на Муром) и под 1183 г. (Всеволод Большое Гнездо, возвращаясь из похода на Булгарию, «коней пусти на мордву»). А вот конфликты с емью, в которых принимали уча-

стие владимирские князья в 1220-е годы, «встраиваются» в контекст предшествующих и последующих отношений Новгорода и правивших там князей с этим финским племенем.

Первое столкновение владимирских князей с мордвой произошло в 1226/27 г., когда владимирский князь Георгий (Юрий) Всеволодич направил братьев Ивана и Святослава на мордву. Во время этого победоносного похода «взяста неколико сель» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449). Та же Лавр. в той же годовой статье отмечает поход Ярослава Всеволодича на емь, когда было взято столь много полона, что он сдерживал движение. Поэтому-то полон частично посекали, а многих отпустили.

Зимой 1228/29 г. в большом рейде на мордву был взят полон, пожжены и потравлены жита (зимой?) и избит скот. С определенными оговорками можно отметить, что в данном случае в Лавр. применена формула, встречающаяся при описании похода на емь в 1190 г. в НПЛ. В описании набега еми на Ладожское побережье в августе 1228 г. фигурировал русский полон.

В сложных, боевых отношениях владимирских князей с финскими племенами на северо-западе и северо-востоке Руси в 1220-е годы прослеживается экономическая подоплека. При этом владимирские князья, находившиеся на новгородском столе, продолжали политику предшественников и собственно Новгорода по отношению к еми. Смысл этой политики заключался в захвате полона и, очевидно, грабеже. Вопрос о «рентабельности» акций против еми затронут в описании похода Всеволода Мстиславича в 1123 г. Летописец отметил, что, несмотря на победу, «лють баше путь, оже купляху по ногате хлебъ». Устойчивый грабительский характер действий против еми и «симметричные» по средствам ее ответы свидетельствуют о том, что это финское племя не находилось в даннической зависимости от Руси. Данный вывод противоречит гипотезе И.П. Шаскольского о политической зависимости еми от Новгорода и выплате ему дани (Шаскольский 1978. С. 22–29). Приведенные выше факты и их интерпретация позволяют считать, что силовые акции против еми имели более примитивную и архаическую экономическую основу.

Владимирские князья в 1220-е годы следовали этой традиции. При этом в их практиках наблюдаются новации по сравнению с предшественниками. Речь идет о крещении карел тем же Яросла-

вом в 1229 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449). Однако крещение было обусловлено, по-видимому, экспансией шведов в Финляндии. Косвенным подтверждением этому является то, что позднее емь действует против Новгорода вместе со шведами.

На экономический подтекст столкновений владимирских князей с мордвой в 1220-е годы также указывает захват полона. Неслучайно и то, что конфликты с мордвой начались сразу после основания Нижнего Новгорода в 1221 г. Град в устье Оки стал опорным пунктом для грабежа мордвы. Но и в данном случае наблюдаются признаки военно-дипломатических практик. В боях с Пургасом в 1228–1229 гг. существенную помощь оказал сын Пуреша, ротника владимирского князя. Этот факт объясним тем, что заключение договора с Пурешем могло быть обусловлено желанием обезопасить Нижний Новгород как военный центр грабежа от похода объединенных сил мордовских племен.

Таким образом, в военных практиках владимирских князей в 1220-е годы в Поволжье и на северо-западе Руси главной целью определяются полон и грабеж. Примечательно и то, что походы владимирских князей на мордву и емь в 1220-е годы соседствуют по времени. Иначе говоря, война для владимирских Рюриковичей была экономическим предприятием и предопределяла многие политические действия. Наблюдения Е.А. Мельниковой, касающиеся военно-торговой экономики древнерусской элиты X в. (Мельникова 2012. С. 181–186), можно распространить и на действия владимирских князей в 1220-е годы против финских племен.

При этом надо оговорить, что такая примитивная военно-экономическая деятельность предпринималась против конкретных финских племен и сочеталась с более развитыми военно-политическими практиками владимирских князей в отношениях с Волжской Булгарией, Швецией и военно-духовными орденами в Прибалтике. Другими словами, архаическая модель грабежа применялась правителями Владимирского княжества и Новгорода по отношению к племенам, находившимся на более низкой ступени социально-экономического развития.

Литература

Кузнецов А.А. О расселении мордвы в X–XIV вв. по данным летописей (постановка проблемы) // ВЕДС-XXIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 157–161.

- Мельникова Е.А.* «Дружиною налѣзу сребро и злато»: военно-торговая экономика древнерусской элиты X в. // Там же. С. 181–188.
- Петрухин В.Я.* Финские племена и призвание варягов // Там же. С. 211–216.
- Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестовоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

А.В. Кузьмин

О ПРИЧИНЕ ПРИЕЗДА ИТАЛЬЯНСКИХ КУПЦОВ В КИЕВ В 1246 г.

Экономическая жизнь Киевской земли в период установления ордынского ига до сих пор не ясна. Исследователи часто вынуждены констатировать, что «социально-экономическую историю и право отдельных русских земель в XIII–XIV вв. приходится подчас изучать по единичным, случайно дошедшим до нас памятникам» (Гапоненко 1963. С. 128). В связи с этим важную роль приобретают отчеты иностранных послов в Монголию, которые в середине XIII в. проезжали через земли Южной Руси. В какой-то степени эти источники компенсируют недостаток сведений о Среднем Поднепровье, имеющих в древнерусских летописях и поучениях епископа Серапиона Владимирского.

Карпини упоминает, что в 1246 г. он застал в Киеве купцов из Акры, Константинополя, Венеции, Генуи, Пизы и других городов Южной и Восточной Европы. Причин их пребывания в городе папский посол не раскрывает (Плано Карпини 1997. С. 84). Исследователи, как правило, неконкретно отмечают, что в этом случае в Киев купцов привели торговые интересы. Они обращают внимание на то, что базой итальянцев была Пера в Константинополе, столице Латинской империи, а также что на Русь они попали через земли Орды (Коновалова 1989. С. 302–303). Первоначально маршрут итальянских купцов в Киев и Поднепровье проходил, по-видимому, через Болгарию и Подунавье. На этот маршрут косвенно указывают появившиеся в XIII в. колонии купцов из Дубровника, Генуи, Венеции и Пизы в Великом Тырнове (Kaczmarczyk 1970. S. 276–277).

Учитывая катастрофические последствия разгрома торговых и ремесленных центров Среднего Поднепровья в 1238–1241 гг.,

можно полагать, что в 1246 г. европейских купцов, в условиях отсутствия здесь высококачественных изделий и предметов роскоши, сделанных руками местных мастеров, интересовали другие предметы быта и потребления. Ими могли стать злаки, пушнина, кожа, мед, шерсть, ткани и воск. По крайней мере, в XIII–XV вв. именно такой перечень товаров вывозился генуэзскими купцами из Матреги и Западного Кавказа (Зевакин, Пенчко 1938. С. 79–80). В это время на рынках за русскими мехами охотились и купцы из Венеции (Хорошкевич 1963. С. 119).

Помимо этого, одной из важных статей дохода североитальянских купцов в Причерноморье в XIII–XV вв. стала работорговля. Этим доходным делом в Восточной Европе начиная с XIII в. занимались купцы из Венеции, Пизы и особенно – Генуи (Ле Гофф. С. 27). Еще в конце XII в. они получили торговые привилегии в Византии (Курбатов 1984. С. 149). Из Восточной Европы и Кавказа итальянские дельцы поставляли рабов в Египет, Сирию и Палестину, а с конца XIII в. – и в Западную Европу (Лучицкий 1886. С. 12–15, 21–22, 24, 47, 48; и др.). Важно отметить, что купцов именно из этих городов встретил в Киеве Карпини, о чем позднее он упомянул в своем отчете.

В XIII в. в Причерноморье рынки для работорговли итальянские купцы организовали в Каффе (Феодосии), Азаке (Тане), Себастополисе (Сухум) и Копе (Локопе, Копарио) (Лучицкий 1886. С. 12, 14; Зевакин, Пенчко 1938. С. 76–77, 82, 91–93; Фомичев 1994. С. 12–13). Именно здесь они получали наибольшую прибыль. Существовавший рынок славянских рабов в Боснии, главным центром которого была Рагуза, конкурировать по объемам продаж с аналогичными рынками Северного Причерноморья не мог. Конкуренцию между рабовладельческими рынками Боснии и Северного Причерноморья ограничивали два важных фактора: во-первых, товар, реализуемый в Крыму, на Кавказе и в Орде, был дешевле; во-вторых, демографические возможности Боснии были весьма скромными. Они не могли соперничать с людскими ресурсами, которые контролировали власти южных улусов Орды (Olendzki 1988. S. 57–82).

И.Г. Коновалова пишет: «Сведения о контактах итальянского купечества с Северным Причерноморьем в документах первой половины XIII в. единичны. Это не позволяет говорить о наличии

значительных торговых интересов у итальянцев на северо-западном берегу Черного моря до середины XIII в.

Лишь после 1261 г., когда Генуэзская республика согласно договору с Византией получила монопольное право на торговлю в бассейне Черного моря, у итальянских купцов начинают формироваться устойчивые торговые интересы в Северо-Западном Причерноморье, так что к концу XIII в. можно уже видеть определенные результаты их предпринимательской деятельности в этом районе» (Коновалова 1989. С. 303; см. также: Зевакин, Пенчко 1938. С. 72–98; Городенко 2003. С. 46–47; и др.). Вслед за купцами в этом регионе Европы при поддержке папства возникают миссии доминиканцев (Abraham 1904. S. 176–178). Кроме того, развитию международной торговли в Черноморском регионе способствовало образование государства Ильханов в Иране, дружба с которым открыла Трапезунду и итальянским купцам доступ к товарам из Индии и Китая (Пономарёв 2010. С. 22, 26).

Итак, появление в Киеве группы европейских купцов, специализировавшихся на международной работорговле, по-видимому, было вызвано какой-то особой ситуацией, сложившейся в Среднем Поднепровье в 1246 г. На это косвенно указывает и Карпини, отмечая, что к моменту его приезда в Киев присланный «из партии Куйюк-хана и Бату» «сарацин» уже пересчитал население Южной Руси. Этот чиновник в ранге наместника (баскака) «у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством». При этом «сарацин», «согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле... “дохорь”, и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба» (Плано Карпини 1997. С. 58–59).

По мнению А.Н. Насонова, в этом «сарацине» следует видеть мусульманского купца (Насонов 1940. С. 11–12). Оказавшиеся в

1246 г. купцы из Северной Италии также не были новичками в торговле. Местный рынок был давно известен купцам из Европы и мусульманского Востока, тем более что ранее Южная Русь славилась как один из центров продажи и транзита рабов в Восточной Европе (Дробинский 1948. С. 106–107; Монгайт 1959. С. 176–177). Тем же промыслом в XIII в. нередко занимались и литовские князья (Пашуто 1947. С. 80).

Во владениях Батыя схожие действия были предприняты в отношении не только Руси, но и других подчиненных стран. По наблюдениям А.Ю. Якубовского, в середине XIII в. Батый «создал аппарат для взимания разных феодальных повинностей и податей с земледельческого и кочевого населения, а также с ремесленников и купцов в городах Крыма, Булгара, Поволжья, Хорезма и Северного Кавказа» (Греков, Якубовский 1998. С. 60).

В связи со сведениями Карпини не исключено, что одним из товаров, заинтересовавших купцов, могла стать та часть населения Руси, которая не смогла рассчитаться за ордынский «выход». На наш взгляд, только эта причина может объяснить появление многочисленных итальянских купцов в разоренном Киеве в 1246 г.

Продажа в рабство за долги соответствовала нормам Пространной редакции Русской Правды. В середине XII в. на распространение этой практики на Руси указывал арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати ал-Андалуси (Монгайт 1959. С. 179–180; Мавродин 1962. С. 72). Согласно статьям Пространной Правды, за нарушение сроков возврата долга накладывался штраф на имущество нарушителя. Ал-Гарнати сообщает: «В случае, если он ничего не имеет, то продают его сына, дочь или жену (взамен) за это преступление. Если он никакой семьи или детей не имеет, то продают его самого. Он не перестает служить тому, у кого он остается до самой смерти или пока не выплатит сумму, за которую он продан. Ни в коем случае не засчитывается в его стоимость то, что он сделал за время службы у своего господина... Если мусульманин с кем-нибудь из них имеет дело и славянин обанкротится [задолжает ему], то он продает своих детей или дом и купец получит свой долг» (цит. по: Монгайт 1959. С. 179).

В 1246 г. действия «сарацина» по уводу населения отражали не только экономическое, но и политическое угнетение княжеств Южной Руси. В этом был заинтересован монгольский хан Гуюк.

Действия его чиновников ослабляли людские ресурсы как Руси, так и фактически улуса Джучи. Нельзя не учитывать, что «в кочевом государстве, улусе, люди в известном смысле были значимее территории, и поэтому увод, уход, гибель людей означали развал, гибель улуса» (Кычанов 2002. С. 368–369). Поэтому неудивительно, что в третьей четверти XIII в. правители улуса Джучи взяли курс на независимость от правителей Каракорума.

Литература

- Гапоненко Л.С. Положение крестьян Юго-Западной Руси по Вислицкому статуту // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. ст. к 70-летию М.Н. Тихомирова. М., 1963.
- Городенко А.П. Развитие Северо-Западного Причерноморья в свете торговли итальянских городов (конец XIII – XIV вв.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: резюме докл. XI междунар. науч. конф. Ростов-н/Д, 2003.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.
- Дробинский А.И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // ИЗ. 1948. Т. 26.
- Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // ИЗ. 1938. Т. 3.
- Коновалова И.Г. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. // ДГ, 1987 г. М., 1989.
- Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.
- Кычанов Е.И. Монголия в первой половине XII в. // История Востока. В 6 т. М., 2002. Т. 2.
- Ле Гофф Ж. Средневековые и деньги: очерк исторической антропологии. СПб., 2010.
- Лучицкий И. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886.
- Мавродин В.В. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси // История СССР. 1962. № 1.
- Монгайт А.Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 1.
- Насонов А.Н. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.
- Пашуто В.Т. Хозяйство и техника средневековой Литвы // ВИ. 1947. № 8.
- Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. М., 1997.
- Пономарёв А.Л. Денежная политика Трапезундской империи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2010. № 2.

- Фомичев Н.М.* Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака-Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории Азова. Азов, 1994. Вып. 2.
- Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963.
- Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904. T. 1.
- Kaczmarczyk Zdz.* Początki prawa miejskiego na Słowiańszczyźnie // Europa – Słowiańszczyzna – Polska: Studia ku uczczeniu profesora K. Tymienieckiego // Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Prace Wydziału Filozoficzno-Historycznego. Seria Historia. Poznań, 1970. N 36.
- Olendzki K.* Handel niewolnikami bośniackimi w XIII i XIV w. // Kwartalnik historyczny. Warszawa, 1988. Roc. 95, N 2.

В.А. Кучкин

КРЕДИТОВАНИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В 1934 г. в работе о феодальных отношениях в Киевской Руси, вышедшей в 72 выпуске «Известий ГАИМК», Б.Д. Греков напечатал в приложении несколько документов. Документы были извлечены из архива Иосифо-Волоколамского монастыря и ко времени, которому было посвящено исследование ученого, отношения не имели. Но сведения эти источники содержали редкие и ценные. Последним Греков опубликовал «“Приговор” старца Волоколамского монастыря Мисаила Безнина по совету игумена Васьяна и соборных старцев об условиях выдачи монастырским крестьянам и посадским людям в долг денег», датированный 2 марта 1595 г. «Приговор» содержал пересказ челобитной «крестьян торговых людей и всяких промыслеников» Осташковской слободы, принадлежавшей Иосифо-Волоколамскому монастырю. Челобитчики жаловались на то, что у них нет денег, чтобы успешно промышлять в Осташкове. Займодавцы «емлют на полтину по 2 д. на неделю; а то милостиво чинят, что на рубль емлют по 2 д. на неделю; а прямого росту сойдет на год на пять шестой на рубль две гривны, а оне емлют на год на рубль по 17 алт. по 4 д.». Из-за высоких процентов на заемные деньги промыслы у осташковцев перестали развиваться, поскольку люди «что ни приторгуют, то росту заплатят». Поэтому осташковцы просили

М. Безнина «их пожаловати, велети им давати взаймы монастырские деньги и рост имати ежегодь по уложению государеву на пять шестой». При таких условиях «каторые люди розбрелися из Осташкова от войны от литовские и от голоду, и те деи люди, сведав то, что деньги взаймы дают, а рост емлют премой на пять шестой, опять придут в Осташкова для промыслов, и иные люди к тому придут». Жители Осташковской слободы просили монастырские власти следовать закону о взимании роста на пять шестой, т.е. 20% с заемной суммы, о чем говорила ст. 23 Судебника 1589 г., и восставали против местных ростовщиков, дававших кредиты за 53% годовых (из расчета 2 д. за 1 рубль в 1 неделю займа; 17 алт. 4 д. = 106 деньгам при 200-денежном 1 рубле в XVI в.), а в особых случаях – 106% годовых (из расчета 2 д. за полтину в 1 неделю займа).

Можно представить себе удивление, а, возможно, и неподдельное изумление челобитчиков, когда старец Мисаил Безнин не только согласился на их просьбу, но и «велел имати на рубль вполы рост гривна», т.е. уменьшил процент с заемных денег вдвое, с 20%, установленных законом, до 10%. «И в том, – утверждали монастырские власти, – во обоем будет прибыли: крестьяном будет промыслы великие, а монастырю будут прибыли великие». Насколько возросли промыслы осташковских крестьян, нам неизвестно, но за счет чего должны были появиться «прибыли великие» Иосифо-Волоколамского монастыря, раскрывается в «Приговоре» старца Мисаила. Безнин предложил брать с кредитуемых рост не после выдачи им кредита, а до него. На практике это выглядело следующим образом. В заемную кабалу, которую давал кредитуемый кредитору, вписывалась определенная сумма, но на деле кредитуемый получал 90% этой суммы. 10% сразу же забирал себе кредитор. Эти 10% он вновь давал в долг, забирал себе 10% с новой отданной суммы и их снова пускал в оборот. Так продолжалось, пока не иссякали предназначенные для кредитования деньги. Благодаря такой операции начальная кредитная сумма сразу же возрастала и с течением времени продолжала увеличиваться за счет уплаты кредитуемыми не простых, а сложных процентов. М. Безнин сделал расчеты и показал, что при таких условиях исходные 500 рублей, которые монастырские власти

решили раздать займы в 1595 г., через 5 лет должны увеличиться до 846 руб. 22 алт. и 4 д., а через 10 лет – до 1433 руб. 22 алт. 3 д.

Ценность опубликованных в 1934 г. Б.Д. Грековым материалов заключалась не только в том, что они в определенной степени характеризовали положение с кредитными операциями в Русском государстве конца XVI в., но и в том, что они указывали на влияние таких операций на развитие экономики, осуществлявшееся рядовыми исполнителями, в том числе и непосредственными производителями. Материалы эти помогают лучше понять и некоторые аспекты кредитования в более ранние периоды истории Руси. Источников же этих периодов, содержащих сведения о кредитовании, очень мало. Такие сведения сохранились лишь в памятниках законодательства и актовом материале. Последний к настоящему времени значительно пополнился за счет обнаруженных археологами берестяных грамот. И хотя такие грамоты в своем большинстве имеют утраты текста, даже сохранность на письме отдельных терминов, связанных с кредитованием, таких, как исто (сумма, взятая в долг), нам или рост (процент на исто), рез (выплата кредитору части иста и нама), наклад (прибыль от кредитования), позволяют говорить о распространении ссудных операций в определенные отрезки времени и в разных местах.

Кажется, древнейшим документом, свидетельствующим о кредитных операциях на Руси, является новгородская берестяная грамота № 526. Она датируется 1034–1066 гг. В грамоте указаны «гривна истинѣ», «гривна съ намы», что ясно свидетельствует о ссуде денег. По именам названо 12 должников. Перечислено пять географических точек, где жили эти должники: Руса (дважды), Луга, Шелонь, Селигер, Дубровна (верховье р. Удохи). Преобладание в этом списке названий водных объектов наталкивает на мысль, что речь в грамоте идет об обустройстве рыбных тонь, на что и выделялись определенные суммы. Значительное рассредоточение объектов может свидетельствовать о том, что обустройство велось в княжеском хозяйстве и кредитовалось князем.

Любопытно краткое послание 1051–1075 гг. Рожнета к Константину (грамота № 915). Последний одолжил у слуги Рожнета гривну, но не вернул. Рожнет требовал возврата долга, а если «не присълеши, то ти въ полы», т.е. предлагал рассматривать гривну как ссуду под 50%.

Ряд статей, касавшихся лиц, дававших и бравших кредиты, помещен в «Уставе Володимерь Всеволодича» (Мономаха). Это часть Пространной редакции Русской Правды, ее статьи 53–66. Устав появился после киевского восстания 17–20 апреля 1113 г., направленного против взимания грабительских процентов при займах. Устав, возможно, был введен в действие уже в конце апреля 1113 г. Ст. 1 Устава (ст. 53 Пространной Правды) постановляла, что кредиторы имеют право брать 10 кун с гривны. В первой половине XI в. гривна состояла из 25 кун, но во второй половине XI в. – из 50 кун. 10 кун роста (нама) с исто в 50 кун (гривны) составляли 20%, т.е. на пять шестой – норма, фигурировавшая в Судебнике 1589 г. и в «Приговоре» 1595 г. старца М. Безнина. Та же статья Устава запрещала брать с кредитуемых резы более трех раз, если ставка кредита превышала 20%. Помимо размеров нама, что характеризовало запросы кредиторов, Устав определял права и обязанности лиц, бравших ссуды. Они делились на купцов (торговцев) и закупов. Купцы могли потерять заемные деньги в результате стихийных бедствий или войны. В таком случае они выплачивали свои долги без процентов. Если купец лишился ссуды по собственной вине, то он обязан был вернуть ее, а в случае невозвращения мог быть продан в рабство (холопство). Положение закупа было более сложным. Устав разбирал случаи, когда закуп жил во дворе кредитора, пахал на него пашню, пас его скот и мог нанести ущерб его хозяйству. За ущерб Устав определял наказания. Закон ограничивал также права закупа, не признавая его полноценным свидетелем. Возможно, впрочем, что такие ограничения были временными и связаны только с пребыванием закупа в доме кредитора. Но важно подчеркнуть, что кредитование приводило к работе закупа на лицо, ссудившее ему деньги.

Состояние кредитования после принятия Устава приобретает конкретные черты при обращении к берестяным грамотам. Одна из них, датируемая 10–30-ми годами XII в. (№ 736а) сообщает, что Иван запрашивал своего адресата: «Аже то [н]амъ възяле еси Павльовъ?». Вопреки А.А. Зализняку следует полагать, что Павел был тем лицом, который должен был заплатить проценты за ссуду. Он жил там, куда поехал для получения нама названный в грамоте Дристин. Выплата не состоялась. Павла на месте не бы-

ло. Можно думать, что он был на промысле. В таком случае мы снова сталкиваемся с фактом кредитования промысловика.

Другая грамота того же времени (№ 336) сообщает, что Петр «оу Даныши заяль есмь 2 2 сročька въ 5-ть сročькъ». Считается, что речь в грамоте идет о сборе налога, но это запись о займе. Даныша дал Петру 4 сорочка, за которые должен был получить 5 сорочков. Рост составлял 20%, как и требовал Устав Владимира Мономаха. Сам Даныша поступал как М. Безнин: при ссуде он сразу удерживал у себя проценты.

Грамота № 677 (40-е – середина 90-х годов XII в.) упоминает исто, без каких-либо деталей свидетельствуя о кредитной операции. Грамоты № 227, 296 (обе 60–90-х годов XII в.), 114 (конец XII в. – первая четверть XIII в.) указывают на то, что займы брались и у родственников: матери, брата, дяди (уика). Грамоты № 516 и 509 (50–70-е годы XII в.) содержат перечни отдельных заимщиков-должников, живших в разных местах. По грамоте № 509 сборщику недоимок предписывалось взять у некоего Владислава «10 коунъ истинь, а 5 коунъ намомъ; не въдале дъвоихъ намъ». За 2 года Владислав должен был выплатить 50% роста. В таком случае или исходный нам составлял 25% вместо обычных 20% годовых, или кредитор за первый год брал стандартные 20%, но через год из-за задержки выплат брал рост не с 10, а уже с 12 гривен (как в XVI в. поступал М. Безнин), и брал не 20%, а 25%. Любопытное решение кредитора сохранила грамота № 665 (середина 50-х – середина 90-х годов XII в.). Доброшка извещал Ратшу, что указанное последним жито (ячмень) ценою в 3 гривны «т(о есь)[м]о поворотилъ во намъ», т.е. проценты на ссуду Доброшка стал считать не в деньгах, а в зерне.

Замена денег продуктами при даче кредита прослеживается и по грамотам XIII в. В грамоте № 61 (1234–1266 гг.) сообщалось, что займы были взяты 25 гривен серебра и 10 пудов меда сроком на 3 года. В грамоте № 293 тех же годов предписывалось взять нам с 19 гривен по 7 двойных резан с гривны и полученные «5 гривнь и 8 кунъ» отдать нужным лицам. При публикации грамоты А.А. Зализняк посчитал, что 1 резана равнялась 0,5 куны, или 1 куна – 2 резанам, а 1 гривна – 25 кунам (50 резанам). При таком соотношении нам в 7 двойных резан (7 кун) с 19 гривен должен был составить 133 куны, или 5 гривен 8 кун, как и указано в гра-

моте. Но 7 кун нама с 1 гривны составляет 28%, а не 20%, что и отмечает Зализняк. Если расчеты, произведенные им, верны (сомнение вызывает наличие во второй трети XIII в. в 1 гривне 25 кун, или 50 резан, как было в первой половине XI в.), то из них следует, что в первые десятилетия татаро-монгольского господства русская денежная система была деформирована, а проценты на взятые займы средства возросли почти в полтора раза. Бесспорным же выводом из рассмотренных материалов является то, что уже в домонгольское время на Руси были выработаны те основные принципы кредитования, которых придерживались и в Русском государстве XVI в.

Е.В. Литовских

«ПРЕСТИЖНЫЕ» ВЕЩИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАНДИИ: СИМВОЛЫ БОГАТСТВА В РОДОВЫХ САГАХ

Применительно к докапиталистическим (родовым и средневековым) обществам в среде антропологов широко распространено понятие «престижной экономики» как особой системы циркуляции избыточного продукта (подробнее о данном явлении и терминологии см.: Malinowski 1922; Мосс 1996). Поскольку данная тема очень обширна, мы остановимся лишь на одном ее аспекте: вещах, служащих маркерами богатства, и используем для этого родовые саги – группу источников, отражающих, в первую очередь, именно представления средневековых исландцев о своем обществе.

На основании «Книги о занятии земли» и археологических данных среди первопоселенцев можно выделить следующие социальные группы: выходцы из правящих слоев (херсиры, хёвдинги, ярлы – им, в силу своеобразия источника, уделяется наибольшее внимание), бонды, домочадцы и рабы (см. также: Jón Jóhannesson 1974. P. 23).

Большую роль в переселении на остров сыграли экономические причины и, в первую очередь, хозяйственный кризис в Норвегии, вызвавший необходимость искать новые земли (Ibid.

Р. 16). Следовательно, центральной фигурой переселения был бонд. Большинство исландских первопоселенцев были независимыми свободными землевладельцами, происходившими из обществ со смешанной сельскохозяйственно-морской экономикой (Byock 2001. Р. 44–48).

Джесси Байок полагает, что в первое десятилетие после заселения Исландии произошел процесс имущественного и социального выравнивания: исландцы отказались от аристократии как замкнутого привилегированного социального слоя. Тем самым древнеисландское общество представляет собой, по мнению Байока, результат упрощения скандинавских социальных и экономических структур (Ibid. Р. 119–149).

Таким образом, основные члены средневекового исландского общества были относительно равны по социальному статусу и могли выделиться только по своему имущественному положению. Это приводило к тому, что в обществе появлялись особые маркеры привилегированного положения, в первую очередь, экономического.

Типичным показателем богатства в большинстве своем служили вещи, которых у кого-либо было больше, чем у других. Поскольку жители Исландии в XII–XIII вв. занимались по преимуществу скотоводством, символами благосостояния были, как правило, размеры овечьего стада (Landn. Kap. 14. Bls. 39; Laxd. Kap. 32. Bls. 320; Hrafnk. Kap. 5. Bls. 141). В источниках богатые люди владеют также быками (исключительный случай – стадо в 240 голов: Landn. viðauki 6. Bls. 241; Laxd. Kap. 32. Bls. 319; среди них упоминаются выдающиеся животные: корова Бронька – Landn. Kap. 14. Bls. 39; бык Харри – Laxd. Kap. 31. Bls. 318) и рыболовными угодьями (Landn. Kap. 2. Bls. 26, Kap. 16. Bls. 41).

На раннем этапе заселения Исландии в качестве показателя богатства выступали еще и стада свиней (Landn. Kap. 57. Bls. 133, Landn. Kap. 66. Bls. 155) – животных, быстро исчезнувших из перечня широко разводимых видов скота как непригодных в исландских климатических условиях, – в родовых сагах они уже отсутствуют, упоминания о свиньях сохраняются лишь в топонимах. Однако в «Книге о занятии земли» при описании богатств Геймунда Адская Кожа среди прочего говорится, что «его свиньи паслись на Свином Мысе, овцы – на Пастушьем Мысе, а

рыбу он ловил на Гарпуне» (svín hans gengi á Svínanesi, en sauðir á Hjarðarnesi, en hann hafði selför í Bitru. – Landn. Kap. 41. Bls. 93).

Превыше всего из скота в средневековой Исландии ценились племенные лошади. Они были не только основным транспортным средством исландцев, но и участвовали в конских боях, могли стать предметом распри или послужить щедрым подарком (Laxd. Kap. 36. Bls. 331, Kap. 45. Bls. 360; Harðars. Kap. 21. Bls. 474), а некоторые из них, как показатели выдающегося положения их хозяев, удостоивались отдельных рассказов, например, Полётка, которая была «резвее всех коней» ([Fluga]...þatt var allra hrossa skjótast. – Landn. Kap. 62. Bls. 146), конь Фрейра (Hrafn. Kap. 5. Bls. 141) или конь Черногривый (Harðars. Kap. 3. Bls. 448).

К этой же группе показателей высокого благосостояния условно можно отнести размеры выпасов, но тут надо учитывать тот факт, что первопоселенцы целенаправленно занимали больше земли, чем им требовалось для хозяйственных нужд. Последующая их раздача, по мнению А.Я. Гуревича, имела целью привлечь на эти земли лояльных поселенцев, попадавших в сферу влияния знати (Гуревич 1963. С. 236–240). А поскольку в источниках речь в основном идет о событиях, непосредственно примыкающих ко времени заселения острова, то земельные владения у большинства персонажей будут обширные и их размер не может быть привлечен нами в качестве безусловного маркера.

Ярким внешним показателем экономического благополучия была крашеная одежда, т.е. та, для производства которой требовалось приложить больше усилий. Чаще всего упоминается красная/пурпурная одежда (куртки, плащи – Laxd. Kap. 46. Bls. 363, Kap. 77. Bls. 436; Gunnl. Kap. 7. Bls. 512, Kap. 8. Bls. 515). Реже – зеленая (Laxd. Kap. 63. Bls. 404; Hrafn. Kap. 9. Bls. 147) или белая (Gunnl. Kap. 6. Bls. 510; ср. попытки для маскировки одеться бедней, в коричневую шерстяную одежду – Nj. Kap. 22. Bls. 194). Также нередко упоминаются в источниках синие плащи, но они имеют четкие коннотации с актом мести (Nj. Kap. 41. Bls. 301, Kap. 147. Bls. 421; Frafn. Kap. 6. Bls. 142, Kap. 23. Bls. 197).

Кроме того, только состоятельные люди могли позволить себе изделия, украшенные резьбой по дереву (Eiríks. Kap. 2. Bls. 106, Kap. 5. Bls. 113) или кости (Egils. Kap. 72. Bls. 217), расшитые ткани (Laxd. Kap. 45. Bls. 362; Gísl. Kap. 15. Bls. 43; Nj. Kap. 58.

Bls. 341), одежду, отороченную мехом (Gísl. Kap. 28. Bls. 65; Halld. Kap. 5. Bls. 544), золоченый шлем (Nj. Kap. 84. Bls. 285; Hrafn. Kap. 23. Bls. 197), золотые кольца и запястья (Nj. Kap. 70. Bls. 267, Kap. 147. Bls. 421; Harðars. Kap. 3. Bls. 448; Landn. Kap. 69. Bls. 160, Kap. 99. Bls. 228; Eiríks. Kap. 5. Bls. 113; Laxd. Kap. 77. Bls. 436).

В особую группу престижных вещей можно выделить предметы импорта – шелк (Nj. Kap. 84. Bls. 285; Laxd. Kap. 77. Bls. 436), строевой лес (Landn. Kap. 4. Bls. 28, Kap. 14. Bls. 39, viðauki 2. Bls. 236; Grænl. Kap. 7. Bls. 99; Nj. Kap. 14. Bls. 155). Сюда же можно отнести экзотические (а, следовательно, дорогие) вещи – подушку из куриного пера (Eiríks. Kap. 4. Bls. 110), белого медведя в подарок (Landn. Kap. 57. Bls. 131; Auðunss.).

В «Саге об Эйрике Рыжем» присутствует описание богатого наряда, в который входят синий плащ с самоцветами, стеклянные бусы, черная смушковая шапка, подбитая кошачьим мехом, посох, обитый медью и самоцветами, пояс из трута и перчатки из белого кошачьего меха (Eiríks. Kap. 4. Bls. 110).

Еще один выдающийся исландец, Болли, сын Болли, из «Саги о людях из Лососьей Долины», имел зеленую куртку, золотой перстень и седло, украшенное финифтью (Laxd. Kap. 63. Bls. 404), а приехав из Норвегии, «не носил ничего другого, кроме пурпурной одежды, и все оружие его было украшено золотом» (hann [Bolli] vildi engi klæði bera nema skarlatasklæði ok pellsklæði ok öll várn hafði hann gullbúin. – Laxd. Kap. 77. Bls. 436).

Стремление сыновей Хьяльти выделиться из общей массы людей, чтобы подчеркнуть свой достаток, привело к тому, что «когда они прибыли на тинг, то были так разодеты, что люди подумали, будто прибыли асы» (en er þeir gengu á þingit, váru þeir svá vel búnir, at menn hugðu, at Æsir væri komnir. – Landn. Kap. 64. Bls. 148).

Таким образом, символы богатства в средневековом исландском обществе можно разделить на три группы: вещи, выделяющиеся своим количеством; вещи, выделяющиеся своим качеством; вещи, которых в данном обществе мало (редкие, экзотические). У средневековых исландцев к первой категории, в основном, относился скот (особенно лошади), а ко второй – шерстяные ткани, что соответствует скотоводческому характеру древнеисландской экономики.

Кроме того, как видно из материала саг, богатый исландец, чтобы заявить о своем благосостоянии в обществе, должен был иметь не только большое стадо, но и соответствующий «престижный» внешний вид, под которым, прежде всего, подразумевалось наличие пурпурного плаща, золотых украшений (в том числе украшенного оружия) и породистого коня.

Источники и литература

- Гуревич А.Я. Колонизация Исландии // Уч. зап. Калининского пед. ин-та. Калинин, 1963. Т. 35: Кафедра истории.
- Мосс М. Общества, обмен, личность. М., 1996.
- Brennu-Njáls saga / Finnur Jónsson gaf út // Altnordische Saga-Bibliothek. Halle, 1908. H. 13.
- Byock J.L. Viking Age Iceland. Los Angeles, 2001.
- Eiríks saga rauða / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gaf út // ÍF. 1935. Bd. 4.
- Egils saga Skallagrímssonar / Sigurður Nordal gaf út // ÍF. 1933. Bd. 2.
- Gísla saga Súrssonar / Guðni Jónsson gaf út // ÍF. 1943. Bd. 6.
- Grænlandinga saga / Guðni Jónsson gaf út // ÍF. 1938. Bd. 3.
- Gunnlaugs saga Ormstungu / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gaf út // ÍF. 1938. Bd. 3.
- Jón Jóhannesson. A History of the Old Icelandic Commonwealth. L., 1974.
- Harðar saga Grímkelssonar ok holmsverja / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gaf út // ÍF. 1935. Bd. 4.
- Hrafnkels saga Freysgoða / Jón Jóhannesson gaf út // ÍF. 1950. Bd. 11. Bls. 95–133.
- Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út // ÍF. 1968. Bd. 1.
- Laxdæla saga / Einar Ólafur Sveinsson gaf út // ÍF. 1934. Bd. 5.
- Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagos of Melanesian New Guinea. L., 1922 (рус. пер.: Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004).

П.В. Лукин

ДРЕВНЕРУССКИЕ СМЕРДЫ И САКСОНСКИЕ ЛИТЫ: ПОПЫТКА НОВОГО ОБРАЩЕНИЯ К СТАРОЙ ТЕМЕ

Смерды – вечная тема отечественной историографии. Ограниченный круг источников, показания которых часто, как кажется, противоречат друг другу, не позволял прийти к сколько-нибудь

определенным выводам. Относительно социального статуса смердов были выдвинуты, по-видимому, все возможные варианты интерпретаций, и в последнее время дискуссии на эту тему практически прекратились (историографию см.: Свердлов 1983. С. 135–138). Между тем проблема остается важнейшей. Мы до сих пор знаем очень мало о слое непосредственных производителей домонгольского времени, что не в последнюю очередь связано именно с неясностью социально-экономического статуса смердов. Во-первых, непонятно, кто они такие (свободные или зависимые крестьяне, или, может быть, совершенно особая категория сельского населения); во-вторых, непонятно, какое место они занимали среди всего сельского населения в целом (было ли это обозначением его основной массы или лишь какой-то его категории).

Мы не претендуем на решение этой проблемы, но только на попытку ее новой постановки с учетом данных, которые мало привлекались для ее анализа или не привлекались вообще. Стоит обратить внимание на то часто игнорирующееся в отечественной историографии обстоятельство, что смерды упоминаются отнюдь не только в древнерусских источниках. Существовали и западнославянские смерды, причем данные о них можно использовать для прояснения некоторых аспектов общественного статуса смердов древнерусских. В свое время попытку такого сопоставления предпринял С.В. Юшков (1923; между прочим, последующие ученые, критиковавшие выводы Юшкова о статусе древнерусских смердов – их он рассматривал как особую группу полусвободного населения, – не учитывали того, что они в значительной степени основывались на этом сопоставлении, и игнорирование соответствующих аргументов во многом обесценивало эту критику).

Это был, несомненно, новаторский подход, но С.В. Юшков в основном черпал материал по западнославянским смердам из историографии, и его анализ далек от полноты и точности. Западнославянским смердам посвящены весьма серьезные работы советского ученого Б.И. Рыськина, а также ряда немецких и польских историков (см. об историографии вопроса: Bardach 1975), но никто из них не использовал в сколько-нибудь значительной степени древнерусские данные. Представляется между тем, что та-

кое сопоставление с учетом современных научных данных – это тот путь, на котором возможно обретение нового материала для размышления.

В качестве примера обратимся к одному из наиболее известных и ярких свидетельств о серболужицких смердах на территории Саксонии. В грамоте, данной в 1181 г. майсенскими маркграфами Оттоном и Дитрихом монастырю св. Петра на горе Лаутерберг (ныне – Петерсберг), ограничивались прерогативы светской власти по отношению к монастырскому населению и, в частности, говорилось, что «лишь в установленное время пусть деревенские старейшины, которых они (славяне-лужичане. – П.Л.) на своем языке называют жупанами (*seniores villarum, quos lingua sua supanos vocant*), и служащие на конях, то есть витязи (*in equis servientes, id est withasii*), приходят на провинциальный суд, который называется *lantdinc*, и пусть они то, о чем там говорится, приказывается, совершается, постановляется, сообщают своим, остальные же литы, то есть смерды, которые выполняют предписанное в соответствии с повседневной обязанностью (*ceteri liti videlicet, hoc est zmurdi, qui cottidiano servicio imperata faciunt*), и те, кто являются *censuales ecclesie* или *proprii*, пусть остаются у себя дома, обязаны они явиться только при общем объявлении о [военном] призыве, то есть *wafen heiz*, или из-за пролития крови, или из-за заявления о какой-либо жалобе» (CDSR I/II. № 446. S. 309). Документ сам по себе чрезвычайно интересен, и его терминология неоднократно обсуждалась в историографии (см., например: Рыськин 1948. С. 75–79), однако нас в данном случае интересует лишь статус серболужицких смердов: важно, что они названы в латиноязычной немецкой грамоте *литами*.

Хотя реальное положение литов менялось, в принципе, *литами* в Саксонии еще со времен Саксонской правды называлась категория населения, занимавшая промежуточное положение между свободными и рабами (см.: Landwehr 1982. S. 118–128; Неусыхин 1985. С. 158–160, 163–164). В раннее время, в эпоху «племенной» самостоятельности саксов литы, по-видимому, имели отнюдь не самый низкий статус и даже обладали определенными политическими правами, в частности принимали некоторое участие в народных собраниях. Об этом свидетельствует житие св. Лебуина – миссионера английского происхождения, который проповедовал

во второй половине VIII в. христианство в Саксонии. Древнейший дошедший до нас вариант жития (*Vita Lebuini antiqua*) датируется 840–865 гг., но, по-видимому, основывается на более древнем тексте и/или на ранней устной традиции, восходящей к саксонским сторонникам Лебуина (Löwe 1965. S. 359–360; Modzelewski 2004. S. 378–381). Соответственно, достоверность информации этого источника о политических институтах саксов и, прежде всего, об их народных собраниях большинством исследователей оценивается достаточно высоко (см.: Hofmeister 1967 [1916]. S. 30–31; Löwe 1965. S. 359–360, 369–370). Согласно житию, на общее собрание древних саксов у места под названием Маркло в районе реки Везер собирались «главы» (*satrapae*), а «также из каждого пага – 12 избранных знатных людей, и столько же свободных, и столько же литов» (*totidemque lati*) (VL. 4. S. 793). В собраниях саксонского *gentis*, таким образом, если верить информации жития св. Лебуина, литы могли участвовать, но славянские литы-смерды XII в. фактически были отстранены даже от локальных судебных собраний (общие собрания саксов были запрещены после завоевания Саксонии Карлом Великим). Древнерусские смерды должны, конечно, сопоставляться, прежде всего, не с «племенной» архаикой, а с хронологически и типологически более близкими явлениями, характерными для Саксонии XII в.

В XI–XII вв. термин *литы* применялся, как правило, к полусвободным крестьянам (или, как принято говорить в немецкой историографии, *Minderfreien*), имевшим в пользовании небольшие земельные участки (см.: Kötzschke 1961. S. 35, 37). Согласно документу 1181 г., лужицкие смерды, в отличие от занимавших более высокое положение жупанов и витязей, не принимают участия в местных судебных собраниях (хотя и могут туда вызываться в исключительных случаях). В то же время возможность такого участия признается за двумя более высокими категориями: жупанами и витязями, т.е. дело тут явно не в том, что славянское население было просто лишено всяких прав; очевидно, это отражение неполноправия смердов в самом сорбском обществе. Это дает основания думать, что и древнерусские смерды могли в основе своей представлять собой сельское население аналогичного статуса.

Такой «перевод» на немецкий правовой «язык» понятия «смерды» противоречит двум получившим определенную популярность «крайним» концепциям о смердах: И.Я. Фроянова, согласно которому смерды были либо «внешними» (покоренные «племена»), либо «внутренними» (посаженные на землю рабы-пленники, «рабы фиска». — Фроянов 1999. С. 241–251; Фроянов 2010. С. 194–237), и Б.А. Рыбакова, полагавшего, что смерды были особой категорией сельского населения древней Руси, высшей по сравнению с обычными сельскими жителями и обязанной князю военной службой (Рыбаков 1979). Наименование саксонских смердов *литами*, с одной стороны, исключает рабский статус, а с другой — свидетельствует об их более низком положении по сравнению со свободными людьми. В то же время нельзя сказать, что отождествление саксонских смердов с *литами* однозначно свидетельствует в пользу точки зрения тех исследователей, которые видели в смердах только зависимое население (как, например, упоминавшийся выше С.В. Юшков). В той же грамоте 1181 г. рядовые полноправные свободные крестьяне славянского происхождения вообще не упоминаются. Нельзя исключать, что, с точки зрения составителей документа, основная масса серболоужицких крестьян на этой территории находилась в статусе, соответствующем саксонским *лита*м. Вопрос о социальном статусе смердов должен быть, таким образом, рассмотрен заново с привлечением всего комплекса источников, причем не только древнерусских. Время для такого сопоставления, думается, уже давно пришло.

Литература

- Неусыхин А.И.* Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1.
- Рыбаков Б.А.* Смерды // История СССР. 1979. № 1–2.
- Рыськин Б.И.* Смерды в областях немецкой колонизации XI–XIII веков // ВИ. 1948. № 3.
- Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
- Фроянов И.Я.* Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010.

- Юшков С.В.* К вопросу о смердах // Уч. зап. Саратовского ун-та. 1923. Т. 1, вып. 4.
- Bardach J.* Smerdowie // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 1975. Т. 5.
- CDSR I/II – Codex diplomaticus Saxoniae Regiae / Hrsg. O. Posse, H. Ermisch. Leipzig, 1889. Hauptteil I, Bd. 2: Urkunden der Markgrafen von Meissen und Landgrafen von Thüringen 1100–1195.
- Hofmeister A.* Über die älteste Vita Lebuini und die Stammesverfassung der Sachsen // Entstehung und Verfassung des Sachsenstammes / Hrsg. W. Lammers. Darmstadt, 1967 [1916]. (Wege der Forschung; Bd. 1).
- Kötzschke R.* Zur Sozialgeschichte der Westslaven. Beobachtungen aus dem Mittelgebiet // *Kötzschke R.* Deutsche und Slaven im mitteldeutschen Osten. Ausgewählte Aufsätze. Darmstadt, 1961.
- Landwehr G.* Die Liten in den altsächsischen Rechtsquellen. Ein Diskussionsbeitrag zur Textgeschichte der *Lex Saxonum* // Studien zu den germanischen Volksrechten. Gedächtnisschrift für W. Ebel. Vorträge gehalten auf dem Fest-Symposium anlässlich des 70. Geburtstages von W. Ebel am 16. Juni 1978 in Göttingen. Frankfurt/M; Bern, 1982.
- Löwe H.* Entstehungszeit und Quellenwert der Vita Lebuini // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1965. 21. Jahrgang.
- Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.
- VL – Vita sancti Lebuini presbyteri et confessoris / Ed. A. Hofmeister // MGH SS. Lipsiae, 1934. Т. 30. P. II.

А.А. Масленников

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ АНТИЧНОГО БОСПОРА*

Вопросы социальной структуры и экономики античных государств Северного Причерноморья периодически привлекают внимание исследователей. Круг письменных источников по ним ограничен и малоинформативен. Хозяйственная проблематика в целом куда более продвинута благодаря успехам полевой археологии последних десятилетий. Однако никем не делалось серьезных попыток связать эти два направления, что, отчасти, объясняется определенным скепсисом по отношению к социально-экономическим реконструкциям в истории. Между тем, вне зависимости от формулировок и терминологии, сущностное содержание данной проблемы неизменно: определенные экономические

уклады (формы хозяйственно-производственной деятельности) в социальном плане соотносятся со столь же определенными группами людей, которые различаются культурой, политическим статусом, общественным положением, профессиональными навыками, знаниями, менталитетом и, конечно, отношениями собственности и соподчинения (классы, страты и т.п.). При этом в нашем случае именно новые археологические материалы позволяют с известной долей вероятности создавать соответствующие социально-экономические реконструкции, что представляется методически более верным, нежели новую информацию трактовать исходя из принятых взглядов.

В Боспорском государстве, как в любом доиндустриальном обществе, главной отраслью экономики являлось сельское хозяйство. Следовательно, ведущей, наиболее значимой формой собственности была земельная, при всех «вариантах» использования, эксплуатации и организации сельской территории. Соответственно, социальная стратификация боспорского общества с той или иной степенью очевидности являлась отражением этих отношений. Иная хозяйственно-коммерческая деятельность играла в рассматриваемом плане менее существенную роль. Даже морская торговля в наиболее благоприятные для местной экономики периоды зиждилась на экстенсивном производстве зерна и рыбопродуктов. (Первое в интересующем нас аспекте понятно; о втором напомним, что любое массовое и организованное рыболовство подразумевает ту или иную форму владения прибрежными участками, т.е. собственность на землю). При всем этом важно отметить, что формы землевладения менялись в сторону оптимальных для каждого конкретного этапа местной истории. И это объясняет некоторые археологические наблюдения и результаты. Или, наоборот, эти наблюдения позволяют выдвинуть данное предположение.

Разумеется, в силу изменения тех или иных объективных и субъективных факторов влияния менялось и содержание основополагающих экономических «компонентов» в поземельных отношениях, чему, в свою очередь, соответствовали социально-стратификационные перемены. В совокупности то и другое составляло внутреннее содержание периодизации местной истории. И таких периодов можно выделить три.

Первый – время господства традиционно-полисных поземельных отношений. При этом следует сделать оговорки относительно: «моделей» греческой колонизации этого района (в основном аграрная и как бы коммерческо-аграрная); двойственного характера античной земельной собственности (владения граждан полиса и владения всего коллектива) и вероятного наличия иных форм поземельных отношений (храмовая земля, земля условно с греко-варварским статусом и др.).

Археологически кое-что из упомянутого находит подтверждение, или, точнее, археологические наблюдения наводят на такие мысли. Соответственно, более или менее «равноправной», однородной была в это время и социально-стратифицированная характеристика боспорского населения. Это полноправные граждане – землевладельцы, первопоселенцы и их потомки (в том числе потомки самых влиятельных из них – ойкистов и иных удачливых и предприимчивых предводителей). «Ниже» стояли переселенцы второй и последующих «волн» и «иных обстоятельств», если они не образовывали новой гражданской общины со своим земельным фондом. Следом – инкорпорированные или неинкорпорированные в греческую «общину» выходцы из местной варварской среды, в том числе немногочисленные рабы. Наконец, временно проживавшие тут эллины и варвары. Каждая группа со своим статусом, имущественным положением и правами. Это примерно вторая четверть VI – третья четверть V в. до н.э. При этом мотив повышения социального статуса или его сохранения был вообще одним из существеннейших в ходе великой греческой колонизации.

Следующий период характеризуется появлением, развитием и доминированием крупной земельной собственности. Она могла выступать и как собственно землевладение, и как особый государственный земельный фонд, эксплуатировавшийся представителями правившей на Боспоре семьи-династии (корпоративная собственность, условно именуемая царской). Именно эти владения с определенного этапа стали экономической основой столь нетрадиционной для античности формы верховной власти, как бы она не называлась (наследственная тирания, монархия, корпоративная тирания, «архонтство в диадеме» и т.п.). Ведь только на удачливости и харизме персоналий династии состояться не могут.

Попутно с «царской» должна была существовать хоть в каких-то размерах и формах земельная собственность лиц из близкого, но не родственного правящему клану, окружения. Способы, источники и обстоятельства формирования и той, и другой могли быть различными. Последняя, вероятно, формировалась за счет дарений-пожалований. Одновременно с крупной собственностью существовала и даже, видимо, получила развитие (не обязательно пространственное) традиционная полисная хора. Были также земли храмовые, возможно, варварские и со смешанным статусом. Наверняка стал весьма заметен и значим слой людей, связанных с прибыльной внешней морской торговлей и обслуживавшими ее ремеслами, а также со строительством, ювелирным и военным делом. Теоретически могло возрасти число ограниченного в правах и в тех или иных формах зависимого населения. Все это делало более сложной и разнородной стратификацию боеспорян.

Третий период наступает, очевидно, со второй трети III в. до н.э. В плане поземельных отношений он характеризуется, с одной стороны, распадом или трансформацией прежней крупной собственности независимо от ее принадлежности. В силу ряда причин таковая становится экономически неэффективной, а вся связанная с ней «инфраструктура» – в военно-политическом отношении уязвимой. На пространствах дальней хоры на смену немногим комплексным хозяйствам усадебного типа и античного облика приходят сначала хорошо укрепленные прибрежные городища, застроенные однообразными блоками-кварталами. А затем (второй этап третьего периода), примерно с середины I в. до н.э. и второй половины I в. н.э. (третий этап) и впоследствии – большие поселения типа крепостей и в глубинных районах полуострова, некоторое время находившихся в запустении. Скорее всего, в правовом отношении их обитатели были не собственниками, а пользователями (может быть, коллективными) земельных участков, точнее, угодий, окружавших эти городища и крепости, на правах издольщиков или военных поселенцев. Это военнообязанное центральной власти население стало особой и довольно многочисленной социальной группой негорожан, отличаясь своими интересами, культурой и менталитетом. Сохранялось ли в это время собственно царское землевладение и особые поселения,

мы не знаем. Не исключено, что первое фактически было скрыто под видом только что описанного мелкого землепользования.

Городская хора в этот период, безусловно, оставалась. Но ее организация, территория и производственный потенциал нам почти неизвестны. Особенно это касается второго и третьего этапов. Так или иначе, соответствующая форма собственности на землю продолжала являться экономической основой жизни и правового положения наиболее значительной и влиятельной части гражданского коллектива. По крайней мере, так было до середины – третьей четверти III в. н.э. Вероятно, как это было типично для эллинистических государств, общинные земли становились предметом взаимных притязаний центральной власти, состоятельных боспорян и, собственно, общины (сельской или городской, в лице полиса). Динамика этих процессов нам пока неизвестна. Представляется, что в целом экономический потенциал боспорской хоры по сравнению со вторым периодом – временем наибольшего благополучия государства – уменьшился. В этих условиях значение городов как центров ремесла и торговли, а, следовательно, и экономической жизни, возрастало. И соответствующие слои населения приобретали большее влияние. Заинтересованная в их поддержке верховная власть демонстрирует на протяжении первых веков нашей эры свое внимание к городам. Что касается непосредственно правящей элиты, то ее стратификационная структура, следуя позднеэллинистическим и римско-императорским традициям, становилась все более сложной и дробной. Надо думать, что «верхушка» этой «пирамиды» обладала немалыми материальными возможностями и экономическим потенциалом. Но почти никаких материальных (археологических) свидетельств этому нет. Неясно даже, располагала ли эта элита значительной земельной собственностью, а равно и то, как в этом плане прослеживалась градация в зависимости от этноса и существовала ли она вообще. Зато наличие храмового землевладения для третьего периода эпиграфически надежно засвидетельствовано.

Относительно позднеантичной эпохи, несмотря на несомненные достижения историков и археологов последних десятилетий, все соответствующие рассуждения еще менее аргументированны. Ясно лишь, что сокращение территории государства, и прежде

всего сельской округи и ее населения, общий упадок экономики, угасание городской жизни (а с нею античных культурных традиций) не могли не привести к общему упрощению социальной структуры и сокращению экономического потенциала каждой из так называемых страт боспорского общества.

Примечание

- * Работа выполнена по программе Президиума РАН «Нации и государство в мировой истории» (проект: «Боспор в VI в. до н.э. – VI в. н.э.: от полиса к монархии (эволюция государственности)»).

Е.А. Мельникова

ОТ ДАРА К ПОКУПКЕ: ГУННАР ХАМУНДАРСОН МЕЖДУ ДВУХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ*

Германское общество познакомилось с рыночной экономикой уже в римское время: наемники получали плату, которую могли реализовывать в городах Галлии и других римских провинций, федераты обосновывались на территориях Римской империи, где господствовали рыночные отношения. Образование германских государств в некогда римских провинциях способствовало окончательному переходу континентальных германцев к новой экономической системе. В Скандинавии же на протяжении всего первого тысячелетия сохранялись ранние формы обмена, по преимуществу личностные, создающие социальные связи между участниками транзакций (бартер, дар и т.п.). Тесные связи с обществами с монетарной и рыночной экономикой появляются у скандинавов уже в эпоху викингов, когда они оказываются активными участниками межконтинентальной торговли: на Западе они вовлекаются в торговые отношения с Англией и Францией, на Востоке – с арабским миром. В обоих регионах платежным средством выступает монета, которая, однако, скандинавами не воспринимается как непосредственное средство платежа – т.е. по счету (по количеству монет), а переводится в «серебряный» (или значительно реже – «золотой») весовой эквивалент, что отчетливо демонстрирует широкое распространение весов и гирек для

взвешивания серебра в Восточной и Северной Европе, а также присутствие в монетных кладах слитков серебра разного веса и серебряного лома. Монета (серебряная или золотая) расценивается скандинавами X в. и как престижный знак. В рассказе Ибн Фадлана сообщается характерная деталь, свидетельствующая о «перекодировании» скандинавами смысла монеты: по его словам, «на шеях у них (женщин) (несколько рядов. – *А.П. Ковалевский*) монист из золота и серебра, так как если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд. – *А.П. Ковалевский*), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде (одного) мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много (рядов) монист» (Ибн Фадлан. С. 78–79). Монета как таковая фактически выводится из сферы денежного обращения и становится показателем престижа ее владельца.

Практика использования «нейтрального» платежного средства, серебра в его весовой форме, постепенно распространяется и в самой Скандинавии, однако показательно, что находки весов и гирек в X и даже XI в. тяготеют к торгово-ремесленным центрам и почти не встречаются «в глубинке», где, очевидно, продолжают доминировать бартер и обмен дарами.

Особенно длительным был переход к рыночной экономике в Исландии, где сохранению бартера и обмена дарами способствовали как недостаток монетного серебра, привозимого по преимуществу из Англии или Норвегии в результате викингских походов и торговых экспедиций, так и чрезвычайная разветвленность и устойчивость социальных (включая родственные) связей, объединявших практически все немногочисленное население острова. «Нейтральный», внеличный обмен входил в конфликт с уже устоявшимися веками личными связями. И родовые саги дают тому немало примеров, один из которых будет рассмотрен ниже.

В «Саге о Ньяле», записанной, вероятно, между 1275 и 1290 гг. и повествующей о событиях конца X в., рассказывается следующее (ср.: Samson 1991. Р. 93). В очередной неурожайный год стало не хватать сена и съестных припасов. Гуннар Хамундарсон, владелец богатого хутора Хлидаренди, «со многими де-

лился сеном и съестными припасами, и все, кто приходил к нему, получали, что им было нужно, пока у Гуннара было что давать. Но вот случилось, что и Гуннару стало не хватать сена и съестных припасов». Тогда Гуннар со своими людьми поехал к некоему богатому человеку по имени Откель, который

принял их хорошо. Гуннар сказал:

– Я приехал просить тебя продать мне сена и съестных припасов, если они у тебя есть.

Откель отвечает:

– Есть у меня и то и другое, но я не продам тебе ничего.

– Тогда ты, может, дашь мне так, – говорит Гуннар, – и посмотришь, как я отплачу тебе за это?

– Нет, – говорит Откель...

Люди Гуннара предлагают силой забрать необходимое им у Откеля и оставить ему соответствующую плату, но Гуннар отказывается от грабежа.

Об этом происшествии узнает Ньяль, который навьючивает 15 лошадей сеном и 5 лошадей съестными припасами и едет в Хлидаренди. Гуннар

принял его хорошо. Ньяль сказал:

– Вот сено и съестные припасы, я хочу подарить их тебе. Я хочу, чтобы ты никогда не искал помощи ни у кого, кроме меня, если тебе понадобится что-то.

– Твои подарки хороши, – сказал Гуннар, – но еще ценнее для меня твоя дружба и дружба твоих сыновей

(Сага о Ньяле, гл. 47. С. 522–523).

В этом эпизоде представлено несколько видов транзакций, которые принадлежат разным типам экономики. Во-первых, это раздача ценностей. Гуннар «делится» припасами со всеми, кто в них нуждается. Как знатный и богатый человек, он, согласно своему статусу и принятым нормам, обязан поддерживать определенный круг людей, с которыми его связывают отношения своего рода клиенты. При этом Гуннар – в лучших традициях потлача – раздает все без остатка имеющиеся у него припасы. Перераспределение продукта происходит в рамках традиционной для ранних обществ экономики (ср. функцию редистрибуции общественного продукта вождем племени) и возмещается не в денежной, а в нематериальной форме: его получатели попадают в социальную (но

не экономическую!) зависимость от Гуннара и обязаны поддерживать его, в том числе в вооруженной борьбе с его врагами, при решении спорных вопросов на тинге и т.д., и нередко помогать ему в ведении хозяйства. Личностная составляющая доминирует в этой транзакции.

Во-вторых, Гуннар делает Откелю два предложения, которые основываются на разных экономических системах. Первое – продать сено – является обычной рыночной транзакцией, не создающей социальных связей. Второе – подарить сено – лежит в сфере так называемой «экономики дарения» (Pinchot 1995), которая влечет за собой ряд последствий социального и престижного характера. Получая сено в дар, Гуннар приобретает вместе с ним определенные обязательства в отношении Откеля, которые выражаются не только в необходимости возместить взятое сено и припасы (или сделать равноценный ответный дар): он также становится обязан оказывать Откелю поддержку в общественных делах и т.п. Фактически, Гуннар предлагает Откелю свое покровительство. Учитывая, что Откель в неписанной социальной иерархии исландского общества занимает более низкое место, нежели Гуннар, последний, прося о даре, оказывается в невыгодном положении. Именно это соображение и заставляет Гуннара обратиться к Откелю сначала с просьбой о продаже сена. Отказ Откеля от продажи сена, а тем более от второго, чрезвычайно выгодного для него предложения Гуннара оценивается составителем саги как странное и «неправильное» поведение: «Ньяль узнал о случившемся и сказал: “Плохо, что Гуннару не дали купить, что он хотел. Чего же хорошего ждать другим людям, если даже такие как он, не могут получить того, что им нужно?”». Несостоявшаяся сделка между Гуннаром и Откелем рассматривается Ньялем (и, соответственно, составителем саги) сквозь призму общественных отношений и места обоих участников несостоявшейся сделки в социальной структуре общества: Откель не должен был претендовать на «дружбу» Гуннара, а был обязан продать Гуннару искомое.

В-третьих, рассматривается вариант получения искомых припасов методом типично «воинской» экономики: силой отобрать необходимое у Откеля. Хотя повествования других саг показывают, что способ насильственной экспроприации был достаточно

распространен в исландском обществе, Гуннар отвергает его даже в «облегченном» варианте, с оставлением платы за экспроприированное.

Отказ Откеля в рамках рыночной экономики был бы просто отказом от сделки, не влекущим никаких последствий. В рамках же престижной экономики его отказ, даже при том, что Откель старается его смягчить, предложив Гуннару купить раба, что Гуннар и сделал (другое дело, что Откель и сам хотел избавиться от этого ленивого раба), может быть расценен и как оскорбление. Именно так воспринимает происшествие жена Гуннара Халльгерд, которая посылает раба поджечь кладовую Откеля и тем самым кладет начало цепи событий, закончившихся убийством Гуннара (по предположительно устанавливаемой хронологии в 990 или 992 г.).

Наконец, в свою очередь Ньяль – равный Гуннару по своему статусу – дарит ему по собственному почину сено и съестные припасы, что расценивается Гуннаром как знак дружбы и укрепляет (как выясняется впоследствии) их личные связи.

Экономическое содержание рассмотренного нами эпизода «Саги о Ньяле» было вполне понятно ее составителям, поскольку и, например, в «Саге об исландцах», рассказывающей о событиях XIII в., представлены случаи как покупки, так и дарения имущества. Однако при сосуществовании элементов различных экономических систем (они сосуществуют и в современном обществе) доминирующей в «Саге о Ньяле» представлена архаическая экономика дарения с широко разветвленной системой социальных связей.

Примечание

- * Статья написана в рамках работы по проекту «Становление государственной инфраструктуры и идеологии в античном и средневековом мире (компаративное исследование)» по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Литература

- Ибн Фадлан – Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / [Пер. и коммент. А.П. Ковалевского;] Под ред. И.Ю. Крачковского. М.: Л., 1939.
- Сага о Ньяле // Исландские саги / Ред., вступ. ст. и примеч. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1956. С. 441–758.

- Hedeager L.* Warrior Economy and Trading Economy in Viking-Age Scandinavia // Journal of Economic Anthropology. 1994. Vol. 2/1. P. 130–148.
- Hårdh B.* Silver in the Viking Age: a Regional-Economic Study. Stockholm, 1996 (Acta archaeologica Lundensia. Ser. in 8°; N 25).
- Hårdh B.* Trade and Money in Scandinavia in the Viking Age // Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum, 1977–1978. Lund, 1978. S. 157–171.
- Pinchot G.* The Gift Economy // In context. Business on a Small Planet. 1995 (<www.context.org/ICLIB/IC41/PinchotG.htm>, 24.02.2013).
- Samson R.* Economic Anthropology and Vikings // Social Approaches to the Viking Studies. Glasgow, 1991. P. 87–96.
- Silver Economy in the Viking Age / Ed. J. Graham-Campbell, G. Williams. Walnut Creek (Ca.), 2007.

Ю.М. Могаричев

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТАВРИКЕ VI–XIII вв. (ПО ДАННЫМ ПАМЯТНИКОВ СКАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ)

Экономическое развитие Крымского полуострова в «византийский период» – один из самых малоизученных вопросов современного крымоведения. Традиционно различные аспекты указанной проблемы рассматриваются в контексте политической, религиозной или этнической истории Таврики. Поэтому до сих пор отсутствует и обобщающее исследование.

Определенную помощь в изучении экономических процессов, протекавших в средневековом Крыму, могут оказать материалы, полученные в результате изучения скальной архитектуры Юго-Западной Таврики.

На ряде «пещерных городов», основанных как крепости на границе византийских владений в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – начале VII в. (Айбабин 2003. С. 43–48; Герцен 1995. С. 85–86; Могаричев 1992. С. 70–81; Сорочан 2005. С. 189–212), известны комплексы вырубленных в скале зерновых ям, вместимостью от 0,3 до 4,8 т (Талис 1981. С. 68). Они датируются начальным этапом функционирования данных памятников. Так, на Эски-Кермене такие сооружения расположены на восточном и западном краях плато и «привязаны» к оборонительной системе. Вероятно, данные ямы представляли собой склады, где хранились зерно (Веймарн 1958. С. 48) или мука (Черапкин 1934. С. 190–192)

перед отправкой в Херсон. Эски-Кермен расположен рядом с дорогой, ведущей из степей к Херсону. Вероятно, жители окрестных долин свозили под защиту крепостных стен зерно, а оттуда его или муку переправляли в Херсон (Могаричев 1992. С. 66–67). Скорее всего, о подобных складах сообщает Прокопий Кесарийский, который, говоря о строительстве крепостей в Греции, отмечал, что Юстиниан всюду в безопасных местах устроил хлебные склады (О постройках IV. 14).

Археологические материалы фиксируют в середине IX – X в. сооружение на Мангупе скальных тарапанов. Известно не менее 9 больших винодавилен, в которых изготавливалось вино из винограда, выращенного в окрестных долинах (Герцен 2003. С. 104). Скорее всего, в «хазарское время» тарапаны вырубались и на Эски-Кермене (Айбабин 2010. С. 215–217, 222). Вероятно, это свидетельствует об увеличении доли виноделия в экономике. Традиционно к рассматриваемому периоду относят и винодавильни на других «пещерных городах» (см., например: Даниленко 1994; Белый 2012. С. 298). Хотя в последнем случае датировка основана не на конкретных археологических материалах, а на представлении авторов об исторической ситуации в регионе (Даниленко 1994. С. 136–137) и требует уточнения.

В XI–XIII вв. фиксируется экономический подъем ряда поселений горного Юго-Западного Крыма. Археологические исследования Эски-Кермена, Тепе-Кермена и Баклы позволили сделать вывод, что в указанный период там происходит зарождение городской жизни, появляется присущая городам плотная гражданская застройка, возводятся православные храмы, в том числе и пещерные (Герцен 1995. С. 86–87; Могаричев 1992. С. 100–106; Айбабин 2003. С. 77–78). Статистическое изучение некультовых пещерных сооружений XII – начала XIV в. на рассматриваемых памятниках выявило значительное преобладание загонов для скота. По нашим подсчетам, доля хозяйственных пещерных сооружений составляет около 85% от общего числа внутрискальных помещений (остальные – оборонительные и культовые), а около 86% из них являлись загонами для скота. Оставшиеся 15% – подвалы в усадьбах и другие хозяйственные помещения.

Все это приводит к выводу о значительном удельном весе скотоводства в XII–XIII вв. как на отдельных поселениях, так и во

всей Юго-Западной Таврике. В пользу такого заключения свидетельствует прекращение функционирования и разрушение зерновых ям. Относительная хронология данного процесса хорошо прослеживается именно на Эски-Кермене и Бакле. Чаще всего в том месте, где располагались комплексы ям, в глубине скалы высекали помещение, и таким образом нижние части ям разрушались, а верхние превращались в отверстия в потолке созданных искусственных пещер, чаще всего хлебов (Веймарн 1958. С. 47–48; Якобсон 1970. С. 13; Талис 1981. С. 66; Эрнст 1929. С. 36; Могаричев 1992. С. 96–104).

На Эски-Кермене известны случаи, когда на месте ям возникали не только хлева, но и культовые помещения. Так, одна яма была уничтожена при дорубке пещерной церкви «Судилище», а другая была срублена во время создания помещения церкви «Успения» (Могаричев 1997. С. 44–48).

Скорее всего, в рассматриваемый период уменьшается роль зернового хозяйства и увеличивается удельный вес скотоводства.

О том, что уже в X в. в Таврике своего зерна не хватало и его приходилось закупать, сообщает Константин Багрянородный: «(Знай), что если херсониты не приезжают в Романию и не продают шкуры и воск, которые они покупают у пачинакитов, то не могут существовать. (Знай), что если херсониты не доставляют зерно из Амниса, Пафлагонии, Вукеллариев и со склонов Армянников, то не могут существовать». В числе основных мер для подавления возможного мятежа херсонитов император предлагает перекрыть доступ туда судов с хлебом и вином (Константин Багрянородный 1989. С. 53).

Как видим, по убеждению правителя Византийской империи, экономика Херсона, а скорее всего и иных поселений Юго-Западного Крыма, в значительной степени основывалась на перепродаже приобретенных у кочевников продуктов скотоводства и закупке в других провинциях Империи ромеев недостающих здесь зерна и вина.

В XII в. власть Византии, хотя и распространялась на Таврику, видимо, не была здесь достаточно прочной и долговечной. В конце этого столетия Крым уходит из-под власти империи (Васильев 1927. С. 282), а в 1204 г. сама Византия попадает под власть крестоносцев. С другой стороны, в середине XI в. на исто-

рической арене Крыма появляется новая политическая сила – половцы. В XII в. их власть в определенной степени распространилась и на Горный Крым (Якобсон 1964. С. 71; Айбабин 2003. С. 80). По сообщению Рубрика (1253 г.), «города и замки», расположенные между Херсоном и Сугдеей, до прихода татар платили дань половцам (Путешествия 1993. С. 79), что, по мнению Н.М. Богдановой, являлось откупом от угрозы грабежей (1985. С. 45).

Команы в XII в. вели широкую торговую деятельность, в том числе и с Херсоном (Якобсон 1964. С. 78–79). При этом торговля часто находилась в руках не половцев, а городского населения, в том числе и Крыма. Сами половцы лишь выполняли роль посредника между степью и городами (Федоров-Давыдов 1966. С. 203). Известно, что торговля велась, в основном, продуктами животноводства. Попав под политическую власть половцев и желая сбыть продукцию своей деятельности на внешнем рынке, население Юго-Западной Таврики объективно вынуждено было производить именно ту продукцию, которую могли предложить сами половцы. Скотоводство было выгодно и со стратегической точки зрения. В случае угрозы со стороны степей, скот можно было быстро загнать за крепостные ворота, а неубранный урожай неизбежно погибал.

Отметим, что связь между развитием скотоводства и пещерными сооружениями прослеживается не только в Крыму, но и в других регионах. Так, в Каппадокии появление так называемых подземных городов объясняется необходимостью укрытия скота во время набегов врага. С сельскохозяйственной деятельностью связываются и многочисленные искусственные пещеры, разбросанные по долинам (Rodley 1985. P. 6).

Литература

- Айбабин А.И.* Степь и Юго-западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в Эпоху средневековья: IV–XIII века. Археология. М., 2003.
- Айбабин А.И.* Городище Эски-кермен в период господства хазар в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2010. Вып. 16.
- Белый А.В.* Источник святой Анастасии на Качи-кальоне // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. 5.

- Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991.
- Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 2 // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1927. Вып. 5.
- Веймарн Е.В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
- Веймарн Е.В.* Жилые усадьбы Эски-керменского городища // АДСВ. Свердловск, 1982. Вып. 19: Византия и ее провинции.
- Герцен А.Г.* К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27: Византия и средневековый Крым.
- Герцен А.Г.* Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- Даниленко В.Н.* Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Прокопий Кесарийский.* О постройках // ВДИ. 1939. № 4.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.
- Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1–2.
- Талис Д.Л.* Материалы по экономической и социальной истории юго-западного Крыма (цитадель Баклинского городища) // АДСВ. Свердловск, 1981. Вып. 8: Античный и средневековый город.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы по властию золотоордынских ханов. М., 1966.
- Черапкин И.Г.* Зернохранилища или ступы // Советская этнография. 1934. № 12.
- Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. 3.
- Яacobсон А.Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
- Яacobсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. М., 1970. № 168.
- Rodley L.* Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. L., 1985.

ТОРГОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ В КОНТЕКСТЕ «ПОРТОВОГО ХОЗЯЙСТВА» ГНЁЗДОВА

Часть поселения гнёздовского археологического комплекса, расположенная на территории высокой поймы Днепра, имеет сложную топографическую структуру; за время исследований (1999–2012) выявлены участки различного функционального назначения. Один из исследованных участков расположен в прибрежной части, недалеко от древнего русла Днепра; он получил условное название «портово-производственная зона» и, вероятно, мог быть связан с приемом и обслуживанием прибывавших в Гнёздово судов. Среди выявленных объектов – «тверди» – следы обширного сгоревшего настила, доски которого были уложены перпендикулярно древнему руслу Днепра. Важным маркером кораблестроительной деятельности является прекрасно сохранившаяся смолокурная яма.

Были выявлены также остатки углубленных построек, находки в которых, а также их структура позволили предположить, что они могли использоваться как специальные прибрежные «склады», служившие для временного хранения товаров. В заполнении одного из таких объектов был найден развал амфоры «трапезундской» группы (Волков 2006. С. 149–150) – как известно, амфорная тара использовалась для перевозок товаров водными путями. В структуру прибрежной зоны входил еще один необычный объект – искусственный холм, который сформировался вследствие последовательного сооружения на одном и том же месте больших каменных очагов, использовавшихся, судя по составу находок, для кузнечной обработки железа. Сооружение каждого очага сопровождалось специальной подсыпкой, так что здесь со временем сформировался холм, возвышавшийся над днепровским берегом. Возможно, что расположенная здесь кузнечная мастерская была связана с обслуживанием судов, косвенным подтверждением чему является большая концентрация ладейных заклепок и их фрагментов. Вероятно, торгово-хозяйственная деятельность близ уреза воды была сезонной, поскольку участок мог затопливаться паводками (периодичность и интенсивность которых пока не мо-

жет быть установлена) – некоторые стратиграфические горизонты разделены прослойками относительно стерильной негумусированной супеси, в бортах материковых ям прослеживаются следы последовательных «сезонных» затеков (Мурашёва и др. 2009. С. 144).

За пять лет исследования портовой зоны на берегу древнего русла Днепра здесь найдено 13 весовых гирек. 7 из них – бочонковидные, 2 – 14-гранные и 4 – дисковидные из свинцово-оловянного сплава. Подавляющее большинство гирек (9 шт.) найдены в слоях второй половины X – начала XI в., т.е. в период расцвета Гнёздова, когда активность в исследованной портовой зоне достигла максимума. Для 7 гирек дату возможно сузить до конца X – начала XI в.

Отдельно следует отметить три дисковидные свинцово-оловянные гирьки (?) с отверстиями в центре, найденные в ходе полевого сезона 2012 г. Вес их: 11,2 г, 12,3 г, 14,2 г. Они находились в заполнении небольшой ложбины, заполненной углем. Исследованный объект относится к строительному горизонту, датируемому второй четвертью X в. (этап «среднего Гнёздова»). Вместе с данными находками в этой же постройке обнаружено экстраординарное количество стеклянных бус и бисера (ок. 400 экземпляров). Свинцовые дисковидные с отверстием в центре изделия известны на памятниках Восточной и Северной Европы и атрибутируются в историографии по-разному (пряслица, «грузики» и др.). Однако по аналогии с находками на византийских памятниках Причерноморья можно предположить их использование в качестве гирек.

Сравнение с другим участком, исследованным в Гнёздовской пойме, позволяет обозначить один принципиальный вопрос. В 80 м к югу от портовой зоны на поселении исследован ремесленный центр (раскоп П-8), функционировавший со второй четверти X в. до начала XI в. Здесь при раскопанной площади 376 м² найдено около 50 гирек. В портовой зоне при аналогичной исследованной площади – всего 13 гирек. Это позволяет предположить, что в портовой зоне не велись активные торговые операции, а осуществлялось преимущественно обслуживание судов, погрузка/разгрузка и временное хранение товаров.

Литература

- Волков И.В.* Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля: История и археология. В. Новгород, 2005. Вып. 19.
- Мурашёва В.В., Панин А.В., Фетисов А.А.* Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнёздовского археологического комплекса) // СВ. 2009. Вып. 70 (3).

В.Е. Науменко

О БОСПОРСКОЙ НЕФТИ КОНСТАНТИНА VII БАГРЯНОРОДНОГО КАК ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ ПОЛИТИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В X–XI вв.

В заключительной части 53-й главы трактата «Об управлении империей», составленного ок. 948–952 гг., Константин VII Багрянородный (945–959) перечисляет нефтяные месторождения, известные на территории Таманского полуострова, в округе крепости Таматарха и в Армении, если следовать традиционной локализации фем Дерзина и Циликаперт (Константин Багрянородный 1991. С. 272–275).

В историографии сообщение византийского императора обычно привлекает к себе внимание в связи с рассмотрением вопроса источников сырья для создания «греческого огня», главного наступательного оружия империи в VII–XI вв., основным химическим компонентом которого была нефть (Constantine 1962. P. 208–209; Кострин 1967. С. 288; Haldon, Byrne 1977. P. 92; Литаврин 1999. С. 500–501; Haldon 2006. P. 291–292, 305; Чхайдзе 2008. С. 273–274; Науменко 2009. С. 53–54; Артюхин 2011. С. 196–208). Таким образом, к числу нефтеносных областей, имевших стратегический статус в Византийской империи, по крайней мере, в X в., относились области Северо-Восточного Причерноморья, более определенно – территории Азиатского и, скорее всего, Европейского Боспора.

Необходимо в очередной раз подчеркнуть, что трактат «Об управлении империей», создававшийся как специальное руково-

дство в области внешней политики для наследника престола, будущего императора Романа II (959–963), не был предназначен для широкого пользования, т.к. зачастую включал в себя сведения особой секретности. К последним, несомненно, относилась и любая информация о получении и использовании «греческого огня», о чем сам Константин сообщал в другом разделе своего сочинения (Константин Багрянородный 1991. С. 56–59). В связи с секретностью такой информации очень показательным выглядит, к примеру, полное отсутствие сведений об источниках боспорской нефти в трудах арабских историков и географов середины – второй половины X в. (ал-Масуди, Ибн Хаукаля, ал-Мукаддаси), в отличие от подробно описанных месторождений Средней Азии, Северной Месопотамии и Азербайджана (Минорский 1963. С. 202; Partington 1999. Р. 22). На наш взгляд, такое «игнорирование» нефтеносных районов Северного Причерноморья арабами, обладавшими, как считают многие исследователи, уже с начала IX в. технологией приготовления тайного византийского оружия и, соответственно, активно собиравшими любые данные о нем (Davidson 1973. Р. 66), объясняется именно труднодоступностью сведений о «греческом огне» на протяжении всей его истории. Как бы то ни было, для нас важной является высокая степень точности и достоверности информации Константина Багрянородного о нефтяном промысле на Боспоре, имевшем, как видим, не только экономический, но и военно-стратегический характер. Опираясь на нее, попытаемся представить максимально полный обзор нарративных и вещественных данных по этому вопросу, сопровождая его необходимыми комментариями.

Вначале несколько общих замечаний в отношении технологии изготовления и хронологии использования как оружия особой секретности «греческого огня». Секрет данной горючей смеси, приготовленной на основе сырой нефти, состоял не столько в составе и пропорции подобранных ингредиентов, сколько в технологии ее производства. Как показали эксперименты, проведенные под руководством Дж. Хэлдона в 1974 и 2002 гг., известные в античности и средневековье «взрывообразующие» материалы (сера, селитра, негашеная известь) не имеют на самом деле к «греческому огню» никакого отношения, являясь основой других видов зажигательного вооружения этого времени. Весь процесс подго-

товки к применению нефтяной массы состоял в ее постоянно контролируемом подогреве с помощью специальной жаровни в герметичном контейнере, в который насосом-помпой одновременно нагнетался воздух. Точно определив нужную степень подогрева, открывали кран, и струя горючей жидкости под давлением выбрасывалась через сопло бронзовой трубы, вращавшейся в любом направлении, на противника (Haldon, Вуте 1977. Р. 93–95; Haldon 2006. Р. 297–315). Главный эффект состоял в том, что «греческий огонь» не мог быть потушен обычными средствами, растекаясь и продолжая гореть, к примеру, на поверхности воды. В то же время, очевидно, что пользование им требовало высокой профессиональной подготовки и аккуратности от солдат.

Общепризнанно, что данный вид византийского наступательного оружия, применявшийся в основном на военных кораблях, был изобретен сирийским архитектором Каллиником и впервые использован во время арабской осады Константинополя 674–678 гг. (Константин 1991. С. 214–215; Mango, Scott 1997. Р. 494). Несомненно, к X в. он уже широко использовался в византийском военном деле. Особую известность «греческому огню» принесла гибель русского военного флота в 941 г. на рейде столицы Византии (ПВЛ. С. 32; Лиутпранд 2006. С. 96–97). Наиболее поздние сведения его применения византийцами сохранены, пожалуй, Анной Комниной (Анна Комнина 1996. С. 313–314). Несмотря на упоминание Никитой Хониатом кораблей императорского флота с «греческим огнем» в 1187 г. (Haldon 2006. Р. 317), можно говорить о выходе его из широкого употребления уже к началу XII в. Среди причин кризиса главного византийского наступательного вооружения исследователи обычно отмечают общий упадок армии и флота империи и сокращение прямого доступа Византии к основным источникам сырья в районе Керченского пролива в связи с превосходством с XII в. Венеции и Генуи на море и возрastaвшей половецкой экспансией в Северном Причерноморье в это время (Davidson 1973. Р. 67; Haldon 2006. Р. 309).

Несмотря на то, что сообщение Константина Багрянородного о боспорской нефти является по сути единственным нарративным свидетельством о существовании данного промысла в регионе в эпоху средневековья, особых сомнений в его постоянном характере у нас нет. Во-первых, потому что в нашем распоряжении

есть указания о наличии и использовании нефтяных месторождений Таманского и Керченского полуостровов начиная с момента присоединения этих территорий к Российской империи в конце XVIII в. (Лисичкин 1954. С. 30–31; Паллас 1999. С. 123–124, 128–129, 134, 139). Во-вторых, благодаря постоянно растущему фонду археологических источников.

Находки целых, с запечатанным горлом, амфор с нефтью или их фрагментов с остатками нефтяного налета (так называемого внутреннего «смоления») из раскопок Таманского городища, Тиритаки, Танаиса, случайно обнаруженных близ станицы Пролетарская в Подонье позволяют говорить о добыче и транспортировке боспорской нефти уже в ранневизантийское время (Успенский 1952. С. 415–421; Анфимов 1953. С. 151–154; Кострин 1965. С. 291–293; Кострин 1971. С. 264–265). В эпоху же Константина Багрянородного такой тарой для хранения и перевозки на дальние расстояния нефти были, несомненно, так называемые «тмутараканские» кувшины или, если подчеркивать главные морфологические признаки этих сосудов, высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками (Антонова и др. 1971. С. 91–92, рис. 20, 20–21; Романчук, Сазанов, Седикова 1995. С. 63–66, табл. 30–32; Sazanov 1997. P. 97. Fig. 4, 44; Чхаидзе 2008. С. 161–173; Науменко 2009. С. 50–57).

Анализируя весь комплекс данных о высокогорлых кувшинах, необходимо отметить два момента, важных в контексте настоящей работы. Во-первых, несмотря на отсутствие до сих пор находок гончарных печей или мест скопления производственного брака, имеется достаточное количество указаний на то, что наиболее вероятным районом изготовления этих кувшинов был Боспор – определенно Таманский (Таматарха и ее округа) и, возможно, Керченский полуостров. Об этом свидетельствуют, прежде всего, химический и люминисцентный анализы нефтяного налета на стенках кувшинов, подтверждающие близость этой нефти месторождениям, известным современной геологии вблизи Керченского пролива, и особая насыщенность культурного слоя Таманского городища фрагментами таких сосудов (до 50% от общего числа находок), с чрезвычайно высоким процентом (80–85%) их «смоления» изнутри (Науменко 2009. С. 53). Во-вторых, традиционный ареал высокогорлых кувшинов (Крымский полуостров,

Подонье, Приазовье и отдельные памятники Поднепровья), указывающий на основные направления торговых связей Боспора в это время, в последние годы расширен благодаря публикациям материалов из раскопок Константинополя (Hayes 1992. P. 117, fig. 63, 6; P. 120, fig. 66, 41; P. 123, fig. 68, 41; P. 126, fig. 71, 53).

С учетом того, что датировка закрытых комплексов из Константинополя, в которых они встречаются (середина X – середина XI в.), очень близка к общей хронологии кувшинов на памятниках Северного Причерноморья (конец IX – середина/конец XI в.) (Науменко 2009. С. 54–57), в нашем распоряжении оказывается еще один важный археологический аргумент в отношении функционального назначения сосудов и обстоятельств, приведших к активизации нефтяного промысла на Боспоре в этот период.

Литература

- Анна Комнина.* Алексиада. СПб., 1996
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
- Анфимов Н.В.* Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИА. 1953. Вып. 49.
- Артюхин Ю.В.* Нефть как фактор некоторых средневековых событий в Азово-Черноморском регионе // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2011. Вып. 25.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.
- Кострин К.В.* Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской // СА. 1965. № 1.
- Кострин К.В.* Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани // СА. 1967. № 1.
- Кострин К.В.* Исследование смолистого осадка из древних амфор, найденных при раскопках Танаиса // СА. 1971. № 3.
- Лисичкин С.М.* Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. М.; Л., 1954.
- Литаврин Г.Г.* Русь и Византия в XII в. // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
- Лиутпранд Кремонский.* Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006.
- Науменко В.Е.* Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Симферополь; Керчь, 2009. Т. 1: Археологические комплексы VIII–X вв.
- Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963.

- Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. М., 1999.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
- Успенский В.А.* Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 25.
- Чхаидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
- Constantine Porphyrogenitus.* De Administrando Imperio. L., 1962. Vol. 2: Commentary.
- Davidson H.R.E.* The secret weapon of Byzantium // Byzantinische Zeitschrift. 1973. Bd. 66.
- Haldon J., Byrne M.* A possible solution to the problem of Greek Fire // Byzantinische Zeitschrift. 1977. Bd. 70.
- Haldon J.* «Greek fire» revisited: recent and current research // Byzantine Style, Religion and Civilization: In Honour of Sir S. Runciman. Cambridge, 2006.
- Mango C., Scott R.* The Chronicle of Theophanes Confessor. Byzantine and Near Eastern History. Oxford, 1997.
- Partington J.R.* A History of Greek Fire and Gunpowder. Baltimore; L., 1999.
- Sazanov A.* Les amphores de l'Antiquité Tardive et du Moyen Âge: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La céramique médiévale en Méditerranée. Aix-en-Provence, 1997.

Д.В. Обрезкова

ПОСТОЙНАЯ ПОВИННОСТЬ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА IV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ V в. (ПО ДАННЫМ КОДЕКСОВ ФЕОДОСИЯ И ЮСТИНИАНА)

В период Поздней империи постоянная повинность превратилась в одну из наиболее тяжких обязанностей, возлагавшихся на римских граждан – от сенаторов до простых домовладельцев. Широкое распространение практики постоя объяснялось внутренними процессами, происходившими в империи и обусловленными ростом численности армии и государственного аппарата. Отсутствие возможностей для расквартирования возраставшего количества должностных лиц, передвигавшихся по территории

империи, – от солдат до чиновников – обусловило глубокие изменения в прежней системе, основанной на принципе традиционного «гостеприимства» (*hospitalitas*). Разумеется, в первую очередь эти изменения отразились в позднеримском законодательстве, являющемся главным источником настоящего доклада.

Хронологические рамки доклада определяются содержанием важнейшего правового памятника – Кодекса Феодосия, в который вошли императорские конституции со времен Константина I (приблизительно от 312 г.) и до момента обнародования свода восточным императором Феодосием II Младшим (438 г.). В составе этой кодификации (судя по ее реконструкции в издании Т. Моммзена, П. Крюгера и П. Мейера) конституции, касавшиеся регламентации постоя, вошли в состав специального титула – CTh.VII.8 «О постое»; кроме того, отдельные нормы на эту же тему представлены в других частях свода. Следует подчеркнуть, что часть императорских постановлений 312–438 гг. по разным причинам, которые обсуждаются в литературе, не была включена в кодификацию Феодосия, однако затем вошла в Кодекс Юстиниана. Состав специального титула, посвященного регламентации постоянной повинности (С. XII. 40 «О постое и компенсации за освобождение от него»), включает 8 конституций начала IV – первой трети V в., одна из которых не вошла в состав свода Феодосия. Кроме того, значимую проблему составляет учет разночтений между текстами конституций, вошедших в оба кодекса. При этом, как и в случае свода Феодосия, нормы, регламентирующие несение постоянной повинности, не ограничиваются лишь одним титулом.

Целью настоящего доклада является выявление всех положений, регламентировавших постоянную повинность в позднеримском законодательстве указанного периода. В свою очередь, это источниковедческое исследование служит основой для изучения самого института постоя, где, несмотря на наблюдения Дж.Б. Бьюри, А. Джонса, Г. Хальфманна, Ф. Миллара и ряда других ученых, целый ряд проблем продолжает оставаться объектом дискуссий. В докладе будут рассмотрены следующие вопросы:

1) позднелатинская терминология, использовавшаяся для обозначения института постоя, а также других институтов, генетически связанных с ним;

2) основные категории должностных лиц, имевших право пользоваться постоем, связанные с этим их права, обязанности и привилегии;

3) основные обязанности домовладельцев по исполнению повинности постоя – в той мере, в какой они варьировались в соответствии со статусом как хозяина дома, так и лица, останавливавшегося на постой;

4) основные категории льгот, касавшихся полного или частичного освобождения от постоя (именно этот вопрос в первую очередь волновал позднеримского законодателя, отсюда – относительная многочисленность соответствующих норм);

5) общие тенденции эволюции правовой концепции института постоя (этот момент представляется весьма важным, поскольку соответствующий пласт законодательства находился в состоянии постоянных изменений – поправок, дополнений и т.п., которые более поздние императоры вносили в положения, изданные их предшественниками).

М.В. Панкратова

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВЗИМАНИЯ ШТРАФОВ В ПОЛЬЗУ КОРОЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НОРВЕЖСКИХ СУДЕБНИКОВ XII–XIII вв.)

Ко второй половине XIII в. в норвежском праве штрафы становятся основной карательной мерой, применяемой к нарушителям закона. Исторически сложившаяся система вергельдов – денежных возмещений за убийство свободного человека соответственно его статусу (G. 316, 317, 318, 319) – исчезает из нового судебногоника 1274 г. «Ландслов» и заменяется штрафами. Согласно «Ландслову», в 80% случаев, предусматривающих денежное возмещение, получателем штрафа или его части оказывается король (Панкратова 2004. С. 179). Денежные штрафы, таким образом, превращаются в главный источник обогащения казны.

В более древних областных «Законах Гулатинга» (XII в.) норм, предусматривающих выплаты штрафов, в три раза меньше,

чем в «Ландслове», хотя старый сборник послужил основой для нового судебника. Король только в 20% случаев имеет право взимать денежные компенсации в свою пользу.

Уже в областных норвежских законах прослеживается тенденция к закреплению наиболее высоких штрафов в пользу короля. Характер преступлений, за которые взимались такие платы, свидетельствует о том, что король воспринимался не только как представитель определенного знатного рода, имевший право на возмещение ущерба, но и как субъект государственности, охранявший общественную безопасность.

Согласно «Ландслову», самому высокому денежному штрафу соответствует выплата 8 эртогов и 13 марок серебра. Такая сумма зафиксирована в поправке к областным «Законам Фростатинга», сделанной около 1260 г. королем Хаконом Хаконарсоном. Речь идет о конфискации имущества у объявленного вне закона преступника (L. X. Réttar bœg A, 5). По «Законам Фростатинга», родичи убийцы должны были выплатить половину из его движимого имущества родственникам убитого, чтобы восстановить мир (F. Indl., 3), а другая половина должна была отойти короне (F. Indl., 2; L. IV, 1). Этот штраф развился как форма выкупа королевского мира объявленным вне закона за совершение убийства или каких-либо действий, в результате которых общество лишалось своего члена, а король своего подданного – *тегна* (Brandt 1877: 348, 349). Отсюда и название – *þegnilldi* (букв.: «деньги за тегна [подданного]»).

Если *þegnilldi* выплачивался убийцей королю как возмещение за потерю подданного, то денежный штраф такого же размера полагался не только в уголовных делах (как то: убийство без отягчающих обстоятельств; продажа свободного человека за пределы страны; ранение в месте, где объявлен королевский мир, например, на тинге), но и за другие преступления, влекущие ущерб для государства. Выплата 8 эртогов и 13 марок предусмотрена «Ландсловом» в 23 случаях: военные преступления (уклонение от участия в лейданге [ополчении] или халатное отношение к военной службе, измена королю); судебные преступления (принесение ложной клятвы, оказание вооруженного сопротивления при исполнении судебного решения); нарушения королевского мира (мародерство, отказ от участия в тинге для выбора короля, помощь объявленному вне закона); имущественные преступле-

ния (хищение пойманного кита, отказ продавать продукты питания в голодное время, нарушение правил ловли сельди).

В 1271 г. сын Хакона король Магнус, прозванный Исправителем Законов, сделал новую поправку о взыскании *þegnild*: деньги королю выплачивались после того, как был удовлетворен наследник погибшего и отданы все имеющиеся у убийцы долги. Значительное обеднение населения после разорительных гражданских войн, длившихся до начала XIII в., задолженности и полное разорение части крестьян стали причиной переиндексации денежных выплат при составлении нового унифицированного сборника законов «Ландслов»: размер штрафов был сокращен в три раза. Так, по «Законам Гулатинга», за убийство полагалось возмещение 40 марок (G., 152, 311, 313). Тем не менее размер *þegnild* равнялся стоимости сорока коров, что было большим богатством.

Несмотря на кажущееся смягчение закона, связанное с вынужденным сокращением размера денежных компенсаций, в «Ландслове» появляется важное постановление о том, что в случае убийства с отягчающими обстоятельствами конфискуется и одаль (родовые земельные владения) убийцы. В «Законах Гулатинга», к примеру, еще ничего не говорится о конфискации одаля, поскольку судебник отразил ту стадию земельных отношений, когда вся экономическая система основывалась на родовом землевладении.

Правовым основанием для отчуждения в пользу короля родовых земель человека, объявленного вне закона, послужило провозглашение всей Норвегии королевским «одалем», произошедшее, согласно Снорри Стурлусону, в X в. и оставившее след в областных законах. В период правления конунгов-викингов в XI в. и во время гражданских войн XII в. постоянно сменявшиеся правители нередко прибегали к убийству своих противников и конфискации их имущества. Конфискация усадеб как форма наказания быстро превратилась в источник обогащения казны (Гуревич 2006. С. 164). Примеры того, как норвежские конунги расправлялись с непокорными, можно почерпнуть в «Круге земном» Снорри Стурлусона (*Óláfs s. helga*, Kap. CIX, CCXIX, CCXXII).

Правление Хакона Хаконарсона (1217–1263) и Магнуса Исправителя Законов (1261–1280), ознаменовавшееся масштабной ре-

формой судебной-правовой системы, положило конец бесчинствам конунгов по праву сильного и упорядочило взимание налогов и штрафов с населения, что нашло отражение в новом унифицированном сборнике законов «Ландслов». К уже сложившимся в эпоху бытования областных законов двенадцати тарифам в 1260–1270-е годы были добавлены шесть новых (всего восемнадцать позиций).

Согласно новому судебнику, наиболее расхожим штрафом стала выплата 1 марку серебра (23% от общего числа денежных выплат). В 90% случаев денежное взыскание выплачивалось королю в качестве дополнительного наказания, помимо возмещения потерпевшему. Такое соотношение выплат субъектам правоотношений верно для всех категорий штрафов, взимание которых стало неотъемлемой прерогативой королевской власти (Грацианский 1940. С. 54–64).

Согласно «Ландслову», штрафами карались все группы правонарушений: судебные (неправомерный иск, беспричинная неявка какой-либо из сторон на суд, отказ от принесения свидетельских показаний, отказ от участия в преследовании убийцы); военные (халатное отношение к военной службе, в том числе к дозорной службе на маяке, уклонение от участия в ремонте боевого корабля, неявка на корабль или самовольная отлучка во время лейданга и проч.); мелкие уголовные преступления вроде избиения в общественном месте; нарушение королевского мира (неисправность дорог, мостов или паромов, ущерб местам рыбной ловли или охоты, недобросовестность при ведении торговли).

Таким образом, в «Ландслове», по сравнению с областными законами XII в., права и обязанности государства в лице короля не ограничены соблюдением мира в стране и предупреждением внешней военной угрозы, но значительно расширены за счет необходимости контролировать природные ресурсы страны (рыбный и китобойный промысел), регулировать транспортное сообщение и торговое обращение, прежде всего продуктов питания, а также следить за презрением к социально необеспеченным слоям населения (нищим, калекам, несовершеннолетним). Усложнение функций королевской власти, законодательно закрепленное в «Ландслове», указывает на новый этап в развитии государственной машины в Норвегии XIII в. и на значительное укрепление позиций монарха.

За несоблюдение установленных общественных норм судейник 1274 г. предлагает разработанную систему фиксированных денежных штрафов в пользу короля. Нормализуется право короля взыскивать как с движимого, так и с недвижимого имущества правонарушителей, вплоть до конфискаций. Судебный фиск, пришедший на смену вооруженному разбою, стал основным источником пополнения казны со второй половины XIII в. Однако мелочные предписания закона с угрозой денежных взысканий говорят, скорее, о том, что население неохотно платило штрафы и в массе было не в состоянии это делать.

Отмеченные черты норвежских правовых памятников XII–XIII вв. укладываются в общую тенденцию развития европейского средневекового права, в соответствии с которой укоренившиеся монархии к этому времени законодательно обосновывают финансовую базу своей власти (Кулишер 2012. С. 65–66).

Источники и литература

Грацианский Н.О. О материальных взысканиях в варварских правдах // Историк-марксист. 1940. № 7. С. 54–64.

Гуревич А.Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. М., 2006.

Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. М.; Челябинск, 2012. Т. 1–2.

Панкратова М.В. Преступления и наказания в норвежском праве XIII в. // XV конф. по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 2004. Ч. 1. С. 179–181.

G. – Gulatingslova. Den eldre Gulatingslova. (Norrøne texter. N 6) / Bj. Eithun, M. Rindal, T. Ulset. Oslo, 1994.

Óláfs s. helga – *Snorri Sturluson*. Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson. Reykjavík, 1979. (ÍF; Bd. 26–28).

L. – Landrecht des Königs Magnus Hakonarson / R. Meißner // Germanenrechte. Neue Folge. Abteilung Nordgermanisches Recht. Weimar, 1941. Bd. 28.

F. – Norges Gamle Love / R. Keyser, P.A. Munch. Christiania, 1846. Bd. 1.

Brandt Fr. Narmændenes gamle strafferet // Norsk Historisk Tidsskrift. Ser. 1. Kristiania, 1877. Vol. 4. S. 327–391.

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА РУСИ*

Обозначенная проблема остается самой сложной проблемой становления государственности со времен господства формационного подхода: представления об эволюционном развитии собственности – имущественная дифференциация внутри «разлагающейся» первобытной общины предшествовала социальной дифференциации, когда имущие смогли приступить к захвату общинной собственности и государственной эксплуатации податного населения. Начальная история Руси представляет, на первый взгляд, иной, более «примитивный» вариант развития государственности – завоевание Восточной Европы пришедшими из-за моря норманнами: со времен В.О. Ключевского расхожим стало представление о скандинавском завоевании будущей Русской земли, которое летописец, передающий предание о легитимном происхождении династии Рюриковичей, закамуфлировал конструкцией о «ряде» – легендой о добровольном призвании варягов.

В разной форме это представление воздействует на интерпретацию источников (в том числе на реконструкцию начального летописания у А.А. Шахматова), включая археологические: следы активности норманнов, все более многочисленные на речных поселениях Восточной Европы, интерпретируются как свидетельства самостоятельных предприятий отдельных дружин и даже неведомых династий, закрепившихся на торговых магистралях, или иностранных купцов, не имевших прямого отношения к русской дружине и становлению государства. Отчасти эта интерпретация в современных исследованиях продолжает традицию советского антинорманизма в формулировках Б.А. Рыбакова. Правда, Б.А. Рыбаков справедливо отрицал возможность завоевания норманнами Восточной Европы – слишком далеко от Варяжского моря располагалась днепровская Русь; лишь Олегу, путем обмана славян, удалось захватить Киев (Рыбаков 1966).

При этом Б.А. Рыбаков настаивал на том, что «находники»-норманны не могли сразу останавливаться в славянских городах:

Олег вынужден был сделать остановку на Угорском, минуя Киев и прикидываясь купцом; на верхнем Днепре скандинавы обосновались в Гнёздове, ниже Смоленска. В 1970-е годы, после начала раскопок поселения в Гнёздове, его исследователи предположили, что норманны, входившие в состав княжеской дружины, действительно закрепились в сети погостов в Гнёздове, Тимерёве, Шестовице, на Новгородском Городище – в пунктах для сбора и перераспределения дани, исторические судьбы которых были отличны от судеб древнерусских городов (Петрухин, Пушкина 1979). Рыбаков опирался на топографию дружинных курганов (естественно, игнорируя их скандинавские связи) и еще в 1949 г. заметил, что их распространение от Чернигова до Шестовицы (вниз по Десне) может отражать формирование земельных владений русских князей и дружины (Рыбаков 1949. С. 51–52) – процесс феодализации.

Было ли это захватом части «племенной» Северской (северянской) земли феодалами, нарождавшимися и в других «племенных» волостях? Пути решения этой проблемы были намечены в докладе К. Модзелевского на конференции, посвященной становлению Древней Руси (Модзелевский 2012). Польский исследователь указал, что князья, возглавлявшие родоплеменную структуру в архаическом обществе (каковыми были славянские князья в «племенных княжениях» – ср.: Котляр 2012, Толочко 2012¹), могли претендовать на выморочные объекты или «займки», не занятые общинными угодьями. Начальная история Руси дает прямую иллюстрацию этому положению: Аскольд и Дир, подойдя к Киеву, первым делом спрашивают «Чий се градокъ?», и когда получают ответ, что братья, основатели города «изгибоша», а поляне («род» погибших братьев) платят дань хазарам, занимают выморочный Киев (ПВЛ. С. 13). У Олега были свои основания считать Аскольда и Дира узурпаторами – ведь они не принадлежали к княжескому роду, не имели права на выморочное имущество. Олег доступным ему способом снова делает Киев выморочным, прежде чем объявить его («по праву») своей столицей – матерью городов русских. Олег продолжает «освобождение» славянских племен (северян и радимичей) от хазарской дани после переговоров с данниками – князь в изложении летописца продолжает практику ряда.

Особую проблему представляет возникновение сети погостов и дружинных кладбищ на племенных территориях. Общим местом советской историографии было представление о том, что большая часть курганов в Гнёздове принадлежит местным кривичам, в Тимерёве на Верхней Волге – финнам и т.п. В Гнёздове, однако, практически отсутствуют древности длинных курганов, приписываемых кривичам, финны же вообще не знали курганного обряда. Шестовица также располагается вне зоны распространения роменских древностей северян (ср.: Седов 1982. С. 135–136). Вероятно, эти центры располагались вне зон концентрации «племенных» поселений на «заимках», но на важных речных магистралях, обеспечивавших контроль над данниками и регулярные контакты как со столицей, так и с «заморьем».

Погосты были местами сосредоточения богатств – «прибавочного продукта», воплощенного вкладах и богатых комплексах дружинных курганов. Концентрация богатств (но не земельной собственности) была основой государственного «бюджета» в архаическом обществе начальной Руси (ср.: Романов 1951): «Сребром и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато» (слова, приписанные Владимиру, – ПВЛ. С. 65). Источником богатства были не только дань и торговля. К. Модзелевский (2012. С. 169) указывает еще на одну важную статью бюджета: это судебные пошлины, особенно вергельд, возмещение за убийство, если некому осуществлять кровную месть. Судебные функции должны были исполнять призванные варяжские князья («Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣль нами и судить по праву» – «рядить по ряду по праву» – в Ипатьевской редакции; ср.: ПВЛ. С. 13). Первый судебный памятник Руси – Правда Ярослава – начинается с уравнивания в правах словенина – жителя Новгорода – и русина, княжеского дружинника: в 40 гривен оценивается жизнь того, у кого нет мстителя. Дело здесь не только в установлении равноправия свободных граждан формирующегося государства: очевидно, что за дружинника должны мстить не сородичи, которые могли оказаться за морем, а князь, возглавляющий новую – не родоплеменную – элиту. Кровнородственные связи вытесняются связями примитивного вассалитета, и виру за убитого дружинника получает сам князь.

Новые отношения с подданными, очевидно, сказываются на изменениях в «топографии» власти после раздачи Владимиром городов своим сыновьям: резиденция Ярослава еще до конфликта с новгородцами, приведшего к дарованию им Правды, перемещается в начале XI в. с «экстерриториального» Городища на Ярославово дворище (на Торговой стороне Новгорода). В это же время прекращается городская жизнь на погостах, в том числе в Гнёздове и Тимерёве.

Примечания

- * Работа выполнена в рамках проекта «Хазарский каганат: взаимодействие с Византией, Востоком и Русью по археологическим и письменным источникам»), поддержанного решением Научного совета Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

¹ Напомним, что единственная известная по источникам попытка «племенных» князей древлян перераспределить дань с русским князем Игорем и вступить в родственные отношения с русским княжеским родом (архаизировать структуру формирующегося государства) закончилась для племени катастрофой – разгромом древлянской территории киевской дружиной Ольги и введением системы погостов (ПВЛ. С. 26–29).

Литература

- Котляр Н.Ф. Канун государственности: очаги политогенеза // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2012. С. 109–114.
- Модзелевский К. Зарождение государства в общине: князь в глазах соплеменников // Там же. С. 169–171.
- Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.
- Романов Б.А. [при участии Н.П. Бауэра]. Деньги и денежное обращение // История культуры древней Руси. М.; Л., 1951. С. 370–396.
- Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. М., 1949. № 11. С. 14–53.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь // История СССР. М., 1966. Т. 1. С. 49–491.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Толочко П.П. Истоки древнерусской государственности // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2012. С. 286–289.

ОБРАЗ СКИФИИ В АНТИЧНОСТИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Скифия как крупнейшее варварское образование на северо-востоке ойкумены на протяжении всей античности вызывала большой интерес греков и римлян, запечатленный в сотнях письменных свидетельств.

Образ Скифии, каким донесли его до нас античные источники, имеет различные аспекты: географический, политический, социальный, военный, культурный, этический и др. Все они хорошо представлены в античных свидетельствах. В настоящем докладе анализируется экономическая составляющая образа Скифии в античности.

Самая яркая черта экономического уклада Скифии, поражавшая воображение греков, – это их кочевнический образ жизни, отсутствие постоянного места жительства, городов и поселений, и эта особенность их жизни определяла, с точки зрения античных авторов, многие другие черты социальной истории Скифии, как в политической, так и в военной сфере (см. еще одну яркую черту скифов – их непобедимость, о которой писал уже Эсхил: *Eumen.* 700–703).

Традиция античного восприятия скифского экономического уклада начинается с VI в., когда Гесиод и другие раннегреческие поэты впервые упоминают скифов. Опираясь на беглую характеристику в «Илиаде» Гомера (XIII, 5–6) неких северных народов, живших рядом с фракийцами, как «доителей кобылиц млекоедов» (*ἰππολογοὶ γλακτοφάγοι*), поэты, отождествив их со скифами, описывают последних как кочевников-скотоводов, питающихся, в основном, молоком и молочными продуктами. Так, уже в гесиодическом «Каталоге женщин» появляются «скифы-доители кобылиц» и «земля млекоедов (=Скифия), имеющих дома на повозках» (frg. 150 и 151 Merkelbach-West).

Самая яркая характеристика кочевнического уклада скифов содержится в сочинении Псевдо-Гиппократа «О воздухе, водах и местностях» рубежа V–IV вв. до н.э.; она стала основой изобра-

жения Скифии на протяжении всей античности. Вот что пишет Псевдо-Гиппократ:

25. ...Так называемая «Скифская пустыня» представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду с степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие – шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя [отделениями]; они непроницаемы ни для воды, ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях: за ними следуют их стада овец и коров и [табуны] лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не [хватит], переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят «гиппаку» [это сыр из кобыльего молока]. Таков образ жизни и обычаи скифов. 26. ...Она (т.е. Скифия) лежит под самым севером и у подножия Рипейских гор, откуда дует северный ветер (*пер. В.В. Латышева*).

Если кратко резюмировать текст Псевдо-Гиппократа, можно выделить следующие важнейшие черты образа Скифии:

- 1) это равнинная степь с протекающими через нее большими реками;
- 2) климат Скифии холодный, поскольку Скифия находится далеко на севере;
- 3) скифы – кочевники, разводящие скот (овец, коров и лошадей) и кочующие в поисках новых пастбищ; особенно знаменито скифское коневодство;
- 4) не имея постоянных жилищ, скифы живут в войлочных кибитках;
- 5) питаются скифы в основном мясом и молоком.

Все эти черты присутствуют и в более подробном «Скифском логосе» Геродота.

Чтобы показать живучесть псевдо-гиппократовой/геродотовой традиции в описании Скифии, приведу краткую, но выразительную и всеохватывающую характеристику общества скифов-кочевников, которую спустя пять веков, уже на римской почве, дал Пом-

пей Трог (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.) в своей «Филипповой истории», сохранившейся в кратком пересказе Марка Юниана Юстина (III в. н.э.):

II, 2. Скифия... (2) очень велика и в длину, и в ширину. (3) Между отдельными народами нет никаких границ: они не занимаются земледелием, у них нет ни домов, ни других жилищ, ни постоянных мест жительства, так как они постоянно пасут стада крупного и мелкого скота и по привычке кочуют по невозделанным степям. (4) Жен и детей они возят с собой на повозках, которые покрываются кожами для защиты от дождей и зимних холодов и служат им жилищами. (5) Понятие о справедливости внушено им собственным умом, а не законами. (6) Самым тяжким преступлением у них считается воровство... (7) К золоту и серебру они не питают страсти подобно остальным смертным. (8) Пищей им служат молоко и мед; (9) употребление шерстяных одежд им неизвестно, и, хотя они страдают от постоянных холодов, но употребляют для одежды только звериные и мышиные шкуры. (10) Эта воздержанность произвела у них и справедливость нравов, именно отсутствие страсти к чужому: ведь страсть к богатствам бывает только там, где умеют ими пользоваться... (пер. В.В. Латышева).

От описания Псевдо-Гиппократэ это описание отличается этической характеристикой скифов, которые предстают как народ справедливый, честный, равнодушный к коммерции и стяжательству. Идеализирующая составляющая этого образа (к которому добавляли еще скифскую мудрость), как известно, возникла в IV в до н.э. (Эфор) и затем многократно воспроизводилась в античной литературе.

Основой экономики скифов, кроме собственно скотоводства, была, несомненно, также дань, которую скифы (вероятно, их аристократические роды – «царские скифы», по Геродоту) взимали с покоренных племен. Так, Страбон пишет (VII, 4, 6):

Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для [удовлетворения] ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег [данниками] начинают с ними войну... А не платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению. Так, по словам Гипсикрата, посту-

пил [боспорский царь] Асандр, отгородивший стеною перешеек Херсонеса у Меотиды [длиною] в триста шестьдесят стадиев и поставивший по десяти башен на каждом стади. Земледельцы же, хотя и слынут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению (*пер. С.В. Мирошникова*).

В этом тексте упоминаются не только варвары-номады, но и варвары-земледельцы, которые живут в степном Крыму и занимаются земледелием. Именно такие земледельческие племена степи и лесостепи, этнически не обязательно скифы (у Страбона это, очевидно, тавры), составляли, по-видимому, основной источник поступления доходов в казну скифских правителей. В современной археологической литературе высказывается мнение, что с IV в. до н.э. сами скифы, или их часть, могли переходить к полукочевому способу хозяйствования и заниматься земледелием, выращивая некоторые зерновые культуры, что, однако, делалось в интересах собственного скотоводческого хозяйства (заготовка сухого корма для зимнего прокорма скота) и не имело товарного значения. Некоторые свидетельства о существовании у скифов земледелия содержатся и в античных источниках, в частности, еще в Геродотовом разграничении скифов-номадов и скифов-земледельцев (IV, 17–19).

В античной литературе отмечается также дань, которую скифы брали с греческих городов-государств Северного Причерноморья. По словам Страбона (VII, 4, 4), последний правитель Боспорского царства Перисад добровольно уступил власть Митридату Евпатору, «будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большой дани». Страбон имел в виду, скорее всего, не скифов, а сарматов, вытеснивших их с границ Боспорского царства, но экономический уклад сарматов мало чем отличался от скифского. Ту же боспорскую дань скифам упоминал, очевидно, Лукиан, когда в одной из своих исторических новелл рассказывал о скифе Арсакоме, который был отправлен послом к боспорскому царю Левконору (Левкону?) «по поводу дани, которую постоянно платили скифам боспорцы, а тогда просрочили почти на три месяца» (Тох. 44). Несколько ниже Лукиан пишет, что после победы скифов над объединенным войском аланов, махлиев и

боспорцев последние обещали платить скифам двойную дань (Тох. 55). Античные авторы сообщают и о службе скифов в качестве наемников у правителей Боспорского царства (см., например: Diod. XX, 22–23).

Отсутствие товарного ремесла, которое бы концентрировалось в урбанистических центрах, собственной денежной системы и регулярного рынка делало скифскую экономику примитивно самодостаточной, основанной на обмене и эксплуатации покоренного населения, а также на добыче от грабительских набегов на соседей (о войне боспорского царя Перисада со скифами рассказывал, например, Демосфен – 34. 8). В то же время районы Степной Скифии, примыкающие к греческим государствам Северного Причерноморья, испытали воздействие античной экономики и культуры, и в этой контактной зоне фиксируются признаки товарно-денежных отношений. Судя по словам Геродота, который получил информацию о Скифии от эллинов, живших в «Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городах» (IV, 24), причерноморские греки активно пользовались торговыми путями и внутри Скифии, снабжая кочевников предметами роскоши и вином – главными объектами обмена со скифами.

Таковы основные черты хозяйственного уклада Скифии, как они отразились в произведениях античных авторов. Этот образ, насколько мы знаем из археологических данных и сравнительного изучения кочевничества в разные периоды истории и у разных народов, довольно точно отражает существенные стороны экономики скифского общества. Консерватизм кочевнического образа жизни, подтверждаемый для Скифии античными свидетельствами на протяжении ок. 1000 лет, позволяет строить типологию кочевничества как всемирно-исторического явления. Кочевнический образ жизни скифов – первая в истории Евразии литературно зафиксированная форма социальной и экономической организации кочевников. Самая древняя западная ветвь огромного кочевнического коридора Евразии от Северного Китая до Дуная не намного отличалась в своей экономической модели от последующих – на протяжении многих веков – волн кочевников (сарматов, аланов, гуннов, болгар, венгров, печенегов, кипчаков, татаро-монголов и др.). Недаром вплоть до нового времени европейские авторы часто обозначали все новые и новые орды евразийских кочевников «скифами».

Д.А. Радивилов

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ ИБАДИТОВ С ХРИСТИАНАМИ

Отношения между мусульманами и иноверным населением, проживающим на территории мусульманского государства, урегулированы договором о покровительстве (*зимма*), положения которого по своему духу восходят к известной коранической сентенции («Покаяние» 9: 29 [29]), установившей для мусульман обязанность сражаться с неверными из «тех, кому дано писание», пока те «не отдадут откупа (*джизья*) своей рукой, будучи униженными». В мусульманском праве коранический «откуп» (или «выкуп», «дань»), эволюционировав в юридическое понятие, осмысливается точнее – как регулярный налог, взимаемый с *ахл ал-‘ахд ва-з-зимма* – «людей договора и покровительства», и обращаемый в пользу государства. Мусульманские юристы единодушны во мнении, что *джизья* – это материальная компенсация, выплачиваемая мусульманам покровительствуемым населением, хотя предназначение такой компенсации трактуется теоретиками права по-разному. В *джизье* усматривают: плату за право свободно исповедовать свою религию, не уничтожая при этом мусульман и ислам; возмещение расходов мусульманского государства в связи с покровительством и защитой, оказываемой «людям договора»; моральную сатисфакцию, выраженную в материальной форме, которая утверждает преобладающий общественный статус мусульман и подчиненное положение *зиммиев*; наконец, акт справедливости, предпринятый Всевышним с целью уравнивать обязанности мусульман, уплачивающих *закят*, и иноверцев.

Вопросы, связанные с правовым статусом *ахл аз-зимма*, а также имущественными правоотношениями между ними и мусульманами, приобретают особую остроту в случае конфликта между «людьми договора» и мусульманским государством. В зависимо-

сти от масштабов конфликта и его последствий, он может расцениваться мусульманской стороной как акт, свидетельствующий о расторжении иноверцами ранее заключенного соглашения о покровительстве. Меры, предпринимаемые мусульманами во имя обеспечения своих законных прав в отношениях с *ахл аз-зимма*, могут носить характер джихада.

В системе этических представлений мусульман правила джихада тесно связаны с вопросами свободы человеческой воли и предопределения, греха и покаяния, неотвратимости наказания за совершенное преступление, а также отношения к различным группам людей – язычникам, «людям писания» и мусульманам, которые по тем или иным причинам не могут считаться правоверными. В ибадитской ученой среде разработка юридических норм, регулирующих различные аспекты ведения джихада, в том числе имущественные, началась рано – произведения, в которых поднимаются эти вопросы, появляются со второй половины VIII в. (*Сира* Шабиба б. ‘Атыййи ал-Хурасани – известного ибадитского деятеля, командующего армией имама ибадитов в Омане ал-Джуланды б. Мас‘уда), что, очевидно, было вызвано необходимостью привести правовую практику ибадитов в контекст определенных политических реалий – конфликтов внутри общины, экспансии ибадитского государства и случаев внешней агрессии против него – в соответствие с нормами, установленными мусульманским законом.

Важным источником сведений по данному вопросу является документ, традиционно называемый *Сирой* ас-Салта б. Малика. Его текст известен благодаря хронике ибадитского автора из Омана ‘Абдаллаха б. Хумаййида ас-Салими (1869–1914) *Тухфат ал-а‘йан би-сират ахл ‘уман* («Знатный дар в виде истории жителей Омана») и, по всей видимости, заимствован из неопубликованного рукописного сборника *Китаб ас-сийар* (переписка завершена в 1708 г.), который поныне хранится в Мактабат ас-Салими оманского селения Биддийа. Основным источником сведений для ‘Абдаллаха ас-Салими – выдающегося ибадитского историка периода *нахды*, послужили сочинения известных деятелей ибадизма, принимавших участие в описываемых событиях, либо являвшихся их свидетелями. Интересующая нас *Сира* содержится в разделе хроники, посвященном имамату ас-Салта б. Малика ал-

Харусы (851–886), и приводится ас-Салими в связи с инцидентом, имевшим место во времена правления ас-Салта, когда «христиане поступили вероломно, нарушив договор между ними и мусульманами, и атаковали Сокотру, убили наместника имама, истребили его бойцов (*фитйа*) и, захватив трофеи и награбив разного скарба, силой овладели страной». Хотя время этих событий не указано, можно предположить, что они произошли около 268 (881/82) г. – года смерти выдающегося ибадитского ученого ‘Аззана б. ас-Сакра, о кончине которого сообщается накануне.

В своем «Послании», предназначенном командирам ибадитского войска, имам подробно излагает принципы ведения джихада, уделяя особое внимание его имущественным аспектам. Поскольку противниками мусульман в описываемых событиях были христиане, с которыми ранее ибадиты Омана заключили договор о покровительстве (в тексте ас-Салта б. Малика он называется ‘*ахд* или, реже, *зимма*), ибадитское войско должно было учитывать особый правовой статус местного населения и обеспечивать дифференцированный подход к трем его группам: тем христианами, которые следовали договору с мусульманами и не участвовали в выступлении против них, – *ахл ас-силм ва-л-‘ахд* («люди мира и договора»); христианам, которые выступили против мусульман, расторгнув таким образом договор о покровительстве, – *ахл ал-харб* («люди войны»), но после «призыва» (*да‘ва*) ибадитов все же вернулись к исполнению его положений; и тем христианами, которые отвергли призыв мусульман.

В целом, рекомендации имама состоят в следующем.

По прибытии на остров ибадитам следует связаться с теми христианами, которые остались верны договору, и заверить их в том, что соглашение с ними продолжает действовать без каких-либо изменений и дополнений, а сами они, их семьи и имущество по-прежнему находятся под защитой мусульман в обмен на уплату *джизьи*. В знак соблюдения соглашения, «людям договора» надлежит направить в распоряжение мусульман группу своих представителей (*вуджух, ру‘аса*), при этом участники депутации должны доставить в лагерь ибадитов очередной платеж.

Имам рекомендует своим единоверцам вступить в переговоры с восставшими христианами, прибегнув к посредничеству «людей договора». С этой целью ибадиты выбирают из числа лояль-

ных себе христиан группу «наилучших людей» и отправляют их к *ахл ал-харб*. При этом среди участников делегации следует выделить одно или два доверенных лица из числа «людей молитвы» (*ахл ас-саят*) – священников или просто благочестивых людей, и поручить им ведение переговоров от имени имама и всей ибадитской общины. Сначала мусульмане призывают восставших принять ислам («совершить молитву, уплатить *закят*, прекратив неповиновение Аллаху»), и если христиане принимают это предложение (*ас-Салт б. Малик* считает такой вариант «наилучшим из двух состояний»), все проступки перед мусульманами, совершенные ими ранее, «аннулируются». В том случае, если восставшие откажутся принять ислам, им предлагают раскаяться в совершенных прегрешениях и вернуться к исполнению договора с мусульманами на прежних условиях – при этом для принятия окончательного решения устанавливается определенный срок. В случае положительного ответа *ахл ал-харб* должны сами явиться к мусульманам, капитулировать перед ними, передать им мусульманских женщин, плененных ранее (наличие такого условия, возможно, объясняется обстоятельствами данной ситуации), и уплатить *джизью*. *Ахл ал-харб*, вернувшиеся к исполнению договора, находятся под защитой мусульман, и, следовательно, не могут подвергаться побоям, их женщины и дети неприкосновенны, а их имущество не может быть захвачено мусульманами в качестве трофеев (*ганима*).

Наконец, лишь в том случае, если оба предложения мусульман будут отвергнуты, и это засвидетельствует по крайней мере один из «людей молитвы», ведущих от лица мусульман переговоры с *ахл ал-харб*, ибадитам «позволено объявить войну и сражаться с христианами, используя хитрость, истреблять их где угодно, и днем и ночью, захватывать их имущество в качестве добычи». При этом правила захвата трофейного имущества (оружие, провиант, скот, домашняя утварь), его учета и реализации, а также распределения трофеев и доходов, полученных от их продажи, приводимые в *Сире ас-Салта б. Малика*, в целом не отличаются от соответствующих норм, установленных мусульманским правом: одна пятая часть добычи поступает командирам ибадитского войска и затем передается имаму («Добыча» 8: 42 [41]), а остальные четыре пятых трофеев распределяются поровну среди участ-

ников боевых действий. Имам напоминает единоверцам о некоторых ограничениях: мусульманам следует проявлять умеренность при захвате добычи; запрещено брать в плен детей, родившихся в семьях христиан в то время, когда они соблюдали договор о покровительстве; женщины, захваченные мусульманами, для них запретны.

Рассуждая о правилах ведения джихада против «людей писания», ибадитский автор демонстрирует достаточно взвешенный подход к оценке политической стороны конфликта и уделяет при этом особое внимание его юридическим аспектам. В представлении ас-Салта б. Малика война в защиту прав мусульман – это крайне ответственное предприятие, имеющее серьезные общественно-политические и юридические последствия. В *Сире* ибадитского имама рассматривается обширный комплекс правоотношений между мусульманским государством и иноверным населением, состоящим или состоявшим с ним в договорных отношениях. Столь значительное внимание к юридическим вопросам свидетельствует о том, что корректное, с точки зрения мусульманского закона, ведение джихада и решение связанных с ним имущественных вопросов крайне важно для самих мусульман, т.к. нормы права, регулирующие эти отношения, в представлении мусульманских идеологов имеют наивысшее, богооткровенное происхождение. Соответственно, поспоривание этих норм, либо ненадлежащее выполнение установленного выше, ставит под сомнение законность всего военного предприятия мусульман, даже если оно имело под собой достаточные основания.

М.В. Скражинская

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТИМУЛЫ ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ В ОЛЬВИИ

Во второй половине VI в. до н.э. в Нижнем Побужье появляется новый древнегреческий полис Ольвия. В процессе создания этого государства возникает необходимость ведения государственной документации: составление списков полноправных гражд-

дан, запись различных постановлений, законов и договоров. Археологические находки показывают, что торговля была важнейшей составляющей экономики Ольвии с первых лет ее существования. Это предполагает заключение определенных договоров и обязательств, а также предоставление кредитов. Поэтому уже на исходе архаического периода истории Эллады и ее колоний в Ольвии зарождается жанр местной документальной прозы, развивавшейся в русле принятых норм во всей греческой ойкумене.

Ко времени греческой колонизации Северного Причерноморья документальная проза в метрополии стала уже устоявшимся видом письменности. Греки выработали определенные правила для составления договоров между государствами, для различных законов и постановлений народных собраний и советов, для отчетов должностных лиц, для почетных декретов, всевозможных списков и других документов. Их составляли должностные лица, в основном секретари, принадлежавшие к влиятельным и наиболее образованным слоям граждан (Доватур 1957. С. 13).

Составитель документа должен был уметь в сжатой и точной форме изложить то, что было необходимо сохранить на будущее время. Аристотель в «Афинской политике» (54, 3) писал, что государственный секретарь составлял текст документов, хранил постановления Народного собрания, подписывал все государственные акты и присутствовал на заседаниях Совета. Ольвийская стела ситонов (НО. № 72) указывает на важную роль секретаря во время деятельности разных выборных коллегий. На мраморной стеле изображены четыре члена коллегии вместе с секретарем; они заботились о снабжении граждан хлебом в одно из неурожайных лет второй половины III в. до н.э. Хотя это самый ранний в Северном Причерноморье эпиграфический документ с упоминанием секретаря, нет сомнений, что такая должность существовала здесь со времени образования государств на северных берегах Понта.

О времени зарождения документальной прозы в Ольвии можно судить лишь по косвенным археологическим свидетельствам, к которым относятся многочисленные граффити и наличие агоры уже во второй половине VI в. до н.э. Граффити, в частности довольно пространные письма, указывают на значительное количество грамотных граждан, способных вести документацию; агора

же служила местом проведения Народных собраний, где ольвиополиты, имевшие право обсуждать дела полиса, принимали решения, которые следовало письменно закрепить. Одним из первых документов в колонии становился список полноправных мужчин; его следовало постоянно изменять по причине смерти граждан и в результате включения в ряды граждан их законных сыновей, достигших совершеннолетия. К настоящему времени частично уцелел только один список полноправных ольвиополитов III в. до н.э. (IOSPE I². № 201; Яйленко 1990. С. 282–283).

В греческих государствах тексты наиболее важных, а также почетных документов вырезали на каменных стелах и выставляли на всеобщее обозрение в наиболее посещаемых местах города. Обычно это была центральная площадь и пространство около главных храмов полиса. Не случайно бóльшая часть интересующих нас надписей найдена при раскопках главного ольвийского храма Аполлона и на агоре (Леви 1985. С. 85–89). В этом храме, наверное, хранился архив государства, записанный на листах папируса. Множество найденных при раскопках мраморных и известняковых стел с надписями дают нам представление о разных видах ольвийских документов.

Древнейшая из этих стел относится к первой четверти V в. до н.э.; там написано о даровании свободы от пошлин синопскому купцу и его потомкам (НО. № 1). Этот текст открывает целую серию документов, называемых проксениями (IOSPE. I². № 20, 21, 23, 26–28, 30; НО. № 1–27). Они представляли собой постановления Народного собрания и Совета о даровании различных привилегий иностранцам, оказавшим услуги Ольвийскому государству. В основном это были купцы и лица, исполнявшие дипломатические поручения, причем обе функции часто совмещали одни и те же люди. Сравнение ольвийских документов с подобными из многих других греческих государств (Guarducci 1969. Р. 28–33) показывает, что местные проксении составлены по принятым во всей Элладе формулам, которые мало изменялись на протяжении многих столетий. Из привилегий, предоставлявшихся иноземцам, самой значимой, редкой и почетной было дарование ольвийского гражданства; кроме того в число льгот могло входить освобождение от пошлин на все виды товаров, право беспрепятственно прибывать и отбывать из ольвийского порта в

любое время, право занимать почетное место во время религиозных празднеств, театральных представлений, мусических и спортивных агонов.

Образцом межгосударственного договора может служить декрет об исополитии Ольвии и Милета (МИС. № 35). Изготовленные в последней трети IV в. до н.э. стелы с текстом договора были выставлены в обоих городах, но уцелела лишь стоявшая у храма Аполлона Дельфиния в Милете. Вероятно, и ольвийская стела занимала почетное место у местного Дельфиниума на центральном теменосе. Скорее всего, этот договор был подтверждением ранее уже имевшегося соглашения, заключенного между метрополией и ее колонией на ранней стадии существования последней. Косвенно это подтверждается словами Геродота (IV, 18) о том, что ольвиополиты называют себя милетянами. Граждане обоих государств имели одинаковые права в колонии и в метрополии: они освобождались от налогов, выплачиваемых иностранцами, могли занимать государственные должности в дружественном полисе, но тогда обязались платить местные налоги, как и прочие граждане. Кроме того, милетяне и ольвиополиты получали возможность в дружественном городе в короткий срок разорвать их претензии в местном суде, а также иметь доступ к участию в различных религиозных ритуалах. Сходные договоры Милет заключал и с другими своими колониями (Жебелев 1953. С. 38–41; Виноградов 1989. С. 169–170).

Хорошее представление об оформлении текстов законов в Ольвии дает декрет о деньгах, изданный во второй половине IV в. до н.э. (IOSPE. I². № 24).

Стела с текстом ольвийского закона стояла около храма Зевса Урия, в поселке на берегу пролива Босфор, где останавливались все корабли, следовавшие в Понт Евксинский. Здесь купцы могли ознакомиться с правилами торговли в большинстве городов, расположенных на берегах Понта. В ольвийском законе четко определялось требование торговать на территории полиса, используя исключительно местные деньги. Строго устанавливался курс обмена только для кизикинов, служивших в то время международной валютой: золотой кизикинский статер приравнивался к 10,5 ольвийских серебряных статеров. Прочие золотые и серебряные монеты обменивались у местных трапезитов по обоюдному со-

глашению. С нарушителей закона взыскивался штраф, конфисковался весь товар и уплаченные за него деньги. От других ольвийских законов уцелели лишь отрывки или упоминания об их существовании. Например, в декрете в честь Антестерия говорится об изгнании из полиса граждан, преступивших закон (Виноградов 1989. С. 194). Сейчас остается неизвестным, о каком законе идет речь, однако ясно, что в Ольвии были законы, за нарушение которых карали изгнанием, одним из самых страшных наказаний для любого эллина, лишившегося родины, всех прав и защиты государства.

В многочисленных греческих государствах существовала во многом сходная система наград за активную деятельность граждан на благо своего полиса. Наиболее почетными из них были постановка статуи, венчание золотым венком и издание почетного декрета с перечислением заслуг лауреата. Особо отличившиеся граждане и иностранцы получали в качестве награды также стелу с текстом почетного декрета, сделанную и установленную за общественный счет на одном из самых видных и почетных мест города. В Ольвии такое почетное место находилось у храма Аполлона (НО. № 29, 35, 36). В эллинистический период некоторые подобные надписи были весьма пространными. Таковы декреты в честь ольвиополитов Протогена и Никерата (IOSPE. I². № 32, 34). Их тексты можно рассматривать как запись исторических событий, изложенных в виде очерка государственной деятельности чествуемых граждан.

Литература

- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л. 1953.
Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990.
Guarducci M. Epigrafia Greca. Roma, 1969. Т. 2.

О ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА С ФЕДЕРАТАМИ ТАВРИКИ В VI–VII вв.

С середины – второй половины VII в. количество находок, известных в Средиземноморско-Черноморском регионе, для города Херсона сокращается, но зато начинают преобладать главным образом натуральные по своему характеру связи с сельской периферией в Юго-Западном Крыму (Романчук 1994. С. 12). Они прочно осуществлялись через город с Мангупом, который, по мнению большинства исследователей, может быть отождествлен с Дори (Доросом или Дарасом).

Все более увеличивавшееся население Мангупа уже со второй половины III – IV в. получало привозные товары, что свидетельствует о включении этого поселения с окрестностями в сферу торгового обмена и экономического влияния Восточноримской империи (Кадеев, Сорочан 1989. С. 86; Герцен 2003. С. 97–98). Напластования ранневизантийского времени, до VIII в., выявлены на мысе Тешкли-бурун, а также рядом с ним и в центральной части плато (Могаричев 1997. С. 69–70). Кроме того, находки этого времени присутствуют в качестве переотложенного материала в вышележащих слоях Мангупа (Герцен, Науменко 2001. С. 132). Византийско-коринфские капители, архитектурные детали из проконесского мрамора, фрагменты храмового декора явно ромейского происхождения, очевидно, тоже попадали сюда из византийских пределов, как и аналогичные находки на Эски-Кермене, Чуфут-Кале и у подножья плато, а также в долине р. Бельбек, у подножья горы Пампук-Кая, в Партените, Тиритаке, в портовой части Боспора. Во второй половине VI – VII в. из столицы Византии на Мангуп поступали предписания, послания высших чиновников главного финансового управления Империи, таких как логофет, партикий Дорофей – факт сам по себе указывающий на «доходно-расходную» суть этих связей центральных и местных властей (Герцен, Алексеенко 2002. С. 61–65, рис.1).

Вхождение Мангупа-Дороса (Дори) в состав единой церковной епархии «Херсона Доранта» – Херсона Дорантского или До-

рийского свидетельствует о тесных связях, существовавших в это время между ромейским Херсоном и областью, заселенной «энспондами», т.е. союзниками, федератами империи, которые включали в свой состав потомков северокавказских ираноязычных алан и германцев – готов, очевидно, главенствовавших в военном отношении (Герцен 2000. С. 15–16, 18). Из названия самой епархии следует, что церковные приходы всей «хоры Дори» в VII в. подчинялись епископу, находившемуся в Херсоне, и сама область воспринималась как нераздельное с ним целое (Брун 1874. С. 24). Эти связи оставались определяющими в жизни населения Дороса по меньшей мере до конца VIII в. (Герцен 1990. С. 135), несмотря на то, что на моливдовуле епископа Херсона Захарии, относящемся к первой половине этого столетия, указание на Дорант не фигурировало (Смычков 1999. С. 127). Отсутствие в нотициях VII–VIII вв. (№ 1–2 по Ж. Дарруже) каких-либо упоминаний об иной, кроме Херсона и Боспора, епархиальной кафедре на полуострове свидетельствует о церковном подчинении хоры Дори херсонскому епископу по крайней мере до начала IX в. (Науменко 2003. С. 132–133).

Массовый археологический материал VI–VII вв. показывает, что обитатели Мангупа, Эски-Кермена, Чуфут-Кале, Баклы, Алустана почти все необходимое получали в виде импорта из Херсона и, судя по многочисленным находкам византийских бронзовых монет, были знакомы не только с меновой, натуральной, но и с внутренней, денежной, мелкой торговлей, какая велась в пределах имперского рынка (Талис 1982. С. 55–67; Герцен, Могаричев 1992. С. 183; Сазанов 1993. С. 38–49; Герцен 2001. С. 12, 13; 2003а. С. 18). Это алано-готское население скорее вписалось в существовавшие здесь экономические отношения, нежели изменило их. Собственное ремесленное производство федератов носило весьма скромный, подсобный, домашний характер и было неразвито, в отличие от жизненно важных занятий отгонно-пастбищным скотоводством, земледелием, садоводством, огородничеством. Значит, они являлись потребителями привозной продукции, но и в свою очередь могли продавать что-то горожанам, скорее всего, какую-то часть выращенных в Юго-Западной Таврике сельскохозяйственных продуктов, зерновых культур – основы пищи, продуктов бортничества, животноводства, мяса, молока, шерсти, ко-

жи, другого сырья, топлива, которых особенно не хватало городу, ограниченному сократившейся ко второй половине V в. аграрной базой на Гераклеяском полуострове (Сорочан 1994. С. 69–70; 1996. С. 115–116). В данном случае после предшествующего ослабления связей деревня вновь стала служить существенным подспорьем для города, в свою очередь обеспечиввшего ей хороший рынок.

Уже давно замечено, что инвентарь погребений Эски-Керменского могильника, принадлежавшего окрестным жителям, состоит из вещей византийского происхождения (Якобсон 1973. С. 17). Показателями прочной втянутости оседлого местного населения в сферу экономического влияния контрагентов византийского круга могут также служить находки вещей из склепов VI–VIII вв. большого могильника на левом берегу р. Кача около с. Баштановка (Пиоро 1990. С. 135). Концом VI – второй половиной VII в. датируются фибулы «Аквилея» и другие типы застежек, пряжек (типа «Сиракузы», «Бал-Гота»), во множестве присутствующие в инвентаре погребений из могильников у с. Скалистое, Узень-Баш, Суук-Су, Лучистое (Айбабин 1993. С. 119, рис. II, V; Aibabin 2000. Р. 65–87; 1993. С. 118). Об успехах ромеизации, а значит, и прочности контактов ко второй половине VII в., свидетельствуют значительные изменения в костюме местных алано-готов: традиционная германская одежда зачастую вытесняется костюмом с византийскими украшениями и пряжками (Айбабин 1999. С. 229). О важности таких контактов косвенно указывают находки амулетов-медальонов с изображением св. Мина, особенно популярного именно потому, что он являлся покровителем путников и торговцев, путешествовавших по местным дорогам и сельским центрам хоры Дори (Айбабин 2004. С. 3).

Вообще, судя по большому количеству могильников, плотность населения Юго-Западной Таврики была весьма высокой, а это, в свою очередь, указывает на относительно благоприятные экономические и политические условия жизни здешних деревенских сообществ. В демографическом подъеме, наметившемся уже к концу VII в., свою роль сыграли не только пришельцы, протоболгары, но и миграция из Романии, которая была вызвана победой православия на VI Вселенском синоде 680–681 гг., что подтолкнуло к переселению наиболее стойких сторонников монофи-

ситства и монофелитства. Лично посетивший Херсон Феодор, автор краткого мартирия о пострадавших за сопротивление монофелитству братьях – монахах Евпрепии и Феодоре, составленного после 667 г., упоминает город середины VII в. и окружавшие его «крепости племен», находившиеся под контролем византийских властей, но ни слова не говорит о «тяжелом экономическом положении и запустении города» (Anastasii 1853. Col. 684 D; Istoria 1917. С. 14. 13; ср.: Талис 1961. С. 63). По тем же причинам нет оснований говорить о том, что «к последней трети VII в. византийские владения в Крыму сократились до пределов собственно города Херсона» (ср.: Храпунов 2004. С. 55).

Литература

- Айбабин А.И.* Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И.* Медальоны с изображением святых из раннесредневековых могильников области Дори // Символ в философии и религии. VI Крым. Международ. конф. по религоведению. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2004.
- Брун Ф.* Черноморские готы и следы долгого пребывания их в Южной России // Зап. Имп. Акад. наук. 1874. Т. 24, кн. 1.
- Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. 1.
- Герцен А.Г.* Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. Симферополь, 2000.
- Герцен А.Г.* Мангуп. Город в крымском поднебесье. Симферополь, 2001.
- Герцен А.Г.* Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- Герцен А.Г.* Дорос-Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Мат-лы XI Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. (а)
- Герцен А.Г., Алексеенко Н.А.* Византийские моливдулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.

- Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья. Харьков, 1989.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Науменко В.Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным *Notitiae episcopatum*) // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- Пиоро И.С.* Крымская Готия. Киев, 1990.
- Романчук А.И.* Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город: Тез. докл. VII Сюзумовских чтений. Екатеринбург, 1994.
- Сазанов А.В.* К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Смышков К.Д.* Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30.
- Сорочан С.Б.* Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности 1994. Харьков, 1994.
- Сорочан С.Б.* О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, (1995) 1996.
- Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. 1961. Т. 18.
- Талис Д.Л.* Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.
- Храпунов Н.И.* О континуитете администрации византийского Херсона // Древности 2004. Харьков, 2004.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М., 1973.
- Aibabin A., Khairedinova E.* Un nouvel ensemble de fibules digitées provenant de la necropole de Loutchistoe // Colloquia pontica. 2000. Vol. 5.
- Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypnomicum* // PG. 1853. Т. 129.
- Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegonota papan Romes kai ton oaion Maximon kai ton syn auto* // *Епифанович С.Л.* Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. Киев, 1917.

К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КНИГИ ДРЕВНЕЙ РУСИ XI–XIII вв.

Материальная сторона производства древнерусских рукописных книг наименее изучена. Отчасти это связано со скудным состоянием источниковой базы по истории книгопроизводства. Прямых данных об изготовлении на Руси инструментария, материалов и средств для письма ранее, чем от конца XV в., нет. Сведения о производстве той или иной рукописи на заказ, содержащиеся в выходных записях писцов, умалчивают о тратах заказчика, вознаграждении писцам и книжникам других специальностей, а также о конкретных доходах скрипториев и расходах заказчиков в период изготовления кодекса. Ниже мы обратимся к вопросу о расходах, связанных с производством пергамента и его заготовкой для переписывания тех или иных книг.

Где и как на Руси в XI–XIII вв. выделялся пергамен, существовала ли какая-то ремесленная специализация пергаменариев, аналогичная мембранариям и пергаменариям средневековой Европы и Азии, неизвестно. Не исключено, что пергамен ряда роскошных древнерусских рукописей, которому присуще высокое качество выделки (Остромирова евангелия 1056–1057 гг., Изборника Святослава 1073 г. и др.), был привозным. Тонкий, белый, с трудно различимыми мясной и волосяной сторонами листа, он разительно отличается от грубого, сероватого, неэластичного, жесткого, с большим числом штопаных и зияющих дыр и следами волосков животного пергамента нероскошных кодексов. Таковыми весьма заурядными были, например, «книги Лазоревы» – крупный комплекс литургических кодексов, изготовленный на рубеже XI–XII вв. в скриптории новгородского Лазарева монастыря. Пергамен этих рукописей мог быть местной выделки.

Древнерусские пергаменные кодексы состоят из сшитых вместе тетрадей, образованных из четырех согнутых вдвойне, а затем разрезанных листов (quaternion). В готовых тетрадях насчитывается, таким образом, 8 листов или 16 страниц. Впрочем, известны тетради в 10 и 6 листов. Бельгийский палеограф Л. Жилиссен показал, что писцы латинских средневековых кодексов в ряде слу-

чаев вписывали текст в сложенные, но неразрезанные листы (Gillissen 1977. P. 114–121). Однако ни одна древнерусская рукопись, которая была бы переписана в неразрезанных тетрадах, нам не известна. Считается, что писцы писали в разлинованных тетрадах, имевших специальные буквенные сигнатуры, позволявшие избежать путаницы при переплетении. Предварительным наколам и разлиновке подвергались одновременно два наложенных один на другой развернутых листа (четыре сложенных листа или полтетради). Вероятно, у одного писца в работе было не более двух двойных листов, не сшитых вместе. Не случайно многие древнерусские кодексы в качестве палеографической границы имеют тетрадь или половину тетради.

В западноевропейской историографии дифференцируются пергамен как таковой (для изготовления которого служила шкура взрослого животного) и его разновидность – велень (*vélin*) – особо тонкий пергамен из шкуры телят, ягнят или козлят (в XIII в. во Франции он именовался «*veeslin*»). Искусство выделки веленя было таково, что он был тонок, полупрозрачен и имел плохо различимые мясную и волосаную стороны. На изготовление одного пергаменного листа (*folium*) уходила шкура одного животного. Формат рукописи зависел не только от числа сложений листа *in plano*, но и от исходного размера шкуры, предназначенной для кроя. Считается, что размер шкуры молочного теленка составляет 500 x 700 мм (3500 см²). Б.В. Сапунов приводит иные данные, говоря о том, что «выход товарной кожи из шкуры молочного теленка колеблется от 60 до 80 дм²». Полагая, что «отходы при таком раскрое должны достигать 25–35%», Сапунов допускает использование 45–60 дм² (4500–6000 см²) кожи под крой для изготовления пергаменного листа (Сапунов 1978. С. 97).

Шкура под пергамен могла быть значительно большего и значительно меньшего размера в зависимости от породы и возраста животного. Европейские пергаменарии выделяли воловью, коровью, телячью, баранью, козлиную, овечью или свиную кожу, но никогда не изготавливали пергамен из шкуры ослов. В средневековой Европе наиболее тонким пергаменом считался тот, который получали из шкурки кролика или белки. Великолепным качеством отличался пергамен, произведенный из шкур абортированных телят и ягнят («девичья кожа»). Белый пергамен получа-

ли из шкуры обескровленных телят, ягнят и коз. Шкуры необескровленных животных сохраняли желтоватый оттенок.

Чтобы избежать лишних отходов при крое пергаменного листа, подбирались шкуры оптимального размера. Так, чтобы получить кодекс форматом 175 [основание] $\times$ 215 [высота] мм (376,3 см²), необходимы шкуры животных, размер которых не должен быть меньше, но и не слишком превышает 360 $\times$ 440 мм (1584 см²). Иными словами, нужны шкуры такого размера, который допускал бы образование из листа *in-plano* четырех листов форматом 4° (с учетом того, что при крое выбраковывалось примерно 25–35% кожи). Стандартная восьмиллистная тетрадь образовывалась в результате наложения один на один двух листов *in-duo*, сложенных дважды по ширине, а затем разрезанных. Например, производство Захариинского паремейника 1271 г. (РНБ. Q.п.1.13) потребовало не менее 73 шкур животных размером с овцу (1584 : 376,3 = 4,2 [т.е. исходный размер шкуры предполагает формирование четырех листов форматом 175 $\times$ 215 мм]; 290 : 4 = 72,5).

Предположим, что на Захариинский паремейник пошла телячья кожа. В этом случае крой требовал двух сложений листа *in-plano* по высоте и двух по ширине (т.е. когда сложение и последующее разрезание листов предполагало образование цельной восьмиллистной тетради форматом 4°). На изготовление кодекса объемом в 290 листов и форматом 175 $\times$ 215 мм потребовалось бы 36 телячьих шкур размером 500 $\times$ 700 мм (3500 : 376,3 = 9,2 [т.е. исходный размер шкуры допускал крой даже не 8, а 9,2 листов, что было необходимо с учетом запаса выбраковывавшегося материала]).

Если восьмиллистная тетрадь образовывалась из одного листа *in-plano*, его сложение предусматривало соблюдение выведенного Э. Рэндом «правила 1». Очевидные различия между лицевой (*verso*) и оборотной (*recto*) сторонами листа позволили определять не только мясную (*flesh side*, **FS**) и волосную (*hair side*, **HS**) стороны листа, но и вывести «правило 1» для способов сложения листов в тетради. Согласно Э. Рэнду, листы для каждой тетради линовались заранее, обычно разом по четыре развернутых двойных листа. После формирования в тетрадь листы должны были располагаться внутри нее таким образом, чтобы **FS** была обращена к **FS**, а **HS** к **HS**. Листы подбирались так, чтобы развернутая

рукопись справа и слева имела одинаковый по виду пергамен. Выведенное правило Рэнд записал в формуле FS-FS, HS-HS (см.: Rand 1927. P. 52–78). Поскольку в Захариинском паремейнике «правило 1» выдержано непоследовательно, следует думать, что восьмилистные тетради этого кодекса формировались в результате соединения сложенных дважды по ширине двух листов *in-plano*, произведенных из шкуры животного размером с овцу. Иными словами, сначала дважды по ширине складывался один лист *in-plano*, затем он накладывался на другой дважды сложенный по ширине лист *in-plano*. Затем положенные один на один листы разрезались, образуя вместе восьмилистную тетрадь. В такой тетради способ формирования листов был смешанным: FS - HS - HS - FS - HS - FS - FS - HS - | HS - FS - FS - HS - FS - HS - HS - FS -.

О том, каких колоссальных материальных затрат требовало изготовление кодекса, можно судить, установив минимальное число шкур, из которых был выделан пергамен ряда сохранившихся рукописей. На переписку Остромирова евангелия ушло не менее 147 шкур, Изборника Святослава – 133, Мстиславова евангелия – 107, Пантелеймонова евангелия – 118, Добрилова евангелия – 68, Жития Нифонта 1219 г. – 88, Толкового апостола 1220 г. – 120, Евангелия учительного Константина Болгарского – 132, Слов Ипполита Римского об Антихристе – 64, Богословия Иоанна Дамаскина – 105, Троицкого кондакаря – 58, Университетского евангелия – 120, Архангельского евангелия – 131, Спасского евангелия – 66, Рязанской кормчей – 201, Климентьевской кормчей – 324 шкуры. На производство только сохранившихся рукописей, гипотетически относимых исследователями к остаткам «библиотеки» ростовского епископа Кирилла I, ушло не менее 676 шкур.

Согласно Русской Правде Краткой редакции, стоимость коровы определялась в 40 резан, коровы-трехлетки («третьяхъ») – 15 кун, коровы-двухлетки («лоньщина») – полгривны, теленка («теля») – 5 резан, ягненка («яря») – ногата (ПРП. Вып. 1. С. 59, ст. 28). Пространная редакция Русской Правды устанавливает цену за корову в 40 кун, трехлетнюю корову – 30 кун, лоньщину – полгривны, теленка – 5 кун, свинью – 5 кун, поросенка и барана – ногату, овцу – 5 кун (Там же. С. 112, ст. 45). Изменение в стои-

мости скота в Пространной Правде по сравнению с Краткой произошло вследствие падения вдвое стоимости куны, поэтому резаны Краткой Правды заменились кунами (Каменцева, Устюгов 1975. С. 39, 41, 61–63). Стадо из 676 взрослых коров, согласно Русской Правде, стоило 540,8 гривен, телят – 67,6 гривен. Выведенный нами порядок цен на живой скот отнюдь не соответствует реальной стоимости пергамена, потребовавшегося для изготовления кодексов Кирилла I. Мы не располагаем источниками о стоимости работ пергаменариев, не знаем, шкуры каких именно животных использовались, и к тому же можем только предполагать, что пергамен ростовских кодексов был не местной выделки, а привозной. Однако полученные данные неоспоримо свидетельствуют об исключительных финансовых возможностях ростовской епископской кафедры в первой четверти XIII в., что подтверждается данными Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452).

Начальный этап в истории древнерусского книгопроизводства тесно связан с особенностями городской культуры. Будучи сосредоточено в церквях и монастырях и обеспечивая в первую очередь культовые потребности общества, книжное производство XI–XIII вв. было в основном ориентировано на переписывание богослужебных и богословских рукописей. В отличие от западноевропейской и византийской книжных культур, воспринявших традиции античной литературы и философии, а потому привычных к разным жанрам, предназначенным для чтения и далеко не всегда связанным с отправлением богослужения (лирика, эпос, драма), книжная культура Руси была в основном культовой. 95% сохранившихся кодексов XI–XIV вв. по своему содержанию являются памятниками богослужебной, святоотеческой, житийной и церковно-юридической литературы. Книжный фонд Древней Руси в XI–XIII вв. только формировался. Вместе с ним создавались и первые книжные собрания, по крайней мере, до конца XIV – начала XV в. остававшиеся (за редким исключением) минимальными богослужебными наборами.

Литература

- Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М., 1975.
Сапунов Б.В. Книга в России XI–XIII в. Л., 1978.
Gilissen L. Prolégomènes à la codicologie. Gand, 1977.
Rand E.K. How many leaves at a time? // Palaeographia Latina. Oxford, 1927.

БЫЛИ ЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ АЛФАВИТНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ?

В этом докладе нам хотелось бы подробнее остановиться на проблематике, которая вкратце затрагивалась нами в некоторых более ранних работах (например: Суриков 2007. С. 65–67). Начнем с вещей общеизвестных. Во II тыс. до н.э. у греков-ахейцев существовала письменность слогового типа (линейное письмо В), но с крушением микенской цивилизации она была прочно забыта, и Эллада на несколько веков стала почти бесписьменным обществом. Обычно пишут, что просто бесписьменным, однако оговорка «почти» все-таки необходима, поскольку следует учитывать фактор Кипра. В греческих городах этого острова традиции письменности вообще не пресекались: так, как минимум вплоть до V–IV вв. до н.э. продолжали пользоваться силлабарием, напрямую восходящим к минойскому и микенскому (о кипрском слоговом письме I тыс. до н.э. наиболее фундаментальным исследованием остается: Masson 1961). При этом Кипр оставался пусть и отдаленной, но частью эллинского мира; греки Эгеиды продолжали поддерживать с ним контакты даже на протяжении «Темных веков» (Суриков 2012), так что сама идея письменности совершенно утрачена быть не могла. Напомним в связи со сказанным, что существует упоминание о знаках письменности даже в «Илиаде» Гомера (VI. 168–169; о негативном характере этого упоминания см.: Seaford 2004. P. 57).

Однако в дальнейшем греки в данной сфере пошли все-таки не по «кипрскому» пути. Не позднее рубежа X–IX вв. до н.э. (именно этим временем датируется финикийская надпись, открытая в Кноссе, см.: Coldstream 2003. P. 405) они познакомились с финикийским письмом. Последнее нередко называют «протоалфавитным», но, строго говоря, оно представляло собой усовершенствованную форму силлабического. А уже на его основе эллины разработали первый в мире полноценный алфавит (с буквами для согласных и гласных звуков), ставший «родоначальником» всех остальных алфавитов (важнейшим исследованием о его происхо-

ждении и ранней истории остается фундаментальный труд: Jeffery 1963).

Когда это произошло? Ныне достаточно ответственно можно утверждать, что не позже рубежа IX–VIII вв. до н.э., хотя ранее в историографии фигурировали несколько более поздние датировки. Еще недавно самая древняя из греческих алфавитных надписей (на дипилонской ойнохое из Аттики) датировалась приблизительно 740 г. до н.э. Но затем в распоряжении ученых оказались два граффити, относящиеся, как считают, к более раннему времени. Правда, датировка одного из них (на наксосском кратере) вызывает сомнения. Тем более примечательно второе граффито, особенно если учесть, что оно происходит не из самой Греции, а из колониального региона, из Италии, причем из такого неожиданного места, как местечко Габии в центральноиталийской области Лаций, неподалеку от будущего Рима (Tandy 1997. Р. 203). Надпись надежно датируется временем не позже начала VIII в. до н.э., а, возможно, даже рубежом IX–VIII вв. до н.э. Иными словами, к этому моменту алфавитная письменность попала уже и в мир эллинских колоний. Как бы то ни было, ясно, что греки имели алфавит уже ранее середины VIII в. до н.э.; по некоторым признакам, надписи второй половины столетия отражают уже не «первое поколение» этой письменности.

Каковы были цели принятия греками алфавитного письма? На первый взгляд, ответ на вопрос представляется предельно простым: конечно же, главную роль здесь сыграли экономические потребности. Обычно ведь так и бывает. Соответственно, до недавнего времени всецело господствовала точка зрения, согласно которой письменность была воспринята у финикийцев греческими купцами, причем для чисто коммерческих целей (ведение разного рода записей и т.п.). Те же финикийцы, разумеется, использовали ее преимущественно именно для этого. Более того, совершенно несомненно, что ранее в ахейских дворцовых царствах линейное письмо В выполняло почти исключительно хозяйственные функции. Покрытые письменами глиняные таблички из Пилоса, Кносса и др. представляют собой составленные писцами для архива документы отчетности по разного рода «приходам-расходам». Собственно, потому линейное В и вышло из употребления после ликвидации централизованных дворцовых хозяйств в

ходе «дорийского вторжения»: отчетность была больше не нужна, и потребность в письменности отпала.

Итак, параллели и прецеденты, казалось бы, побуждают сделать однозначный вывод: причины появления алфавита у греков – экономические. Но верно ли это? Все чаще в историографии начинает фигурировать идея совершенно другого рода, согласно которой греческая алфавитная письменность преследовала принципиально иные задачи, а именно запись гомеровского эпоса. Насколько нам известно, впервые эта мысль была высказана в одной из работ Г. Уэйд-Гери (Wade-Gery 1950. P. 11 ff.); впоследствии к ней сочувственно отнесся такой выдающийся специалист, как Э. Снодграсс (Snodgrass 1981. P. 81 ff.). Но воистину блестяще аргументированное изложение интересующего нас тезиса содержится в статье Б. Пауэлла (Powell 1989) – на нее рекомендуем обратить особое внимание, она весьма богата релевантным материалом.

Высказанное суждение звучит парадоксом. На первый взгляд кажется невероятным, чтобы хоть какой-то народ в истории овладевал письменностью с такой совершенно «непрактичной», сугубо культурной целью. Однако же есть ряд обстоятельств, которые со значительной долей вероятности свидетельствуют в пользу именно этого варианта решения проблемы. Один из главных аргументов – как раз введение гласных, которых у финикийцев еще не было. Для ведения коммерческой отчетности они, в общем-то, не нужны. Финикийские купцы веками обходились без них и не испытывали никакой потребности в изменении положения. А вот для записи поэтических произведений гласные, действительно, совершенно необходимы (особенно учитывая, что для греческой поэтической метрики и просодии совершенно необходимо, в числе прочего, различать долгие и краткие гласные).

Далее, уровень экономического развития в Греции VIII в. до н.э. был еще отнюдь не таким, чтобы настоятельно потребовать введения письменности (о греческой экономике этого времени написано немало, см. хотя бы: Finley 1954; Tandy 1997; Seaford 2004. P. 23 ff.).

Кроме этого, уже было обращено внимание на тот факт, что самые первые древнегреческие надписи, датируемые VIII в. до н.э., в достаточно большом проценте случаев представляют собой

не что иное, как цитаты из эпоса или подражания ему. Характернейший пример – найденный на Питекуссах, в одной из могил, небольшой сосуд для питья – скифос. На нем имеется хрестоматийно известная надпись второй половины VIII в. до н.э., сделанная эвбейским вариантом греческого алфавита (Meiggs, Lewis 1989. P. 1, № 1):

Я – кубок Нестора, удобный для питья.
Кто из кубка этого выпьет, того человека
Сразу охватит пыл Афродиты прекрасновенчанной.

В первой строке сосуд как бы говорит «от первого лица» (такое часто встречается в Древней Греции). А вот вторая и третья строки – стихотворные, они представляют собой типичный гомеровский гекзаметр. Нестор – один из героев «Илиады»; упоминается в поэме и его роскошный кубок. Однако именно таких строк, которые здесь приведены, у Гомера мы не обнаруживаем. Очевидно, безымянный автор надписи на скифосе создал вариацию на тему эпоса или, возможно, даже пародию.

И этот пример далеко не единственный – скорее, наоборот. Б. Пауэлл в вышеупомянутой статье дал репрезентативную подборку древнейших греческих надписей (VIII – начала VII в. до н.э.). И выявилась удивительная вещь: в тех случаях, когда надписи достаточно длинны, чтобы можно было понять их смысл, они почти всегда имеют стихотворный характер (или, по крайней мере, представляют собой попытки, более или менее удачные, воспроизвести тот или иной стихотворный размер). Значение этого факта еще предстоит должным образом оценить.

А вот столь же ранних документов коммерческой отчетности в Элладе не найдено. Судя по всему, и здесь греки проявили свою уникальность, то, чем они отличались от соседних народов, – сознательный отказ от полностью приземленного практицизма, умение «воспарить над повседневностью».

Мы предложили бы (безусловно, в порядке гипотезы) следующую реконструкцию становления греческого алфавита. Возможно, вначале греки просто заимствовали финикийскую письменность (не рискуем исключать, что действительно с коммерческими целями). Это произошло, судя по всему, уже в IX в. до н.э., невозможно сказать с точностью, где именно, но несомненно, что

в какой-то части ареала деятельности эвбейцев, которые тогда стояли во главе развития всего эллинского мира.

Но уже очень скоро греки поняли, что письменность может выполнять и иные функции, помимо чисто прагматических. Вот тут-то и была поставлена задача записать эпос, и для этого на весьма ранней стадии развития алфавита были введены гласные. Иными словами, можно говорить о двух этапах единого процесса, и в его рамках обе концепции целей введения алфавитного письма – «экономическая» и «культурная» – находят себе место.

Литература

- Суриков И.Е.* Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007.
- Суриков И.Е.* «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н.э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания. М., 2012. С. 13–38.
- Coldstream J.N.* Geometric Greece: 900–700 BC. 2 ed. L.; N.Y., 2003.
- Finley M.I.* The World of Odysseus. N.Y., 1954.
- Jeffery L.H.* The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C. Oxford, 1963.
- Masson O.* Les inscriptions chypriotes syllabiques: Recueil critique et commenté. P., 1961.
- Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxford, 1989.
- Powell B.B.* Why was the Greek Alphabet Invented? The Epigraphical Evidence // Classical Antiquity. 1989. Vol. 8, N 2. P. 321–350.
- Seaford R.* Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004.
- Snodgrass A.* Archaic Greece: The Age of Experiment. Berkeley, 1981.
- Tandy D.W.* Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkeley, 1997.
- Wade-Gery H.T.* The Poet of the Iliad. Cambridge, 1950.

**ДЕНЬГИ, ВЛАСТЬ И САМОИДЕНТИЧНОСТЬ
(К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ)**

В череде «мировых империй», появившихся на Ближнем Востоке в первой половине I тыс. до н.э. (Ассирийской, Новоавилонской, Мидийской), древнеперсидскую державу Ахеменидов отличает поразительная политическая стабильность. Для предшествующих ей «мировых империй» был характерен крайне непродолжительный цикл существования. Мидийская и Новоавилонская «империи» как независимые политические образования просуществовали самое большее 2–3 поколения (с конца VI по середину VI в. до н.э.). Для более ранней, Ассирийской империи характерен «пульсирующий ритм»: цари Ашшур–Ниневии *de facto* находились в состоянии перманентной внешней экспансии, т.к. более или менее устойчивое политическое господство им удалось установить только над сравнительно ограниченной областью (Верхней Месопотамией). Кроме того, в середине VIII в. до н.э. Ассирия пережила сильнейшей внутренний политический кризис, приведший к смене правящей династии, что следует трактовать как начало нового цикла «имперского существования». Внутри него фаза «возрастания могущества» продолжалась свыше семи десятилетий: апогея Ассирия достигает только в середине VII в. до н.э. (при царях Асархаддоне и Ашшурбанапале), однако уже менее через одно поколение приходит в упадок и гибнет.

Сравним: Персидская держава переживает фазу «нарастания могущества» (территориального расширения) в течение всего 1–2 поколений (вторая половина VI в. до н.э.), в ходе которого были поразительно быстро покорены основные культурные (наиболее густонаселенные) центры Передней Азии. После этого она практически два столетия (около 6–7 поколений) существует в относительно стабильных границах.

Как кажется, главной причиной, препятствовавшей устойчивому существованию империй, предшествовавших державе Ахеменидов, была постоянно сохранявшаяся потенция, а также регу-

лярная актуализация *массового этнического мятежа* на покоренных территориях. Под массовым этническим мятежом мы понимаем восстание, поддержанное широкими массами, обладающими культурным и языковым единством, и отрицающее легитимность власти верховного владыки, что находит свое выражение в провозглашении «законным» царем кого-то из местной элиты.

В истории древнеперсидской державы феномен массового этнического мятежа, составлявший реальную угрозу распада и прекращения существования империи, проявился лишь единожды: а именно в 522–521 гг. до н.э., когда после переворота, приведшего к власти Дария I, происходят восстания в Вавилонии, Эламе, Персиде, Мидии, Парфии, Средней Азии, Египте, Армении и других областях. В «постдарьевский» период Персидской державы (вплоть до конца второй трети IV в. до н.э.) ничего подобного уже не случалось.

На протяжении V–IV вв. до н.э. этнические мятежи либо спорадически происходили на периферии персидской державы и в силу этого не несли непосредственной угрозы существованию и относительной целостности империи Ахеменидов (е.g.: восстание ионийских греков в 500–493 гг. до н.э.), либо не имели массового характера (е.g.: восстания в Вавилонии в 484 и 482–481 гг. до н.э., неоднократные мятежи ливийцев в Египте в V в. до н.э.). Примечательно отсутствие данных о таких мятежах в рассматриваемый период в Иудее, Лидии, Армении, Мидии, Персиде, областях восточного Ирана и т.д. Еще более показательна в этом отношении политическая ситуация 467 г. до н.э. В это время держава Ахеменидов, пораженная страшным голодом и эпидемией, переживает глубокий экономический кризис, однако его следствием стало только насильственное устранение (убийство) верховного правителя Ксеркса, массовых же этнических мятежей, сопоставимых по масштабам с восстаниями 522–521 гг. до н.э., не произошло.

Соответственно, позволительно предложить, что в пятидесятилетнем промежутке (между 510-ми и 460-ми годами до н.э.) возник некий новый фактор, который устранил потенцию массового этнического мятежа на покоренных персами территориях.

Как раз в течение этого промежутка происходит институциональное оформление политического устройства державы Ахеменидов (в ходе реформ Дария I и Ксеркса). Однако вряд ли поли-

тическая конструкция древнеперсидской империи могла быть сама по себе таким фактором. По нашему мнению, при формировании государственных структур «мировой монархии» Ахеменидов ведущим был не телеологический принцип, а каузальный. Это означает, что представители персидской элиты, занимаясь политико-преобразовательной деятельностью и государственным строительством, не выходили за пределы уже существующих практик и готовых политико-государственных моделей (или представлений о них). Соответственно, принципиальные элементы государственных структур были «естественным» продолжением уже ранее существовавших и были лишены оригинальности: политические институты древнеперсидской монархии оказываются лишь пролонгацией уже существовавших ранее, возникших и получивших свое оформление в предшествующих «мировых империях», а их модификация и заложенные инновации вряд ли были значительными и носили принципиальный характер.

При концептуальном поиске иного фактора следует учитывать, что массовый этнический мятеж *ipso facto* подразумевает отрицание легитимности верховной власти. В свою очередь, признание легитимности (если только оно не насаждается грубым физическим насилием, чего, кажется, в Персидской державе все-таки не было) очевидно предполагает самоидентификацию подданного с носителем власти – что справедливо и для индивидуального, и для общественного сознания, – т.е. включение властителя в ментальную категорию «свой», а не «другой». Соответственно, отсутствие массовых этнических мятежей в древнеперсидской державе, предположительно, было следствием изменения металльной, самоидентификационной парадигмы ближневосточных народов (по меньшей мере, их элит): в отличие от ранних «мировых империй», подданные Ахеменидов (не все, разумеется, но какая-то их значимая часть) конструировали собственную идентичность на основе признания «своими» как минимум верховных правителей и их представителей на местах (ср. события межэтнического, египетско-еврейского конфликта на Элефантине в 410 г. до н.э.).

Мы предполагаем, что фактором, повлиявшим на соответствующее изменение самоидентификационной парадигмы, стал выпуск (начиная с конца VI в. до н.э.) «общеемперских» золотых монет – *дариков*. Подчеркнем принципиальнейшее в данном слу-

чае обстоятельство: ни в одной из предшествующих персидской ближневосточной «мировой империи» не выпускалось монет, которые могли претендовать на статус общегосударственных.

Персидские дарики не могут считаться деньгами в полном, современном смысле: по всей видимости, в качестве меры стоимости и широкого средства обращения в повседневной жизни они не использовались (именно поэтому, по-видимому, дарики не упоминаются, например, в вавилонских частноправовых документах). Однако главной составляющей их функциональности как денег было использование их в качестве высоколиквидного товара и средства накопления сокровищ. Помимо этого следует учитывать, что в рассматриваемый период выпуск золотых монет четко ассоциировался в сознании людей с идеей власти, могущества и, соответственно, укладывался в ментальную оппозицию «независимости–подчиненности» (ср. факты выпуска монет из электрума греками во время ионийского восстания, начала печати золотых статеров рядом греческих полисов практически сразу после битвы при Платеях и спорадического выпуска золотых монет некоторыми кипрскими царями в V в. до н.э.).

Уже это обстоятельство позволяет говорить, что дарики стали своеобразным проводником «имперской идеи», который отсутствовал в ближневосточных «мировых империях» VIII–VI вв. до н.э. Однако сам процесс изменения ментальной парадигмы ближневосточных народов, кажется, был более сложным.

Как представляется, первая половина I тысячелетия до н.э. (эпоха раннего железного века) стала для переднеазитских народов временем кризиса традиционной самоидентификации, вызванного, помимо прочего, переходом от общества, чья экономика относительно проста и основана на чисто бартерном обмене, к обществу с более сложными экономическими отношениями. Отражением этого кризиса, безусловно, можно считать повсеместные «жалобы» на значительное ухудшение мира (т.е. общества) и испорченность людей – «жалобы», появляющиеся в самых разных (в территориальном и в культурном отношении) областях Ближнего Востока (сочинения Гесиода в Греции, Исаяи в Палестине, Набонида в Вавилонии и т.д.).

Введение в пространство повседневной жизни денег как специфического социального и экономического феномена, очевидно,

в значительной степени повлияло на процесс развития этого кризиса. Учтем, что уже социологи XIX в. отмечали способность денег как таковых к «отчуждению» и эмансипации личности внутри общества, в частности, когда социальные связи индивида меняются от качественных к количественным. Современные же психологи, изучающие восприятие денег человеком, отмечают амбивалентный характер этого восприятия, т.е. деньги в сознании людей ассоциируются одновременно со «злом» и «благom», со «свободой» и «принуждением». Связано это, по всей видимости, как раз с амбивалентным влиянием денег на самоидентификацию человека: деньги способны одновременно и разрушить привычную самоидентификацию, и создать новую.

Соответственно, выпуск персидскими шахиншахами золотых монет не избавил, конечно, ближневосточное общество от социального зла, однако облегчил трансформацию конструирования самоидентичности, открыв возможности для новой самоидентификации – на основе обладания ликвидным богатством, опредмечивание которого удобнее всего было производить в дарах (см. характерное упоминание о дарах в вехтхозаветных книгах Немеии и Ездры), что автоматически включало индивида в систему персидских властных отношений и – на осознанном, как и на бессознательном уровне – подразумевало *лояльность* по отношению к высшей персидской власти (причем лояльность не по отношению к конкретному царю, а к персидской власти вообще, т.к. дары были лишены какой бы то ни было легенды, указывавшей на персональность царя). В конечном итоге новая самоидентичность покоренных народов в значительной степени уменьшила потенции для массового этнического мятежа и обеспечила политическую стабильность державы Ахеменидов.

С.Ю. Темчин

ГРЕЧЕСКИЙ ГЕБРАИЗМ «КУНИРОНИ» В ГРАФФИТО XI в. НОВГОРОДСКОЙ СОФИИ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ ГИМНОГРАФИЯ

Это граффито новгородского Софийского собора в двух записях, различающихся лишь орфографией (*коунирони* и *кюнирони*),

впервые опубликовано А.А. Медынцевой, которая отнесла их к 1050–1108/12 гг., но затруднялась в интерпретации: «Не ясно, что они означают. Возможно, разгадку их следует искать в карельском языке» (Медынцева 1978. С. 71, № 69–70).

Ныне обнаружено более 40 иных записей этого граффито (иногда сопровождаемых личным именем в им.п.), которые, кроме двух уже известных, содержат и третье написание (*кунирони*). Все они расположены в местах, доступных священникам, но не обычным прихожанам: на западной стене перехода из алтаря в дяконник и на северной стене последнего. Датировка этих надписей подтвердилась (Гиппиус, Михеев 2011. С. 37–38).

Недавно граффито предложено делить на два слова (*куни рони*) и считать славянской адаптацией обращенного к дочери Сиона древнееврейского выражения *qūtl̄ gōpl̄* ‘вставай, взывай (императив ед.ч. ж.р.)’ из библейской книги Плач Иеремии (Плач 2.19: «Вставай, взывай ночью, при начале каждой стражи; изливай, как воду, сердце твое пред лицом Господа; простирай к Нему руки твои о душе детей твоих, издыхающих от голода на углах всех улиц»), выражающей скорбь о разрушении Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором в 587 г. до н.э. Данный стих крайне редко использовался христианскими авторами: его цитировали лишь Ориген (†254), Амвросий Медиоланский (†397) и Феодорит Кирский (†ок. 457). Многократная запись его древнееврейского инципита в новгородской Софии признана древнейшим свидетельством прямых русско-еврейских контактов и предположительно связана с захватом Новгорода и разграблением его Софийского собора полоцким князем Всеславом Брячиславичем в 1066 г. Эти события могли мыслиться аналогичными разрушению Иерусалима (Gippius etc. 2012).

Эта интерпретация проблематична:

1) нет надежных свидетельств присутствия в Новгороде XI в. еврейской общины или людей, владевших древнееврейским языком и способных стать источником информации об оригинальном звучании библейского стиха, почти не привлекавшего внимания христианских авторов; к сравнению, глаголица известна эпиграфике новгородской Софии (Медынцева 1969; Медынцева 1978. С. 25–32; Михеев 2010. С. 96–102; Гиппиус, Михеев 2011. С. 49–50);

2) славянское *кунирони* вторым согласным отличается от др.-евр. *qūtī ḡonpī*, что предложено объяснять дистактной регрессивной ассимиляцией сонорных *-m- -n- → -n- -n-* под влиянием следующей формы *ḡonpī*, получается, что никто из авторов более 40 записей граффито не знал правильного звучания древнееврейской фразы, хотя грамотные люди на Руси знали семитскую форму *qūtī* по церковнославянскому Евангелию (Мк 5. 41: «И, взяв девицу за руку, говорит ей: “талифа, куми”»);

3) ашкеназское произношение древнееврейского языка на Украине, в Польше, западных районах Венгрии и юго-восточный вариант языка идиш, где этимологическое /ū/ реализуется как [i] либо, реже, [ü], не могут объяснить вариативность славянских написаний первого слога *кю-, ку-, коу-* граффито XI в., т.к. формируются значительно позже – после начала переселения ашкеназских евреев с немецких на польские земли (XIII в.);

4) записывавшие граффито люди не понимали его структуры и не осознавали входящих в него форм императива, о чем свидетельствует употребление последующих личных имен в именительном (а не звательном) падеже;

5) самая ранняя (пусть даже искаженная) запись древнееврейской фразы именно в Новгороде, а не в Киеве, где еврейская община засвидетельствована с X в., не получила объяснения.

Этих проблем можно избежать, приняв за источник граффито иной церковный текст – стихиру 7-го гласа Максиму Исповеднику на 13 августа, выписанную на полях древнерусской рукописной нотированной минеи на август (ГИМ. Син. 168. Л. 71 об.). Инципит стихирь опубликован: «Дньсь благоизвольною кунирони да похвалимъ Максима...» (Incipitarium 2008. Р. 541, № 5868), но текст не вошел в издание церковнославянской версии службы, осуществленное по иному раннему списку (Мурьянов 2004. С. 222–252, 439–446). Греческого соответствия этому песнопению не найдено, хотя существует инципит Σήμερον τῇ εὐήχῃ κινύρα... (Follieri 1962. Р. 494).

Эти инципиты (славянский и греческий) могут принадлежать разным песнопениям, схожим лишь в зачале, но их взаимное сопоставление позволяет установить, что церковнославянское написание *кунирони* соответствует греческому κινύρα и имеет в виду др.-евр. *kinnor* – ветхозаветный струнный музыкальный ин-

струмент, родственный лире (Коляда 2003. С. 182, 231). Он служил преимущественно для выражения радости и веселья, игрой на нем особенно отличался Давид (1 Цар 16.23: «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, – и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него»). В ранней церковнославянской гимнографии греч. *κινύρα* передавалось словами *брацало*, *цѣвница*, *гжсли*. Последним переводилось также греч. *κινάρα* и *λύρα* (Словарь 1989. С. 405; Friedelówna 1998. S. 85–86).

В славянском тексте стихирь *κυνирони* стоит вместо исходной формы **κινυροѡ*, соответствующей греч. *κινύρα*: окончание тв.п. ж.р. **оѡ* → -*оу* передано здесь почему-то как -*они* (что, однако, не сказалось на форме согласованного прилагательного), а гласные буквы первых двух слогов записаны в обратной последовательности; в той же рукописи встречается подобная перестановка согласных (Кривко 2006. С. 85).

Эти проблемы относятся к происхождению формы *κυνирони* в церковнославянском песнопении, но не в зависящем от него граффито. Вариативность написаний последнего – *кю-* (около 10 раз), *ку-* (по крайней мере 4 раза), *коу-* (более 15 раз) – вполне соответствует ожидаемым славянским рефлексам греч. *υ*, что уже отмечалось (Girpius etc. 2012. P. 274). Греческий ипсилон сохранял свое особое произношение дольше, чем считалось ранее – по крайней мере до первой половины XI в. (Lauritzen 2009).

Рукопись, содержащая стихирь Максиму Исповеднику, ставшую источником для граффито, принадлежит второму (из сохранившихся) поколению служебных миней (посл. четв. XII в.) новгородского Софийского собора (Сводный каталог 1984. С. 128, № 94), где и было записано граффито. Содержащая форму *κυνирони* стихира, даже если она, подобно иным записям на полях этой рукописи, приписана в XIV в. (Шульгина 2007. С. 109–110), отражает более ранний оригинал, к которому восходит и граффито 1050–1108/12 гг.

Последнее следует отнести к древнерусским эпиграфическим памятникам, воспроизводящим богослужебные тексты (Рождественская 1995). Записывавших это граффито людей интересовала не столько сама стихира, сколько непривычное слово, обозначавшее привычный для них предмет – гусли. Но поскольку более

40 раз это слово записано в одинаково искаженной и трудноузнаваемой (вне контекста) форме, данные записи воспроизводят вполне определенный исходный текст.

Итак, граффито *кунирони* действительно содержит древнееврейское по происхождению слово – *kinnor*, посредством греч. *kivúra* попавшее в церковнославянскую стихирю, а оттуда – на стены новгородской Софии. Этот гимнографический текст мог быть известен и в Киеве, но там гусли не были столь популярны, как в Новгороде (Тынурист 1977). Данное граффито позволяет почти на шесть веков удревнить первую фиксацию славянского грецизма и опосредованного гебраизма *киннира*, отмеченного в источнике 1654 года (Словарь 1980. С. 125).

Литература

- Гиппиус А.А., Михеев С.М. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. 3 // ДРВМ. 2011. № 2 (44). С. 37–57.
- Коляда Е.И. Музыкальные инструменты в Библии. М., 2003.
- Кривко Р.Н. Среднеболгарский фрагмент НБКМ № 113 [читай: 114. – С.Т.] в истории переводов славянских служебных миней // Scripta & e-Scripta. 2006. Vol. 3–4. Р. 59–94.
- Медынцева А.А. Глаголические надписи из Софии Новгородской // СА. 1969. № 1. С. 199–210.
- Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века. М., 1978.
- Михеев С.М. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. 1 // ДРВМ. 2010. № 2 (40). С. 91–102.
- Мурьянов М.Ф. Гимнография Киевской Руси. 2-е изд. М., 2004.
- Рождественская Т.В. Богослужебные тексты в церковной эпиграфике Древней Руси // Литургия, архитектура и искусство византийского мира: Тр. XVIII Междунар. конгр. византинистов (Москва, 8–15 августа 1991 г.) и др. мат-лы, посв. памяти о. Иоанна Мейендорфа. СПб., 1995. С. 303–312.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. 2.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7.
- Тынурист И.В. Где во гусли звонили? (опыт картографирования народных музыкальных инструментов) // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 16–29.
- Шульгина Э.В. Кодикологическое и палеографическое описание новгородских служебных певческих миней // Liturgische Hymnen nach by-

- zantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit: Beiträge einer internationalen Tagung (Bonn, 7.–10. Juni 2005). Paderborn etc., 2007. S. 104–115.
- Gippius A.A., Gzella H., Mikheev S.M., Schaeken J. The oldest traces of Semitic (Hebrew and Syriac) in early Rus': two inscriptions in the St. Sophia Cathedral in Novgorod // *Russian Linguistics*. 2012. Vol. 36. P. 271–284.
- Follieri H. *Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae*. Città del Vaticano, 1962. Vol. 3.
- Friedelówna T. O słownictwie muzycznym w Psalterzu Synajskim // *Tematy: Księga jubileuszowa w 70. rocznicę urodzin profesora Leszka Moszyńskiego*. Gdańsk, 1998. S. 82–86.
- Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts. Paderborn etc., 2008. T. 1.
- Lauritzen F. Michael the Grammarian's irony about *hypsilon*. A step towards reconstructing Byzantine pronunciation // *Byzantinoslavica*. 2009. Vol. 67. P. 161–168.

А.М. Филиппук

ПЛЕННЫЕ РУСЫ В РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ДОГОВОРАХ: ЦЕНА И ОБМЕН

Взятие в плен (αἰχμαλωτέω), обмен пленными (ἀλλάγῃ), сами пленные (αἰχμάλωτοι) являются частыми сюжетами репрезентации войны как в византийской литературе, так и во внешнеполитических договорах, заключенных Византией со своими соседями (Patoura 1994. P. 61–83). Выкуп пленных всегда был частью глорификации императора, делом, на которое, по словам Продолжателя Феофана, не следовало жалеть денег (Theoph. Cont., 423.5–7). В связи с этим в текстах русско-византийских договоров X в. много места уделяется именно пленным с обеих сторон, которых следовало как-то вернуть на родину. Среди многих сложностей, подстерегавших процесс их возвращения, наиболее важной было определение их статуса, который мог уже измениться после, например, продажи пленного в рабство (о грани, отделяющей пленного от раба, см.: Rotman 2009. P. 27–57). Во избежание подобных противоречий византийское законодательство строго отли-

чало пленного от раба, что свойственно и текстам соглашений с русами (Kolias 1995. P. 129–135; Letsios 1992. P. 213–227). С другой стороны, ожидание пленными русами выкупа могло длиться годами, и одним из главных препятствий здесь была цена пленного, которая зависела от условий обмена.

Тексты договоров дают возможность как проследить изменение цены пленного руса в Византии, так и исследовать формирование цен на пленных в Византии, а также место, время и процедуру обмена пленными между византийцами и русами. Поскольку в договоре 971 г. ничего не говорится о пленных русах (обмен пленными состоялся до заключения договора [Leonis Diaconi 155. 22]), рассмотрим информацию о них в договорах 911 и 944 гг. В первом из них, как это ни странно, читаем о значительном числе пленных русов, судьба которых оставалась не совсем ясной после 2 сентября 911 г. Их было настолько много, что предполагалась возможность поступления их на византийскую службу, а также выкуп части их из рабства, куда какие-то из них уже были проданы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 26–27). Для освобождения последних следовало отдать за них «цену раба», а потом еще выплатить цену пленного: *ѡ Р҃си ѡ полонѣньи. многажды ѡ коиа ѡво странѣ. пришедшииѣ в Р҃сь. и продаемоиѣ въ крѣтыиѣ. и еце же и ѡ хрѣтианѣ полонныиѣ многажды ѡ коиа любо странѣ приходящииѣ в Р҃сь. се продаени вѣваю. по .к. золота. и да придѣтъ в Грѣки ѡ тѣ* (Там же. Стб. 27). Русы и византийцы должны были приобретаться по одинаковой цене, что, в свою очередь, создавало удобную возможность для дальнейшего обмена. Согласно договору, византийцы, кажется, взяли на себя бремя покупать пленных русов также и в другой стране, куда они могли быть проданы.

Таким образом, текст соглашения предусматривал: поиск пленных, их выкуп по рыночной цене раба, если пленник уже был продан в рабство, и, самое важное, обмен и выкуп по определенной цене.

Договор 944 г. позволяет увидеть существенные изменения в византийских подходах относительно пленных русов. Так, в договоре 944 г. положение о пленных выписано, очевидно, с большой точностью и стратификацией цен, в сравнении с предыдущим договором: *и елико хрѣтианѣ ѡ властѣ нашаѣ плѣнена. приведеѣ Р҃сь тѣ. аще бѣдетъ ѡноша. или дѣца добра. да вѣддаѣтъ золотник. ꙗ. и поитѣ и. аще ли естъ*

средовѣць. да вѣдасть золотникъ. ѿ. и помнѣть и. аще ли бѹдетъ старъ или дѣтнѹ. да вѣдасть золотникъ. ї. аще ли шеврѣщѹтсѣ Рꙋсь работѹюще ѿ Грѣкъ. аще сꙋть полоници. да искꙋпаютъ а Рꙋсь. по. ї. золотникъ. аще ли кꙋпилъ или бѹдедѣ. Грѣѹниѣ ꙗꙋ кꙋтомиѣ. достонѣтѣ имꙋ да вѣзмѣть ꙋбꙋꙋ ѿкоже далъ бѹдетъ на нѣ (Там же. Стб. 39).

После неудачного похода князя Игоря в 941 г., несмотря на показательные казни некой части взятых в плен врагов (Antapodosis. 138), в руках византийцев оставалось все еще очень значительное число пленных русов. С другой стороны, русы за почти четыре месяца постоянных грабежей захватили много пленных, цены на разные возрастные категории которых приводятся в тексте соглашения. По сравнению с договором 911 г., где цена пленного руса составляла 20 номисм, тридцать лет спустя она упала ровно вдвое до 10 номисм. Чем было вызвано такое стремительное падение цены пленного?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, следует рассмотреть информацию русско-византийских договоров в сравнительном контексте с сообщениями византийских и арабских авторов об обмене пленными, где, к сожалению, очень редко упоминается сумма выкупа. Так, ал-Мас'уди писал о 30 000 динаров, потраченных для выкупа пленных арабов в 946 г. Непонятно только, для какого количества людей предназначалась эта сумма, поскольку ал-Мас'уди указывает на два этапа обмена. Сначала были выкуплены 2482 пленных, а потом еще 230 (Васильев 1902. Прил. С. 41). Если 30 000 динаров были платой за всех пленных, то цена одного пленного араба была немногим больше 10 динаров. Такая цена противоречит сообщению Яхьи Антиохийского, что при обмене пленных в 966 г. за каждого из своих 3000 воинов Сайф ад-Даула заплатил 80 динаров (Yahya. 18. 803). Очевидно, что цена пленного зависела от многих факторов, и ни один из них не был и не мог быть определяющим. Среди главных, собственно, количество пленных. Последнее диктовало византийские подходы к обмену пленными. Если группы пленных были очень значительны, то цена каждого постоянно уменьшалась и могла равняться цене раба. С другой стороны, небольшое количество пленных стимулировало высокие цены на рынке, тем самым компенсируя византийские потери. Учитывая различные возрастные

группы пленников и их разное социальное происхождение, средства, уплаченные за знатных пленников, могли намного превышать обычные суммы для выкупа (о важности захвата знатных пленников для продажи читаем в «Тактике» Льва VI Мудрого [The Taktika of Leo VI. XVI, 11]). Цена пленного зависела также от времени обмена пленных, неудачах при обмене, продолжительности их заключения в Константинополе и пр. (Kolias-Dermitzaki 2000. P. 608–610).

Совпадение всех перечисленных факторов имело место и в случае резкого падения цены пленных русов в договоре 944 г. В отличие от 911 г., количество пленных русов в Константинополе было огромно. Они долго ждали выкупа, и отнюдь не являлось очевидным, когда именно будет обмен и состоится он вообще. Поэтому снижение цены до 10 номисм могло быть вполне оправданным шагом, тем более что выкупать их в 944 г. никто особенно не спешил. Наконец, после похода русов 941 г. до времени заключения договора 944 г. произошли события, которые могли повлиять на снижение цены пленного в Византии. Большому отряду русов удалось захватить Берда'а в 943 г. и удерживать город и округу в течение нескольких месяцев (Ibn Miskawayh. P. 67–74; о хронологии событий см.: Zuckerman 1995. P. 266–268). Их последующий разгром мог вызвать появление значительного количества пленных русов на рынке, что, в свою очередь, могло спровоцировать падение цены на них и в том числе стать фактором, определившим цену пленного руса в договоре 944 г. Следуя русско-византийским договорам, византийцы могли выкупать пленных русов, если те находились в другой стране. Такие действия, если они и имели место, были вызваны тем обстоятельством, что в руках русов находилось большое количество пленных византийцев, женщин и детей. Для их предстоящего обмена предполагалось собрать много пленных русов.

Как и где происходил обмен пленными между византийцами и русами? В отличие от обменов пленными между арабами и византийцами, между русами и византийцами не существовало устойчивого пограничья. Более того, удаленность территории русов от Константинополя являлась весьма значительной, что открывало несколько возможностей. Во-первых, обмен мог происходить в Константинополе. После определения всех условий выкупа в

договоре 944 г. сказано, что русы должны были переправить пленнх византийцев до места обмена. Поскольку договор позволял выкупать пленного руса на месте по цене раба, поиск пленного и его выкуп мог быть возможным, главным образом, в Константинополе. Во-вторых, для обмена пленными к русам мог быть отправлен (подобно миссии патрикия Феофана к венграм. – Theoph. Cont. 422.20–423.7) один из людей императора, «мужей цесарства нашего» в договоре 944 г. Учитывая мирные отношения Византии с печенегами, такой далекий путь с целью выкупа пленнх представляется вполне вероятным.

Литература

- Васильев А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время македонской династии (867–959 г.). СПб., 1902. Т. 2.
- Ibn Miskawayh.* Eclipse of the Abbasid Caliphate / Ed. and transl. H. Amedroz and D. Margoliouth. Oxford, 1921. Vol. 5.
- Kolias T.* Kriegsgefāngene, Sklavenhandel und die Privilegien der Soldaten // *Byzantinoslavica*. 1995. Vol. 56. P. 129–135.
- Kolia-Dermizaki A.* Some remarks on the fate of the prisoners of war in Byzantium (9th–10th centuries) // *Atti del Congresso Interdisciplinare di Studi Storici “La liberazione dei ‘cattivi’ tra Cristianità e Islam. Oltre la Crociata e il Ġihād: Tolleranza e Servizio Umanitario”* / Ed. G. Cipollone. Città del Vaticano, 2000. (Collectanea Archivi Vaticani; 46). P. 583–620.
- Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem* / Ed. C.B. Hasii. Bonnae, 1829.
- Letsios D.* Die Kriegsgefāngenschaft nach Auffassung der Byzantiner // *Byzantinoslavica*. 1992. Vol. 53. P. 213–227.
- Liudprandi episcopi Cremonensis Antapodosis* // *Die Werke Liutprands von Cremona* / J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915.
- Patoura S.* Οι αιχμαλωτοι ως παραγοντες επικοινωνιας και πληροφορησης (4ος–10ος αι.). Athenes, 1994.
- Rotman Y.* Byzantine Slavery and the Mediterranean world. Cambridge (Mass.), 2009.
- The Taktika of Leo VI* / Text, transl., and commentary by G.T. Dennis. Washington, 2010.
- Theophanes continuatus* / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1825.
- Yahya ibn Sa’id al-Antaki.* Histoire / Ed. and trans. I. Kratchkovsky and A. Vasiliev // *Patrologia Orientalis*. 1924. T. 18. P. 699–832.
- Zuckerman C.* On the Date of the Khazars’ Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // *Revue des études byzantines*. 1995. T. 53. P. 237–270.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ «НЕВРЮЕВОЙ РАТИ» (ПО МОНГОЛЬСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

До сих пор не было попыток привлечь для исследования темы монгольские источники, сохранившиеся в сводах «Юань джяньчжан», «Юань ши» и др. (в переводах на персидский и китайский языки), которые представляют иной взгляд на эти события. Сообщения о делах Руси в них лаконичны и фрагментарны, но они есть и их можно изучить в контексте наших знаний о юаньской канцелярии.

1. По русским летописям, события 1252 г. произошли из-за того, что великий князь Андрей Ярославич отказался выполнить некие приказы монгольских каанов – он предпочел «бегати, нежели цесаремь служити» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473).

2. В анналах Мэнгу-каана в «Юань ши» сказано: «в начальной луне года *гуй-чоу* (февраль 1253 г.)... Посланный с поручением [каана] *битикчи* Берке внес в реестр количество дворов и населения русских» (Юань ши. С. 46). «Внесение в реестр» – термин монголо-китайской канцелярии, перепись населения и составление реестра его повинностей. Нахождение его в «Основных записях» означает, что составители «Юань ши» имели на руках документ, подписанный кааном. Это мог быть только доклад Мэнгу с просьбой о каком-то решении. Формуляры их известны из юаньского официоза и дата события, взятая сводчиками «Юань ши» для «Основных записей», это дата документа, представленного каану. Иначе говоря, февраль 1253 г. – это дата доклада Мэнгу. Значит, само событие на Руси должно быть отодвинуто не менее чем на полгода назад, т.е. Берке оказался на Руси не позднее середины 1252 г. Но при этом русские летописи не знают «внесения в реестр» именно в 1252 г., а датируют первое «число» только 1257 г. Это противоречие необходимо разъяснить. В то же время русские летописи знают только одно событие 1252 г., связанное с монголами, – «Неврюеву рать».

3. Для начального периода «ига» известно, что от каана могли поступить приказы только по двум предметам: выставления рати

и переписи населения. По мнению В.В. Трепавлова, «владычество ордынцев над завоеванной Русской землей проявлялось в двух главных формах: в выдаче ханами ярлыков и выплате дани-выхода» (Трепавлов 2010. С. 10). Этот вывод совпадает с тем, что нам известно об отношениях Каракорума с аналогичными Руси вассально-зависимыми странами вроде Кореи или Грузии.

4. На период правления Андрея Ярославича не выпадают сборы вспомогательных ратей, но на него приходится объявления общеимперских переписей, причем от *двух разных* каанов. Согласно «Юань ши», в декабре 1247 г. перепись объявил Гуюк, а в конце 1251 г. – уже Мэнгу. Следовательно, именно от *двух разных* каанов к Андрею Ярославичу, последовательно – в 1248 и 1252 гг., пришли приказы о переписях. Оба приказа он не выполнил. Естественно было бы предположить, что приказами, от которых великий князь решил «бегати», и были приказы о переписях. А произвести перепись автоматически означало отдать «выход». При неисполнении первого приказа еще можно было надеяться на смерть Гуюка. Но перепись от нового каана грозила уже неприятностями – помимо ответа за сам факт нарушения приказов, надо было отдать повинности за все годы. Очевидно, таких средств у Андрея Ярославича не было. Поэтому он решил бежать, как и его бояре, не желая отвечать своей казной. Андрей Ярославич долго жил у монголов, а значит, хорошо представлял себе их образ действия – нарушение финансовой дисциплины ими сурово наказывалось.

5. Пришедшие весной 1252 г. «численники», в составе отвечавшего за перепись чиновника среднего ранга Берке и сопровождавшего его небольшого военного отряда, быстро узнали, что власти вассальной страны вместо организации переписи решили бежать. Разведка монголов была на высоте, что подтверждается Лаврентьевской летописью – монголы знали, куда отправился Андрей Ярославич, и пошли за ним «в след его». Но в остальном мы можем лишь гадать о последовательности дальнейших событий. Некоторые из них надежно реконструируются исходя из наших знаний о законах монголов. Монголы ввели солидарную ответственность за их нарушение – отвечал не только владетель страны, но его люди, причем не только сами по себе, но и их жены, слуги и рабы со всем имуществом. В терминах монголов это

называлось «вынести приговор главному». Пэн Да-я и Сюй Тин, побывавшие в Каракоруме в 1233–1236 гг., сообщают об этом: «Они [черные татары] наказывают смертью тех, кто преступит закон и разбойничает. Их жены, дети и скот конфискуются... [Если] рабы, принадлежащие некоему А, похитят имущество некоего Б или имущество рабов, принадлежащих Б, то все [имущество, жены, дети и скот] конфискуются у А, вместе с женами, детьми и скотом, принадлежащими рабам [А], а самих рабов вместе с А – казнят. Это называется “вынести приговор главному”» (Пэн Да-я, Сюй Тин. С. 16а). Это же применялось и к тем, кто уклонялся от переписи. В указе Чингисхана от 1222 г. сказано: «тех, кто под ложным предлогом, что ушли в монахи, скрываются от регистрации в качестве плательщиков *чай-фа*, судить, определять вину и вынести приговор главным» (Ван Го-вэй. С. 16а).

6. Выполнение экзекуции «вынести приговор главному» к Андрею Ярославичу было поручено командиру отряда сопровождения Берке, т.е. Неврюю. Нам известна точная форма его имени в русской огласовке – «Неврюн» (Суздальская летопись). В других списках оно трансформировалось в немонгольское «Неврюй». «Неврюн» надежно представляет монгольское имя Нюрын, т.к. в русских текстах XII–XV вв. тюрко-монгольские звуки -юу/-уу передавались через сочетание –ев (тюрк.-монг. слово *схуунчи* в русских текстах писалось как *севенч*: «ту же и Севенча Боняковича». – ПСРЛ. Т. 2. Стб. 432).

7. Из Нюрынов XIII в. на роль «Неврюя» наиболее подходит салджиут Нюрын (ум. 1263 г.), сын Тайдара. Его биография есть в «Юань ши». В 1252 г. Нюрын еще не имел собственного подразделения – он только в 1255 г. унаследовал после смерти отца командование родовой тысячей, а до этого был под его командой и участвовал вместе с отцом и дедом (Буралдаем) в их походах. Одним из таких походов и был поход против кипчаков и алан, т.е. поход монголов в Европу 1235–1242 гг. Следовательно, Нюрыну хорошо была известна местность Северо-Востока Руси. Его положение – заместитель командира тысячи, не имевший еще ранга тысячника, – также вполне подходило для назначения во временные командиры небольшого, порядка 500–700 человек, отряда. Эта численность была стандартной для отрядов сопровождения. Дальнейшая карьера Нюрына фантастична – став тысячником

только в 1255 г., он уже вскоре был назначен полководцем крупного отряда. А в 1258 г. Мэнгу произвел его в главнокомандующие несколькими корпусами (Юань ши. С. 51).

8. Добыча, полученная в ходе карательной экспедиции Нюрына, скорее всего, и вызвала разногласия между Нюрыном, с одной стороны, и *битикчи* Берке с Бату, с другой стороны. Именно этим надо объяснять то, что Берке отчитался о переписи как о выполненной и что сообщение о «внесении в реестр» у русских, отправленное в Каракорум *битикчи* Берке, не отражало реальных событий 1252 г. Такой недостоверный отчет мог быть отправлен только по настоянию властей улуса Джучи. Нюрын же после возвращения в Каракорум сообщил Мэнгу о реальном положении дел. И тогда разразился скандал – когда прибывший от Бату в конце 1252 г. Тобчак предъявил Мэнгу запрос Бату на 10 000 *дин* серебра, Мэнгу приказал написать ему императорский указ, выдержанный в крайне резком тоне: «Богатства Тай-цзу и Тай-цзуна (Чингисхана и Угэдэя. – *Р.Х.*) подобным образом были израсходованы, как можно одарить *чжувана* таким пожалованием! *Вану* следует хорошенько вникнуть в это. Серебра, что [ему] выдали, это только то количество, которое разрешено к пожалованиям на нынешний и будущий год» (Там же. С. 47). Бату выдали под этот указ только 1000 *дин*. Это была пощечина – два года назад Бату возвел на престол Мэнгу и считал себя «делателем царей». Последовало охлаждение отношений, которое было урегулировано только в 1255–1256 гг. – после поездки Сартака к Мэнгу и получения от последнего как инвеституры, так и определения доли Джучидов от доходов империи. Доли эти были окончательно определены на курултае 1256 г.: «Государь сделал большой сбор всех князей и нойонов в местности Урмэгт... и пожаловал золотом и шелками согласно рангам, в результате чего установил ежегодное пожалование *чжуванов* деньгами и зерном» (Там же. С. 49). Тогда же был утрясен вопрос и с несостоявшейся переписью на Руси – прятавшийся у Бату *битикчи* Берке опять назначался главой переписи, но к нему был приставлен имперский контролер Касачик. Вдвоем они и зафиксированы в русских летописях (НПЛ. С. 310). Более того, над ними всеми Мэнгу поставил чиновника высшего ранга – *даругачи* Китая: «Год *дин-сы*... В девятой луне (*октябрь 1257 г.*)... [Мэнгу] сделал Китая, сына зятя

каана Лачина, *даругачи* по умиротворению и охране порядка у русских» (Юань ши. С. 50). Это назначение указывает на дополнительный контроль над Берке и Джучидами.

Изучение событий 1252 г. по данным монгольской канцелярии приводит к выводу, что тезисы отечественной историографии вроде «борьбы с татарами за независимость Руси» не обоснованы. Вызвано это слабостью источниковой базы исследований, целиком основанных на русских источниках. В свете же данных монголов видна обычная карательная экспедиция за нарушение выплат дани. Причины же ее лежали как в отсутствии средств у русского князя, так и в наличии финансовых трений между монгольскими правителями.

Источники и литература

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2.

Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии, М. 2010.

Храпачевский Р.П. Монгольские и китайские источники XIII–XIV веков о Восточной Европе // Российские и славянские исследования. Минск 2007. Т. 2.

王國維 黑鞑事略箋證 // 海寧王靜安先生遺書, 冊 37 / Ван Го-вэй. *Хэй-да шилюэ цзяньчжэн* // Хайнин Ван Цзин-ань сяньшэн ишу (Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина). Чанша, 1940. Т. 37.

膨大雅, 徐霆 黑鞑事略 // 海寧王靜安先生遺書, 冊 37 / Пэн Да-я, Сюй Тин. *Хэй-да ши-люэ* (Краткие известия о черных татарах) // Там же. 元史 / Юань ши, «Чжунхуа шуцзюй чубань». Пекин, 1997.

С.В. Ярцев

ПРОБЛЕМЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА БОСПОРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IV в. н.э.

Грубо выполненные монеты, подражающие римским денариум и позднеантичным боспорским «статерам» (Фофорса и Рескупорида VI), постоянно находят в археологических слоях античных памятников Северного Причерноморья, встречаются они и в ряде позднебоспорских кладов (Фролова 1997. С. 76; Абрамзон,

Фролова 2008. С. 47–49). Однако до сих пор не известна причина появления данных монет, точное время и место их чеканки. Не установлена также связь производства указанных подражаний с прекращением чекана медных «статеров» на Боспоре в 341/42 гг. (Фролова 1997. С. 132; Фролова, Куликов, Смекалова 2001. С. 64).

Сейчас уже очевидно, что последний факт не может свидетельствовать о перенасыщении монетой слабого внутреннего рынка позднего Боспора и считаться аргументом в доказательстве хозяйственного упадка экономики и деградации монетного дела государства в это время (Голенко 1960. С. 244; Голенко, Сокольский 1968. С. 82, 89; Анохин 1986. С. 127; Исанчурина, Исанчурин 1989. С. 67–70). Ранее мы уже высказывали мнение, что именно расселение меотийских варваров на боспорской территории сыграло решающую роль в формировании особых хозяйственно-изолированных районов (Болгов 1996. С. 113–114) и возрождении сельского хозяйства и ремесленного производства на Боспоре во второй половине IV в. н.э. (Ярцев, Милеева 2010. С. 494–500). Экономическое оживление во второй половине IV в. н.э. во многом оказалось обусловленным не восстановлением объемов внешней торговли или, например, курсом на интенсивность сельскохозяйственного производства, а по большей мере вовлечением в сферу своей экономической деятельности бывшего враждебного населения, расселенного на правах федератов в пограничных районах государства. Таким образом, причиной появления варварских подражаний явилась острая нехватка монет в новых условиях возрожденного боспорского рынка (Кропоткин 1961. С. 16; Казаманова 1969. С. 93 сл.; Дадашева 1976. С. 82).

Особенно остро ощущалась нехватка римских денариев, которые, с одной стороны, обращались на Боспоре в крайне незначительном количестве и не играли существенной роли в денежном обращении (Абрамзон, Фролова 2008. С. 48). Однако, с другой стороны, необходимость в них возникла из-за того, что не все варвары признавали боспорские «статеры» и в качестве выплат требовали римское серебро (Казаманова, Кропоткин 1961. С. 134). Именно поэтому подобные монеты встречаются почти исключительно на Азиатском Боспоре и Северном Кавказе, в местах расселения, скорее всего, сармато-аланских племен (Абрамзон, Фролова 2008. С. 528). Подтверждает данный вывод и то

обстоятельство, что образцом для подражаний здесь выступали денарии Марка Аврелия с типом идущего Марса (Там же. С. 48), а ведь именно эти монеты пользовались необыкновенной популярностью у варваров и имели массу подражаний в племенной чеканке (Абрамзон 1995. С. 276–277).

Но кто же производил эти монеты? По мнению В.Н. Парфёнова, данным чеканом занимались частные мастерские, которые в условиях агонизирующего государства самостоятельно взяли на себя задачу устранения дефицита наличности на рынке. При этом государство не могло, да и, скорее всего, не пыталось бороться с изготовлением такого рода эрзац-монеты (Парфенов 2011. С. 284). На то, что в этих мастерских работали варвары (Голенко 1960. С. 244; Голенко, Сокольский 1968. С. 81 сл.; Казаманова 1969. С. 159) косвенно указывает неграмотность резчиков штемпелей, которым явно не хватало профессионального мастерства (Исанчурин, Исанчурин 1989. С. 67). Более того, данные мастера нередко стремились поместить на своей продукции несвойственные оригинальному образцу знаки и символы (кружочки, дужки, крестики). В основном их размещали на подражаниях римским денариям, которые предназначались исключительно для варваров. По мнению Л.Н. Казамановой и В.В. Кропоткина, непонятные знаки играли роль своеобразных варварских дифференгов (Казаманова, Кропоткин 1961. С. 131; Абрамзон, Фролова 2008. С. 528–529). Действительно, похожая картина наблюдалась и на территории варварских королевств, возникших после распада Римской империи. Первые монеты здесь представляли собой хорошо известные римские, но с варварской надчеканкой (Berndt, Steinacher 2008. S. 252–298). Казалось бы, все это должно самым непосредственным образом свидетельствовать о незаконной денежной эмиссии. Однако свободное размещение на государственном чекане посторонних сюжетов, имен и эмблем не являлось чем-то необычным в античном мире. Например, во времена Римской республики подобным образом магистраты, отвечавшие за производство монет, пропагандировали знатность своих родов (Абрамзон 1995. С. 62). Более того, судя покладам, все указанные подражания (как римские денарии, так и боспорские «статеры») обращались на территории Боспорского царства параллельно с монетами государственных выпусков и вместе с ними же

подвергались тезаврации (Абрамзон, Фролова 2008. С. 48–49, 530, 538). Однако если ценность подражаний римским денариям еще можно определить драгоценным металлом, то ценность медных подражаний боспорским «статерам» с этой точки зрения объяснить невозможно. Похоже, что все эти монеты имели отношение к официальному чекану, и в первую очередь именно поэтому обладали реальной покупательской способностью. Скорее всего, мастерские, изготавливавшие данные подражания, работали вполне легально, например, по системе откупов, хорошо известной в позднеантичное время (Мэттингли 2005. С. 216–277). Даже в более раннее время на императорском монетном дворе отдельные этапы монетного производства нередко сдавались на откуп частным лицам (Абрамзон 1995. С. 70).

Исходя из того, что откуп на право такой чеканки частные мастерские могли получить только у боспорских властей, можно уточнить время выпуска указанных монет. С этой целью следует еще раз обратить внимание на то, что варварские подражания (обоих типов) входили в состав позднебоспорских кладов, где находились вместе с монетами последних царских выпусков (Абрамзон, Фролова 2008. С. 48–49, 530, 538). Как известно, эти монеты обращались на Боспоре по меньшей мере еще более двух столетий (Исанчурин, Исанчурин 1989. С. 93; Кругликова 1966. С. 204). Но, скорее всего, изготовление подражаний ограничивается позднеантичным периодом, когда возникали проблемы, связанные с дефицитом разменной монеты. На это указывает то, что образцами для подражаний являлись монеты исключительно последних боспорских царей. Иначе говоря, именно тех боспорских правителей, которых знали и помнили современники – потенциальные заказчики монет.

Однако даже если первый опыт производства монет частными мастерским и мог появиться еще во времена перебоев с выпуском «статеров» в 30-х годах IV в. или даже раньше, расцвет системы откупа на Боспоре, безусловно, должен был начаться только после окончательного прекращения официального государственного чекана. В связи с этим сразу обращают на себя внимание так называемые «темные годы» (342–362 гг.) боспорской истории (Болгов 1996. С. 41–42). Однако в этот период, по всей вероятности, действовал строжайший запрет Рима на чекан боспорских

монет и любая деятельность по их производству была неосуществима. Ослабить указанное ограничение римские власти могли только после посольства боспорян к императору Юлиану в 362 г. (Аmm. Marc. XXII. 7.10). Новый император вполне мог пойти на уступку просящим о помощи боспорянам и разрешить Боспору отдавать на откуп частным мастерским производство небольших партий монет. Однако речь при этом могла идти только о боспорских «статерах» прошлых типов для устранения дефицита разменной монеты на внутреннем рынке и о подражаниях римским денариям для расчетов с варварами Азиатского Боспора и Северного Кавказа. Действовавший уже достаточно длительное время запрет на выпуск Боспором полноценной денежной массы, по всей видимости, был оставлен в силе.

Литература

- Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Симферополь; Керчь, 2008. Т. 1: 1834–2005 гг.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–VI вв.). Белгород, 1996.
- Голенко К.В.* К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора // Зап. Одесского археологического общества. Одесса, 1960. Т. 1 (34).
- Голенко К.В., Сокольский Н.И.* Клад 1962 г. из Кеп // Нумизматика и эпиграфика. 1968. Т. 7.
- Дадашева С.А.* Основные черты денежного обращения Кавказской Албании // ВДИ. 1976. № 4.
- Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р.* Монетное дело боспорского царя Радамсада // Нумизматика и эпиграфика. 1989. Т. 25.
- Казамазова Л.Н.* Введение в античную нумизматику. М., 1969.
- Казамазова Л.Н., Крopotкин В.В.* «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. 1961. № 1.
- Крopotкин В.В.* Клады римских монет на территории СССР. М., 1961.
- Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. М., 1966.
- Мэттингли Г.* Монеты Рима: С древнейших времен до падения западной империи. М., 2005.
- Парфенов В.Н.* К проблеме «варварских» подражаний познебоспорской монетной чеканке // XII Боспорские чтения. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века.
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВВ – Византийский временник. М.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВЕДС – Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Мат-лы конф. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ДА – Донская археология.
ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР). М.
ДРВМ – Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М.
ЗНТШ – Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів
ЗООИД – Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов
ИЗ – Исторические записки. М.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МИС – *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
НИС – Новгородский исторический сборник
НО – Надписи Ольвии. *Inscriptiones Olbiae* (1917–1965) / Под ред. Т.Н. Книпович и Е.И. Леви. Л., 1968.

- НПЛ – 1) Новгородская I летопись
 2) Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ПВЛ – 1) «Повесть временных лет»
 2) Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.
- ПРП. Вып. 1. – Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. Вып. 1.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
 Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
 Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
 Т. 7: Воскресенская летопись. СПб., 1856.
- ПЭ – Православная энциклопедия. М.
- РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- СА – Советская археология. М.
- СВ – Средние века. М.
- ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Л.; СПб.
- ÍF – Íslenszk fornrit. Reykjavík
- IOSPE – *Latyschev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli*, 1916.
- MGH AA – *Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi.*
- MGH SS – *Monumenta Germaniae historica. Series scriptorum.*
- PG – *Patrologia graeca.*
- SBS – *Studies in Byzantine Sigillography.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Алексеевко Н.А.</i> Византийская Таврика в системе имперских экономических коммуникаций по данным моливдовулов торгово-таможенной службы империи	3
<i>Арапов Д.Ю.</i> Почтовые повинности в Азии и Восточной Европе в древности и раннем средневековье	7
<i>Арутюнова-Фиданян В.А.</i> К вопросу о социально-административных и экономических характеристиках армяно-византийских лимитрофов в X–XI вв.	11
<i>Ауров О.В.</i> От пехотинца к плательщику (к проблеме эволюции социальной структуры в Королевстве Кастилия в XI–XIII вв.)	16
<i>Бондарь А.Н.</i> Экономическое развитие летописного Оргоща в X – начале XI в.	18
<i>Бубенок О.Б.</i> Аланские купцы и трансконтинентальная торговля в развитое средневековье	23
<i>Ванькова А.Б.</i> Товарно-денежные отношения и византийский монастырь: практика и ее осмысление (IV–VI вв.)	28
<i>Вдовченков Е.В.</i> Две модели экономики кочевников Нижнего Подонья в среднесарматское время	33
<i>Веремейчик Е.М.</i> Продукция овражной пирометаллургической индустрии на территории Черниговского Полесья в X–XIII вв.	38
<i>Вилкул Т.Л.</i> Дань в ранних славянских текстах: Восемь книжек, хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, «Повесть временных лет»	42
<i>Вин Ю.Я.</i> Концепт «икодеспот» в социальной культуре Византии	47
<i>Габелко О.Л.</i> «Экономика добычи» у галатов Восточной Европы и Малой Азии	52
<i>Гвоздецкая Н.Ю., Кузнецова А.А.</i> Символика меча в свете древнеанглийского аллитерационного стиха: От «слова» к «вещи» (на материале поэмы «Беовульф»)	57
<i>Гиппиус А.А.</i> «Нѣсть се Олегъ, но святыи Димитрии...»: К атрибуции летописного свода 1060-х годов	62

Глазырина Г.В. Освоение природных ресурсов, хозяйственная деятельность и обмен в раннесредневековой Исландии	69
Григорьев А.В. О весовой системе у населения Супрутского городища	74
Джаксон Т.Н. О золоте, власти, пирах и дарах в средневековой Норвегии	82
Домбровски Д. Экономические возможности русского правителя XIII в. в свете его придворной летописи (владимиرو-волынский князь Владимир Василькович)	88
Ермолова И.Е. Один из стереотипов античной традиции о варварах	94
Живлова Н.Ю. Овца вместо собаки и пиво, «от которого тошнит»: Обман клиентами лордов при выплате продуктовой ренты в средневековой Ирландии	98
Жуковский М.О. Наборы весовых гирек из древнерусских кладов IX–XI вв.	101
Земляков М.В. Категории зависимости в древнеанглийских правовых источниках VII – начала X в. (анализ <i>Textus Roffensis</i>)	108
Золотарёв А.Ю. К вопросу об источниках рабства и характере эксплуатации рабов в раннесредневековой Англии	113
Калинина Т.М. Еще раз о славянской дани по информации Ибн Русте	119
Каштанов С.М. Загадки древнерусской экономики (тезисы)	123
Кириллова Е.Н. Торговые пошлины в Париже XIII в.	126
Кляшторный С.Г. Социальная стратификация и ее связь с имущественным статусом в древнетюркских племенных сообществах Центральной Азии (по материалам рунических памятников Монголии и Южной Сибири)	127
Коваленко В.П. «Северский» участок пути «большого полюдья»	133
Копылов И.А. <i>Pax Wandalica Maritima</i> – вандалская морская экспансия и контроль товарооборота в Средиземноморье	137

Короленков А.В. Помпей Страбон и его богатства	142
Котляр Н.Ф. Княжеские кланы и удельная раздробленность	146
Кочуркина С.И. Приладожская курганная культура: Погребения с монетами, весами и гирьками	150
Крадин Н.Н. Дань и подарки в истории взаимоотношений кочевников и Руси	155
Красильникова Л.И., Красильников К.И. Хозяйственные системы и дань населения степной периферии Хазарского каганата	160
Кузнецов А.А. Элементы военной экономики в отношениях владимирских князей с мордвой и емью в 1220-е годы	164
Кузьмин А.В. О причине приезда итальянских купцов в Киев в 1246 г.	169
Кучкин В.А. Кредитование в Древней Руси	174
Литовских Е.В. «Престижные» вещи в средневековой Исландии: Символы богатства в родовых сагах	179
Лукин П.В. Древнерусские смерды и саксонские литы: Попытка нового обращения к старой теме	183
Масленников А.А. Экономическая основа социальной стратификации античного Боспора	188
Мельникова Е.А. От дара к покупке: Гуннар Хамундарсон между двух экономических систем	193
Могаричев Ю.М. К вопросу об экономических процессах в Юго-западной Таврике VI–XIII вв. (по данным памятников скальной архитектуры)	198
Мурашёва В.В., Фетисов А.А. Торговый инвентарь в контексте «портового хозяйства» Гнёздова	203
Науменко В.Е. О боспорской нефти Константина VII Багрянородного как военно-экономическом факторе политики Византийской империи в Северном Причерноморье в X–XI вв.	205
Обрезкова Д.В. Постоянная повинность в Поздней Римской империи начала IV – первой трети V в. (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана)	210
Панкратова М.В. Формирование правовых оснований для взимания штрафов в пользу короля (на материале норвежских судебных книг XII–XIII вв.)	212

Петрухин В.Я. К проблеме становления государственной собственности на Руси	217
Подосинов А.В. Образ Скифии в античности: экономический аспект	221
Радивилов Д.А. О некоторых аспектах имущественных правоотношений ибадитов с христианами	226
Скржинская М.В. Политические и экономические стимулы для возникновения и развития документальной прозы в Ольвии	230
Сорочан С.Б. О торгово-экономических связях византийского Херсона с федератами Таврики в VI–VII вв.	235
Столярова Л.В. К экономической истории книги Древней Руси XI–XIII вв.	240
Суриков И.Е. Были ли экономическими причины появления алфавитной письменности в античной Греции?	245
Суровенков Д.И. Деньги, власть и самоидентичность (к вопросу о причинах политической стабильности державы Ахеменидов)	250
Темчин С.Ю. Греческий гебраизм «кунирони» в граффито XI в. Новгородской Софии и церковнославянская гимнография	254
Филипчук А.М. Пленные русы в русско-византийских договорах: цена и обмен	259
Храпачевский Р.П. Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам)	264
Ярцев С.В. Проблемы денежного обращения на Боспоре во второй половине IV в. н.э.	268
Список сокращений	274

Научное издание

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

**XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто
и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева
Москва, 17–19 апреля 2013 г.**

Материалы конференции

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории РАН

ISBN 978-5-94067-385-9

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 27.03.2013 г.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Объем 17,5 п.л. Тираж 150 экз.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, 119334, Ленинский пр-т 32а

